

Третий муж

А. Ганова

Глава 1

Пятничным октябрьским вечером, морозящий дождь сбивал с ветвей последние пожелтевшие листья. Порывистый ветер сотрясал окна и отбивал любое желание выходить из дома. Казалось, что стоит высунуть нос за дверь — тут же промокнешь до исподнего, продрогнешь и станешь таким же серым, как унылая улица и поникшие черные деревья. Размокшая грязь и лужи не оставляли ни малейшей возможности добраться до нужного места с сухими ногами. Однако даже такая погода не смогла остановить Дороти Палм — главную сплетницу Блусмберга.

Маргарет вышивала, греясь у камина, когда Бетти сообщила о неожиданном визите.

— Миссис Маргарет, к вам пожаловала миссис Палм.

— В такую-то погоду? — удивилась хозяйка: — Она, наверно, насквозь промокла! Скорее зови. И принеси горячего чая с крекерами, — крикнула вдогонку.

«Уж если мерзлячка Дороти в такое ненастье не усидела дома — новость невероятно интригующая!» — оживилась она и, как только подруга появилась в комнате, радостно воскликнула:

— О, милая, скорее проходи! Налюбуешься горячего чаю: не хочу, дорогая, чтобы ты заболела.

— Благодарю! — гостя поудобнее расположилась в кресле у камина и протянула к огню замерзшие руки. Бросая таинственные взгляды, неспешно сделала глоток чая и приготовилась выпалить новость, но желание сильнее заинтриговать боролось с нетерпением, поэтому она молчала, сдерживаясь изо всех сил.

«Ну?!» — чуть было не сорвалось с губ миссис Марвел, однако она все же сдержалась и только чуть ближе придвинулась, показывая всем видом, что внимательно слушает. Набрав воздуха, Дороти быстро выпалила:

— Айзек вернулся!

— Не может быть! — от удивления глаза Маргарет округлились. — Когда?

— Совсем недавно, в начале этой недели! — теперь уже неторопливо продолжила рассказ гостя. — Я зашла в «Храм вкуса», присмотреть новую шляпку, и заметила солидную пару, разглядывающую образцы. Они ждали, когда им упакуют покупки. Я видела их со спины, но сразу заметила, что мужчина одет со вкусом, а его дама — весьма изысканно и дорого. Джентльмен так заботливо и трепетно поддерживал ее под руку, что я невольно продолжала наблюдать за ними. А когда он оплатили солидный счет и повернулся, я потеряла дар речи! Это был Айзек Гриндл!

— Не может быть! — повертела головой потрясенная миссис Марвел и прикрыла раскрытый рот ладонью. — Кто бы мог подумать?!

Мэлоди Гриндл сильно влияла на супруга, а, став вдовой, ее суровый, властолюбивый характер проявился полностью. Имея настойчивость и недюжинный ум, она успешно управляла компанией более двенадцати лет, хотя другие вдовы в ее положении доверялись управляющему или родственникам. Но несколько лет назад, после внезапной кончины матери, Айзек Гриндл вступил в наследство и начал сам вести торговые дела.

Он был высоким, склонным к полноте молодым джентльменом, не лишенным обаяния. Его высокий лоб говорил о хорошей логике, карие пытливые глаза о любознательности,

однако постоянно открытый рот, по причине непроходящего насморка, портил картину и придавал лицу намек на доверчивость и простоватость.

Пока торговые дела шли успешно, Айзек не был обделен женским вниманием, и некоторые достойные невесты города рассматривали его кандидатуру, как возможного будущего супруга. Впрочем, серьезно он ни за кем не ухаживал то ли из-за застенчивости, то ли из-за еще каких-то причин, но людская молва приписывала ему тайные чувства к некой даме, которая по только известным ей доводам не могла ответить взаимностью.

Так же ходили кривотолки, что после смерти матери Айзек особо остро почувствовал одиночество и стал проводить вечера в компании молодых людей дурной репутации. Влияние друзей или отсутствие деловой жилки, или и то и другое, но постепенно торговые дела пришли в упадок. Для покрытия долгов он был вынужден продать дом, а потом, прячась от кредиторов, с позором покинул город. Романтической натуры поговаривали, что пить Гриндл начал не столько из-за смерти родительницы, сколько из-за неразделенного чувства.

— Ты не понимаешь! — возмутилась Дороти. — Он не только вернулся в Блумсберг, но и привез жену, купил дом недалеко от тебя! Одет как денди, и все его поведение показывает, что он снова состоятелен! Представляешь?

— Невероятно! Но как?! А кто его избранница?

— Не знаю, — вздохнула гостья, — но по тому, как держится, видно: она из хорошей семьи.

— Ну, надо же! Не могу поверить...

— Я тоже не могла! Но столкнувшись нос к носу при свете дня, сомнений не осталось — это точно он! Уотс сказал, что Айзек выплатил все долги и купил дом рядом с твоим! Подожди, скоро сама его увидишь!

***

Не прошло и трех дней, когда чета Гриндл посетила воскресную проповедь. Респектабельно одетый Айзек с супругой гордо прошествовали к первым рядам и расположилась неподалеку от семейства Марвелов. Как успела заметить Маргарет, на миссис Гриндл было надето платье темно-зеленого цвета в белую полоску, с обильно украшенным множеством тонкого кружева подол; бежевые перчатки и изящная шляпка с высокой тульей в тон.

К огромному сожалению, они расположились немного левее и на один ряд позади, и она не могла их рассматривать во время проповеди. Не может же воспитанная леди обернуться и показать свою заинтересованность, а уж Маргарет считала себя одной из самых достойных дам города.

«Как же обидно! — сожалела миссис Марвел. — Вот сидит Айзек Гриндл весь из себя, как рождественский гусак во главе стола, красуется, всех разглядывает, злорадствует, а я даже пренебрежительный взгляд просить не могу на него!»

Дабы показать свое пренебрежение и недосыгаемость, чопорная миссис Марвел задрала подбородок повыше, до боли в позвоночнике выпрямила спину — и так высокомерно и просидела всю проповедь, за что и поплатилась, когда на следующий день проснулась с острой болью в пояснице. Намазанная бальзамом спина горела и чесалась, напоминая, что гордыня — все-таки грех, зато Маргарет нравственно чувствовала себя недостижимой и благородной, не то, что некоторые.

При выходе из церкви они все-таки столкнулись, и уж тут-то к своему удовольствию Маргарет рассмотрела их хорошенько, а потом со злорадством и смакованием рассказывала

знакомым, как бледна и невзрачна миссис Гриндл, про излишек румян на ее щеках и о том, как смутился Айзек от ее холодного и сдержанного приветствия...

Еще неделю город гудел о нашумевшем возвращении Айзека, а потом Гриндлы были признаны приятной парой и тепло приняты горожанами, хотя некоторая настороженность все же оставалась. Мало ли, вдруг он снова начнет чудить?

***

Несмотря на спесивость, чопорность и некоторое высокомерие, миссис Марвел была человеком доброй души, благочестивой женщиной, любящей и заботливой женой и матерью троих детей. Некоторая доля скаредности, увлечение сплетнями и слухами так же вносили заметные нюансы в ее характер.

Маргарет рачительно вела хозяйство, но преимущественно это касалось найма служанок. Количество прислуги указывало на состоятельность и солидность семьи, тем не менее, несмотря на достаток, она искренне не понимала, для чего нужно нанимать трех служанок и каждой из них платить, когда разумнее найти одну и платить только ей, но чуть больше. Однако за это «чуть больше» Маргарет изводила служанку придирами и недовольством, поэтому, как только у прислуги появлялась возможность найти другое место работы, домработница с радостью покидала дом. С каждым разом находить новую было все сложнее, поскольку слухи о скаредности и привередливости хозяйки дома быстро разнеслись среди обслуги Блумсберга.

На всем, что касалось детей, Маргарет даже не думала экономить. Наоборот, с упоением нанимала преподавателей и верила, что сыновья — Джонатан и Питер достигнут значительных успехов в учебе. А Лидию и вовсе баловала. Глядя на дочь, родители были уверены, что когда она подрастет, станет самой завидной невестой Блумсберга.

Каждое воскресенье Марвелы посещали церковь. Не сказать, что проповеди преподобного Поупа захватывали и отличались особым душевным вдохновением. Скорее они были высокопарными, напыщенными и несколько затянутыми, и пока пастор наставлял, скусающая паства, придавая лицам благочинное выражение, ерзала и пыталась размять затекшие части тела. Но Маргарет с нетерпением ожидала наступление выходных и заранее начинала готовиться, дабы показаться в обществе с супругом, хорошо воспитанными сыновьями и умницей Лидией. После завершения проповеди она, общаясь с соседями и знакомыми, выслушивала похвалу и принимала комплементы, которые, по возвращению домой, записывала в отдельную книжку. Вечером, лежа в постели, миссис Марвел долго не могла заснуть от переполнявших ее счастья и гордости.

Соседям супружеская чета Марвелов казалась почти идеальной. Маргарет и Николас не ругались, даже спорили редко. Впрочем, такое мирное, счастливое супружество выходило не из-за отсутствия спорных моментов, а по сложившейся семейной традиции, согласно которой супруг старался не перечить своей дражайшей половине. Правда, спорить было бессмысленно, потому как упрямыцу переспорить было почти невозможно.

В случае, если дело принимало не тот оборот, к которому она стремилась, Маргарет бледнела; потом молча, прижимая руки к вискам, садилась в кресло и начинала плакать. Дети бросались к матери, уговаривали ее не расстраиваться, а она, вытирая батистовым платком слезы, причитала о неблагодарности близких, которые не желали принимать добрые ее начинания, не понимали, что она желает им только хорошего. Если и это не имело успеха, миссис Марвел охватывала слабость, оставляли силы, и она заболела. Приглашенный врач — мистер Споук не мог понять причину ее недомогания, разводил

руками, намекая на нервное перенапряжение, советовал спокойный сон и отсутствие переживаний.

А миссис Марвел с каждым днем становилось все хуже. Когда ее дрожащие руки уже не могли дотянуться до лежавших на столике успокоительных капель, дети — Джонатан, Питер и Лидия, начинали со слезами на глазах просить отца пожалеть мамочку, наделенную хрупким здоровьем, и умоляли уступить, чтобы она перестала страдать.

Николас не был жестоким человеком, но и глупым тоже. Конечно, он догадывался о причине неведомой болезни супруги, но слезы детей, заламывание в мольбе детских рук и грустные лица заставляли его уступать вновь и вновь. Да и как спорить с единственной дочерью состоятельных родителей, если с пеленок Маргарет привыкла, что родные потакают любым ее прихотям. Впрочем, если положить руку на сердце, он считал, что у него хорошая семья.

Миссис Марвелл не была красавицей, но в юные годы милостивая юная леди с чистой кожей, приятной улыбкой и хорошим приданым считалась одной из самых желанных невест города. Тем не менее, единственная дочь обеспеченных родителей выбрала Николааса, сына мелких торговцев. Немного успеха в виде поддержки будущего свекра и много трудолюбия позволило ему иметь неплохой доход и получить согласие родителей Маргарет на брак.

Причина, по которой избалованная Маргарет выбрала Николааса, была, с одной стороны, из-за возникших симпатий, ведь он был приятным молодым человеком, немного застенчивым; с другой, решающую роль сыграли собственнические чувства. Пока Маргарет была холодна с ним, Эдна Бернер начала строить ему глазки. А ничто так не разжигает чувства, как ревность. Неделью Маргарет не находила себе места от ревности, а по прошествии оной спросила Николааса, любит ли он ее? Получив положительный ответ, она так же призналась во взаимных чувствах, после чего Николаас Марвел сделал ей предложение, на которое она, конечно, дала согласие. И через полгода они обвенчались.

Через положенное время, Маргарет родила первенца — Джонатана, потом Питера, а затем Лидию, которая казалась родителям самой чудесной и красивой девочкой на свете. Другие родительницы Блумсберга красавицей Лидию не считали, но признавали, что она, все же, была милой и хорошо воспитанной девочкой.

До двенадцати лет мальчиков учил мистер Батт, а после их отъезда в пансион, его пригласили обучать грамоте и арифметике Лидию. Музицировала она хорошо, однако особых вокальных способностей и усидчивости не имела. Тем не менее, образована была достаточно, чтобы не расстраивать мать.

— Дети должны быть хорошо воспитаны и образованы! Невоспитанный и необразованный ребенок — позор для семьи! — неустанно повторяла миссис Марвел. — Читать должны уметь не только Джонатан и Питер, но и ты, чтобы понимать слово Божье.

— Но мама! — начинала причитать Лидия.

— Ты не должна лениться! — настаивала мать, не обращая внимания на нытье дочери.

— Зачем читать Библию, — удивлялась Лидия, — если на проповеди пастор Поуп все равно будет пересказывать Писание?

Но спорить с матерью было бесполезно, поэтому ей ничего не оставалось, как смириться.

«И ничего интересного в городе не случается. Если только соседская кошка родит хороших котят, которых надо раздавать. Еще иногда приезжает цирк, и можно полюбоваться атлетами, так похожих на героев любовных романов. Ну, визиты подруг и

надоевшие чаепития с печеньем. Каждый день одно и то же. Со скуки помереть можно! — вздыхала Лидия. — Эх, вот бывает же на свете у людей приключения, путешествия или роковая любовь, как в «Опасных приключениях мистера Оливера»! Вот это жизнь! И такая любовь! Не то, что у меня...»

Как любая юная романтическая натура, она с упоением читала романы, которые тайком ей давала Люсинда, подруга и соседка.

Небольшая книга с описаниями героических поступков благородного Оливера, хранившаяся под матрасом, в большой тайне от матери, была перечитана несчетное количество раз, отчего имела весьма потрепанный вид. Ложась спать, Лидия обожала перечитывать любимые моменты, а отрывок романа, в котором храбрый Оливер перед лицом смертельной опасности признавался Сюзанне в любви, знала наизусть. Засыпая, грезила о красивом бесстрашном незнакомце, который совершает подвиг и спасает ее от опасного и коварного злодея — отвергнутого поклонника. А потом, после всех перенесенных опасностей, герой — спаситель встает перед ней на колени и признается в любви. Чуть позже они венчаются в украшенной цветами часовне, совершенно случайно встретившейся на пути, и уезжают далеко. Куда именно, Лидия не знала, да и не столь важным для нее это было, главное, чтобы прекрасный незнакомец любил ее, и они были вместе, несмотря на опасности. Юная, неискушенная девичья натура мечтала о любви всепоглощающей, чистой, искренней. В ожидании столь прекрасного чувства Лидия жила мечтами, однако, к огромному огорчению, никого даже отдаленно похожего на Оливера рядом не было. Все знакомые мальчишки и друзья братьев совсем не подходили на ее идеал.

«Остается ждать и надеяться...» — утешала себя Лидия. В ожидании ее спокойная и благополучная жизнь в родительском гнезде продолжала течь, без каких либо потрясений и забот.

Глава 2

Наступил ноябрь. В доме царило оживление, вовсю шла подготовка к именинам Питера. Бетти в поисках апельсиновой эссенции перебирала банки и бутылки в кухонных шкафах. Возможно, неудачно поставила стул или встала на край табурета, но он опрокинулся, и она упала. На грохот и звон бьющийся посуды примчалась миссис Марвел.

— Бетти, Боже мой, какая же ты неуклюжая! — закричала она. — Да ты еще и посуду разбила! Вычту из жалования! Кроме того, это плохая примета!

— Ой, ой... — выла служанка.

— Хватит причитать и изображать смертельное ранение! Иначе помимо стоимости разбитой посуды вычту стоимость сломанного стула! Да посмотри, бестолочь, ты еще и специи рассыпала!

— Ой, как больно! — не унималась Бетти.

— Николас! Николас! — возмутилась Маргарет. — Посмотри на эту лентяйку и лицемерку, она еще пытается меня разжалобить! Николас! — завопила сильнее и, подхватив многослойные юбки, развернулась и убежала в свою комнату, громко хлопнув дверью.

Когда через полчаса Николас зашел к ней, Маргарет сидела в кресле, держа в руках чашку с чаем, и смотрела в окно. Подойдя ближе, он отметил про себя, что супруга недовольна.

— Ах, Николас, я так расстроилась! Какая же она неуклюжая! Она уже все убрала?

— Э-э... Видишь ли, дорогая, — осторожно, издали начал супруг, — Бетти сломала ногу.

— Как?! — ужас мелькнул в глазах Маргарет. — А подготовка к празднику? Она успеет все сделать? Праздник должен получиться на славу. Я уже разослала приглашения, а новую прислугу найти так сложно, тем более за такое короткое время. Мы не можем из-за нее опозориться!

— Увы, милая, но нам придется искать другую служанку.

— Как!? — побагровела она. — Как можно найти замену за столько короткое время? Николас, мы пропали! Все пройдет ужасно, мы опозоримся, над нами будут смеяться! — и заплакала.

— Не плачь, милая, — утешал супруг, поглаживая по плечу, — мы что-нибудь придумаем.

На следующий день миссис Марвел энергично приступила к поиску новой работницы. Однако даже поданное в газету объявление не дало никаких результатов, и в следующем пришлось сообщить о повышении оплаты. Но день праздника неумолимо приближался, а замена Бетти еще так и не была найдена. Маргарет уже отчаялась и была на грани истерии, когда после воскресной проповеди к ней обратился преподобный Поуп:

— Миссис Марвел, рад приветствовать. Как вам проповедь?

— Как всегда проникновенна! После ваших наставлений словно вырастают крылья, и хочется сотворить что-то, что позволило бы хоть немного искупить наши грехи. Иногда я не могу сдерживать слез. Мы вам так благодарны, преподобный.

— Ну что вы, нести слово Божье — это мой долг. Мне отрадно, что мои слова трогают сердца прихожан.

— Не просто трогают, а подвигают добрым поступкам! — продолжала нахваливать Маргарет мистера Поупа. — После вашей проникновенной речи хочется стать лучше. Но я не знаю, что бы помогло мне хоть на маленький шаг приблизиться к этому?

— Ничего особенного, достаточно возлюбить ближнего своего, как самого себя. Это уже значительный шаг. Ведь принимать людей и любить их такими, какие они есть — это не так уж и просто! Уж поверьте мне! — заметил мужчина с улыбкой. — Кстати, миссис Марвел, я слышал: вы до сих пор ищите прислугу.

— Да! — оживилась Маргарет, предполагая, что, возможно, Поуп задает этот вопрос неспроста и, быть может, подействует в решении этой трудности. Как оказалось в дальнейшем, преподобный как раз и имел подобную цель.

— В наше время найти хорошую прислугу с честными и самыми хорошими намерениями не так уж и просто, но я бы взял на себя смелость рекомендовать вам воспитанницу моей двоюродной сестры.

Маргарет подобного оборота не ожидала. Конечно, проповеди подталкивают к совершению добрых поступков, но брать неопытную девчонку в столь важный момент ей совсем не хотелось. Ее радостная снисходительная улыбка на глазах становилась натянутой.

«Но, с другой стороны, — думала Маргарет. — Преподобный не из тех людей, которым так легко отказать. Стоит сказать «нет», и завтра ведь город будет знать, что у меня жестокое, черствое сердце. Только от одной мысли, что ее имя будут разносить сплетники и с радостью смаковать подробности, заставило миссис Марвел стиснуть зубы и произнести:

— Я не могу ничего обещать, пока не увижу воспитанницу вашей сестры. Важно с ней встретиться, чтобы составить мнение и принять решение. Давайте отложим столь важное

решение до личной встречи.

— Конечно, Маргарет, вы правы и как всегда благоразумны, — обрадовался Поуп. — Когда вам будет удобно встретиться?

Маргарет хоть и злилась, но любезно ответила:

— Как насчет четверга? Часам к четырем? — в душе изо всех сил надеясь, что до этого дня сотворится чудо, и она успеет найти более подходящую служанку.

— Благодарю, миссис Марвел, — улыбнулся преподобный Поуп. — Вы очень добры. Мы с Ханной обязательно придем.

— Ханна — это ваша двоюродная сестра? — с сомнением в голосе уточнила Маргарет.

— Нет, это ее воспитанница.

— Буду ждать.

Попрощавшись, миссис Марвел направилась в сторону выхода.

— Нет, Николас, ты слышал? — возмутилась она. — Воспитанница его сестры! Ха — ха! У нее даже имя неприличное. Если она также выглядит, ноги ее в моем доме не будет!

— Не расстраивайся, возможно, не все так плохо. Тем более, что помощница тебе все равно нужна. В крайнем случае, чуть позже найдем ей замену, или Бетти поправится и вернется. Только не расстраивайся, милая, — успокаивал ее муж, похлопывая по руке. — Я совсем не хочу, чтобы ты переживала из-за такой глупости. До четверга еще целых четыре дня. Все может случиться.

Однако до четверга чуда так и не случилось, и еще до прихода преподобного Поупа Маргарет поняла: обстоятельства вынуждают нанять воспитанницу его родственницы.

«Но это только на время!» — успокаивала себя она.

Часы показывали без пяти четыре, когда в дверь постучали. Из-за отсутствия прислуги, миссис Марвел вынуждена была спуститься вниз и лично открыть дверь. Перед визитом она почти успокоилась и смирилась со сложившейся ситуацией. Но дверь открылась и, не успев произнести приветствие, вежливая улыбка исчезла с ее лица.

На пороге стоял полнощекий мистер Поуп, а рядом с ним робкая, застенчивая девушка, из-за дешевого темно — серого платья простого покроя казавшаяся бледной.

— Боже мой! Да она совсем юная и неопытная! Что же мне делать? Я так надеялась на эту встречу! — почти театральным жестом, Маргарет сцепила пальцы в замок и протянула вперед, показывая свое разочарование.

— Ну, что вы! — начал успокоительную речь преподобный. Не зря он более пятнадцати лет читал проповеди, так что убеждать и увещевать паству умел. — Не стоит судить по внешности! Тем более, что Ханна очень старательна и чистоплотна. Она, конечно, юна, однако достаточно долго помогала вести хозяйство моей сестре, и надо заметить, хорошо справлялась со своими обязанностями.

— Вы правы, Преподобный, — парировала миссис Марвел. — Но к ближним мы относимся с большим снисхождением, чем к другим. Ведь Ханна была воспитанницей вашей близкой родственницы, не так ли?

— Ханна была не просто воспитанницей, а почти членом семьи, — перебил Поуп, понимая, куда собеседница клонит. — И смею уверить, что любящие родители всегда с большим пристрастием относятся к своим чадам, желая им добра. Поэтому к Ханне относились, хоть и с любовью и заботой, но со всей строгостью. Так ведь, Ханна? — обернувшись к спутнице, вопросительно посмотрел на нее, но в его голосе чувствовалось подбадривание.

— Да, мистер Поуп, — негромко, но хорошо слышно ответила девушка. В ответ преподобный тепло улыбнулся, а потом снова повернулся к Маргарет и продолжил:

— Поскольку Ханна сирота, рано или поздно, ей все равно пришлось бы искать работу. Моя сестра Кларисса старалась научить ее всем необходимым навыкам, которые позволили бы Ханне искать место прислуги и наилучшим образом выполнять возложенные на нее обязанности...

— Но... — попыталась перебить Маргарет, однако, не останавливаясь, Преподобный Поуп продолжал говорить:

— Но вы можете быть уверены, что Ханна — старательная и прилежная девушка, и смею заверить: весьма чистоплотная!

К этому времени миссис Марвел успела лучше разглядеть Ханну, выискивая любые недостатки, но их не было. Простое, чистое платье из дешевой ткани. Миловидные черты лица, большие серые глаза, обрамленные темными ресницами, но аккуратно прилизанные волосы и нелепый пробор делали ее блеклой и похожей на мышь.

«Ну, что ж, это только на время», — напомнила себе Маргарет и, выдохнув, произнесла:

— Хорошо, мистер Поуп, уговорили, — но она не была бы собой, если бы не попыталась сэкономить хотя бы цент.

«Пенни сберег — пенни заработал», — любила повторять ее мать английскую поговорку. Однако поторговаться о снижении оплаты не получилось. Преподобный уперся, как осел, и чуть что, начинал причитать, что Ханна — бедная сирота. Ругая себя за поданное объявление в газету, в котором сообщалось о повышении оплаты, и скрепя сердце, миссис Марвел также вынуждена была согласиться на высокую, по ее мнению, плату служанке.

— Ах, я совсем забыла! — попыталась использовать последний аргумент нанимательница. — У Ханны нет рабочего платья? Я могу выдать отрез ткани в счет будущей оплаты.

— Не беспокойтесь, любезная Маргарет, — с легкой иронией ответил Поуп, — у Ханны есть все необходимое, чтобы как можно скорее приступить к работе. О вашей доброте и щедрости я непременно упомяну в это воскресенье. Не сомневаюсь, что ваш достойный пример вдохновит и других на столь же благородные поступки.

Лицо Маргарет залилось краской. От злости она не могла вымолвить ни слова. Подобная похвала больше походила на тонкий укол. Жители города и так были наслышаны о ее рачительности и особом отношении к прислуге, так что прилюдная похвала ее щедрости, скорее будет похожа на унижение. Кроме того, местные матроны с любопытством будут расспрашивать преподобного об оплате труда приютской сироты, а после этого Маргарет уже не сможет снизить жалование, ссылаясь на отсутствие опыта или расторопности.

Затем преподобный покинул дом, а Ханна осталась с миссис Марвел, которая была вне себя от ярости.

Показывая дом и рассказывая об обязанностях, голос хозяйки оставался холодным и раздраженным. Позже, первая неделя в доме Марвелов, совпавшая с подготовкой к именинам Питера, вспоминалась Ханне как страшный сон. Хоть она не была робкой и изнеженной натурой, но поначалу не проходило ни дня, когда бы она не плакала.

Рабочий день начинался рано. Вставала Ханна первой, чтобы успеть убрать золу, разжечь печь, раскрыть окна и поправить занавески. Потом наводила в комнатах порядок и ставила греться воду, которую надо было принести с улицы. Когда дом просыпался, бегала по ступенькам вверх-вниз, меняя постельное белье и застилая кровати. Также приносила

чистую подогретую воду для умывания. Если вся семья собиралась за столом, подвала чай и завтрак, затем убирала и мыла посуду. После чего сразу приступала к приготовлению обеда.

Покупкой продуктов — изматывающей обязанностью, — занималась она же. Отчитываясь о каждом потраченном центе, Ханне приходилось выслушивать, что она лентяйка и неблагодарная мерзавка, потому как, по мнению миссис Марвел, покупает дорогие продукты и тратит хозяйские деньги попусту. Что бы ни делала, как бы ни старалась, миссис Марвел она все равно не нравилась. Казалось, хозяйку раздражает само существование служанки в доме.

Маргарет пыталась уговорить выздоровевшую Бетти вернуться, но не смогла. Обиженная на черствость и отсутствие сострадания у нанимательницы, бывшая служанка говорила родным:

— Если миссис Марвел так печется о своем добром имени и боится слухов, то она их получит. Прислуга, хоть и маленькие люди, но язык имеют большой.

У Ханны же ситуация была как раз безвыходной: без рекомендации найти работу в приличном доме невозможно, потому она терпела придирки хозяйки, хотя подобное было не в ее характере.

Преподобный Поуп совершил почти чудо, уговорив взять служанку без рекомендаций. Добрая миссис Брэдлоу подарила ткань для пошива рабочих платьев. Если бы не ее доброта и забота, Ханне пришлось бы почти два месяца работать на заводе, чтобы скопить необходимую сумму для покупки ткани. Она видела безруких детей, покалеченных бездушными промышленными машинами, поэтому до ужаса боялась, что придется работать в цеху.

Первая рабочая неделя пришлась накануне именин Питера и оказалась одной из самых тяжелых. Кроме бесчисленных хлопот, изматывали безосновательные придирки Маргарет.

Другие члены большой семьи относились к ней более снисходительно. Мистер Марвел делал вид, что ничего не замечает. Ему не пристало интересоваться заботами служанки, тем более что это ее работа, за которую платили жалование.

Лидия — любимица матери, была капризной, но менее притязательной. А самое доброе отношение к единственной прислуге было у Питера и Джонатана. Они возвращались из пансиона только на каникулы, потому доставляли хлопот меньше всех. Кроме того, миловидность Ханны, особенно ее улыбка позволила легко расположить братьев. Она это знала и без застенчивости пользовалась женскими уловками, когда сталкивалась с ними в коридоре один на один.

От ее пристального взгляда лица братьев-сорванцов покрывались предательским румянцем. Подобного кокетства с главой семейства Ханна себе не позволяла, опасаясь неприятных последствий в виде домогательств мистера Марвела или дикой ревности его супруги. И то, и другое она старалась всеми силами избегать. Несмотря на год, проведенный в приюте, Ханна оставалась скромной и целомудренной особой, но не стеснялась использовать обаяние для облегчения своей не простой жизни.

Ханна была не только наблюдательной, но и проницательной, потому быстро сообразила, что только честным трудом расположить к себе хозяев, особенно миссис Марвел, не возможно, и решила на хитрость.

Каждый раз в те редкие моменты, когда хозяйка была в хорошем расположении духа, говорила ей комплимент, которые та очень любила. Со временем Маргарет привыкла к похвале и стала к ней относиться чуть более терпимо. Тогда Ханна начала расхвалить в

присутствии миссис Марвел Лидию. Какая же мать устоит, когда хвалит ее ребенка, особенно любимую дочь.

Со временем Ханне смирилась и перестала принимать близко к сердцу хозяйкины брюзжания и придирки. И если Маргарет делала замечания, соглашалась, кивала головой, обещала все исправить и забывала.

«Она обо мне не помнит и не думает, а я плачу. Не стоит на истеричную особу держать обиду и долго ею терзаться, только мне от этого и хуже», — уговаривала она себя.

Теперь Ханна знала, что причина не в ней и не в плохо выполненной работе, нет. Причина крылась в дурном характере миссис Марвел, но Ханна слишком нуждалась в работе и не привыкла отступать.

Спать ложилась уже глубокой ночью, когда оставались силы, только чтобы дойти до кровати. Растирая ноющую поясницу и уставшие ноги, ее охватывали тоска и отчаяние.

«Боже, хорошо, что не приходится стирать!» — грустно радовалась она после долгого рабочего дня. В ее обязанности входило собрать белье, отдать приходящей прачке, потом принять чистое, расплатиться и разложить по местам чистые вещи.

В минуты страшной усталости, достаточно было вспомнить красные, в ссадинах, морщинистые руки прачки, и Ханна начинала радоваться, что ей так повезло с рабочим местом. Смех сквозь слезы, но что поделаешь: для сироты из приюта стать горничной в хорошем доме — означало большую удачу. Работа в доме Марвелов давала надежду, что в следующий раз, с хорошим рекомендательным письмом, она сможет подыскать более спокойное место.

***

Отработав почти полтора года, Ханна достигла значительных успехов.

Как-то в порыве раздражения, Маргарет достала чудесную кулинарную книгу с яркими, вручную раскрашенными картинками и, раскрыв, потрясла ею перед носом служанки, чтобы та, наконец-то, уяснила, как нужно украшать сладкий пирог. Потом громко захлопнула и унесла.

Эта книга, подаренная миссис Марвел матерью, считалась ценностью и хранилась под замком в книжном шкафу. Чтобы подержать ее в руках и узнать редкие рецепты, Ханна решила на хитрость. Испекла замечательный пирог с кленовым сиропом и абрикосами, а когда Джонатан — младший сын Маргарет, похвалил его, смутилась и скромно заметила:

— Спасибо, мистер Джонатан. Мне этот рецепт подсказала ваша матушка. Она нашла его в красивой красной книге с яркими картинками.

— Правда?! Ханна, а ты не могла бы почаще готовить что-нибудь такое же вкусное и сладкое? — попросил юноша, краснея. — Нас в пансионе не балуют сладким, а я... — хотел сказать, как сильно любит сладости, но Ханна не стала дожидаться его признания.

— О, мистер Джонатан, я тоже обожаю сладкое, особенно с медом и джемом! — и опустила ресницы. — Я бы с радостью готовила пироги и пирожные, только... — она остановилась и многозначительно замолчала.

— Все дело в той книге, да? — догадался он. — Мама ее ни за что не даст?

— Да, мистер Джонатан, — Ханна опустила глаза. Казалось, что более бескорыстной сладкоежки мир еще не видывал. Однако, другой, такой же любитель сладкого, быстро понял, о чем идет речь.

— Ханна, а ты умеешь читать?

— Да, мистер Джонатан.

— А что, если я... — юноша замялся, — если я достану эту книгу, сможешь еще что-нибудь приготовить?

— Да! — воскликнула обрадованная Ханна, прижав ладони к груди. В этот момент, видя ее радость и счастливую улыбку, Джонатан готов был тотчас же броситься за книгой.

— Я смогу достать ее на некоторое время незаметно. Только, Ханна, будь осторожна и очень аккуратна с книгой! А то нам с тобой достанется!

— Обещаю, мистер Джонатан! — глядя ему в глаза, очаровательно улыбалась служанка, и на ее щеках появились милые ямочки.

«В другом месте эти рецепты обязательно пригодятся!» — думала Ханна, выписывая их в книжечку.

***

Поздним майским вечером, когда сгустились сумерки, и лишь край заходящего солнца виднелся за зеленой листвой садовых деревьев, Ханна завершила штопку белья и поднялась в свою комнату, расположенную под самой крышей.

Чтобы избавиться от затхлого запаха, исходящего от старого матраса, встала на стул и открыла небольшое окошко, располагавшееся почти под потолком.

Свежий порыв теплого весеннего ветра обдувал руки и доносил из сада аромат цветущих фруктовых деревьев. Тишина ночного дома, резко сменилась неожиданно громкой трещоткой цикад и сверчков, певших только им ведомую колыбельную. От усталости кружилась голова, и Ханна почувствовала, что еще немного, и упадет в обморок.

«Как белая рабыня...» — горько вздохнула.

Сняв платье и вынув шпильки из волос, села на продавленную кровать. Сил разуться не было, поэтому решила полежать, а потом скинуть обувь.

Всю вторую половину дня она только и думала, как доберется до своей коморки, положит голову на тощую подушку и забудется крепким сном. Когда же желание исполнилось, сон не шел, зато в голову лезли воспоминания, от которых на душе становилось тошно, и наворачивались слезы.

«Могла ли мамочка подумать, когда наряжала меня в красивые платья, что пределом мечтаний ее дочери будет устроиться горничной в большом богатом доме? И что восемнадцатилетие я проведу за мойкой полов, тасканием воды и чисткой чужой обуви?»

Перед глазами ожили далекие воспоминания, как мама расчесывала ей волосы и, любуясь, произносила: «Ты еще совсем малышка, но уже такая милая! Когда вырастешь, уверена, станешь красавицей, и мы купим самое красивое платье, чтобы все видели, какая ты у меня!»

Но вместо этого — серые холодные стены, где приютские сестры забрали платье, купленное матерью, и насильно отрезали длинные волосы, чтобы легче было бороться со вшами. Злые, вечно голодные дети, сразу ее невзлюбившие. От воспоминаний, как у нее отбирали еду или плевали в тарелку, Ханне стало плохо. Старшие девчонки дразнили ее зазнайкой и били, если она не могла выпросить денег у сердобольных прохожих. Ханна зарыдала. Жизнь быстро и неожиданно из доброй сказки превратилась в страшную историю.

Воспоминания о приюте до сих пор снились по ночам, от чего она просыпалась и долго не могла уснуть. Разительный контраст между счастливым детством с заботливой матерью, баловавшей ее, учившей музицировать и петь, и жесткостью сиротской жизни, в которой били и заставляли попрошайничать, доводили до слез.

После тяжких раздумий о своей жизни Ханна еще долго не могла заснуть, а потом

долгожданный сон незаметно сморил, но он был тревожным и не придал сил уставшему от тяжелой работы телу.

Проснувшись утром, Ханна поняла, что уснула, так и не разувшись, свешивая с кровати ноги, и теперь болели колени. Мельком глянув в разбитое зеркало, висевшее на стене, заметила отекавшие, заплаканные глаза. Самочувствие было ужасным.

— Ты, как трутень, еле шевелишься! — возмущалась миссис Марвел. — Быстрее! Я тебя разбаловала добрым отношением! Будешь медленно работать, найду замену!

«К тебе толпы желающих рвутся, заметно!» — тихо огрызнулась Ханна.

К концу дня на ней не было лица, и миссис Марвел решила, что она заболела, однако никаких послаблений не сделала. Уставшая и злая служанка, добиралась в свою комнату уже почти ползком на четвереньках, клятвенно обещая себе начать поиски другой работы.

Глава 3

Лидия Марвел сидела в гостях у Лизы Вортнэл, дружба с которой одобрялась родителями.

Девочки пили чай с воздушным бисквитом, пропитанным джемом, и весело болтали, обсуждая новый журнал «Королева».

— Лиза, смотри какая прелесть, какой лиф! — воскликнула восхищенная Лидия, показывая пальчиком на бальное платье розового цвета, богато отделанное кружевами и розами. — Только представь себя в таком платье! Я бы в таком чувствовала себя принцессой.

— Красивое, — согласилась подруга, — но, мне кажется, оно скорее подойдет более взрослой леди.

— Вечно ты вредничаешь и портишь настроение! — Лидия по-детски «надула» губы, но, чуть успокоившись, спросила: — Почему ты так думаешь?

Элизабет часто говорила неприятные вещи, но Лидия знала, что сказано это было не со зла. Как ни обидно было признаваться, проницательная подруга была совсем не глупой и всегда говорила правду. От того замечания задевали сильнее, тем не менее, любопытство и осознание правоты Лизы заставляли юную мисс Марвел интересоваться ее мнением, как бы неприятно оно ни было.

— Посмотри, какое низкое декольте, я бы в таком чувствовала себя неловко. Представь, как будут на тебя смотреть, — вздыхая, терпеливо объясняла Элизабет. Легкомысленность подруги раздражала, но, все-таки, в глубине души она хотела хотя бы немного походить на Лидию.

— Но все равно, оно такое красивое! Интересно, мама согласится такое мне купить?

— Не сомневаюсь: когда придет время, у тебя будет платье ничуть не хуже или даже лучше! — утешила подруга.

Элизабет была невысокой, худенькой девочкой, с умными, проницательными глазами. Свободное время предпочитала проводить за чтением книг, особенно увлекалась историческими сочинениями. Так же она много рисовала, была интересным собеседником и казалась Лидии умной и почти всезнающей.

Подруги были совсем не похожи и, все же, не смотря на различия, дружили. Элизабет была скромной и застенчивой, Лидия же любила быть в центре внимания. Лидия обожала нарядные платья, а подруга носила одежду только из черной или серой ткани. Если Лидия

любила петь и танцевать, то в пуританской семье Элизабет танцы считались грехом. Но, как бы ни казались девочки совсем не подходящими друг другу по характеру, они хорошо ладили.

В семье Вортнэлов, кроме дочери, был еще старший сын — Вильям, который обучался в колледже для мальчиков в Аллентауне. Хотя семья Вортнэлов жила значительно скромнее Марвелов, родители Элизабет очень хотели, чтобы Вильям после колледжа поступил в университет и стал юристом, потому из всех сил экономили и старались дать сыну хорошее образование.

— Лиза, у тебя есть еще те апельсиновые или мятные конфеты, которыми ты угощала меня в прошлый раз?

— Закончились, а попросить купить маму я забыла.

— Лавка Томпсонов недалеко, давай купим? В этот раз я угощаю.

— Не сегодня. Вчера Вильям приехал, и мама решила устроить небольшой праздничный ужин. Останешься с нами?

— Да, если миссис Вортнэл не будет против.

— Ну, что ты! Наоборот, чем больше нас соберется за столом, тем веселее будет. Тем более что с Вильямом приехал его друг. Думаю, будет интересно.

— А как его зовут?

— Ален.

— А какой он? — сразу заинтересовалась мисс Марвел.

— Вот останешься и сама все увидишь.

— А вдруг он такой противный и страшный, что я даже ни кусочка не смогу проглотить?

— Скорее наоборот.

— Правда? — обрадовалась Лидия, предвкушая новое интересное знакомство с приятным молодым человеком.

— Вот сама увидишь и решишь, — попыталась Лиза хоть как-то урезонить подругу. Увидев, как у Лидии загорелись глаза, она немного пожалела о сделанном предложении.

В ожидании праздничного ужина они провели почти полтора часа, в течение которых подруга не переставала изводить Элизабет расспросами и просьбами рассказать о госте подробнее.

«Все-таки терпения и выдержки Лидии не хватает», — убедилась Лиза, рассказывая Лидии все известное про Алена по второму разу.

Когда раздался звон колокольчика и все, кто был в доме, начали собираться за столом, мисс Вортнэл была выжата как лимон, зато взволнованная Лидия в предвкушении чего-то незнакомого, но очень интересного, не могла уgomониться. Ей было почти шестнадцать, и она уже понимала, как важны новые знакомства и связи, которые в будущем смогут помочь ей устроить хороший брак.

За столом уже восседали миссис и мистер Вортнэл. На хозяйке было темное платье с рукавами, отороченными черным кружевом, а хозяин, импозантный лысеющий мужчина в жилете, прятался за раскрытой газетой.

— Располагайтесь, девочки, — приветливо сказала миссис Вортнэл, улыбаясь. — Мальчики, как всегда, немного опаздывают.

— И ничего удивительного! — раздался голос из-за газеты. — Я тоже всегда опаздывал.

— Тогда не удивительно! — рассмеялась мать Лизы. — Но все же, Эдвард, гордиться

здесь нечем, — мягко заметила она.

Лидии было удивительно и странно наблюдать за хозяевами дома. Все в их отношениях было совсем не так, как у ее родителей. Мать Лизы — спокойная, улыбчивая женщина, прислушивалась к мнению супруга. За все время, сколько Лидия знала родителей подруги, ни разу не заметила, чтобы миссис Вортнэл перечила мужу. Ее мягкость как-то совсем не сочеталась с темным, строгим платьем, которые носили в пуританских общинах.

Разговор даже не успел завязаться, когда наверху раздались уверенные, торопливые шаги. Две высокие мужские фигуры быстро спустились по лестнице и предстали перед взором сидящих в гостиной.

— Добрый день мама, папа. Добрый день Лиза и мисс Марвел. Рад вас приветствовать! — бодро говорил Вильям. — Позвольте вам еще раз представить моего лучшего друга — Алена Уилсона.

На что Алэн Уилсон тепло улыбнулся и поздоровался:

— Добрый день. Приятно находиться в столь теплой семейной атмосфере.

— Спасибо Алэн! — с благодарностью ответила хозяйка. — Нам тоже очень приятно вас видеть в нашем доме. Друзья Вильяма и наши друзья.

Мистер Уилсон в ответ улыбнулся такой обаятельной улыбкой, что хорошее настроение сразу же стало словно витать в воздухе, все заулыбались, и ни у кого не осталось ни капли сомнения, что вечер удастся на славу.

— Ну, что же, все собрались. Давайте не будем изводить себя ожиданием начала пиршества, вознесем благодарственную молитву и приступим к трапезе! — хозяин дома встал и склонил голову...

Ароматные запахи витали в воздухе, дразня голодных, но Лидии уже было не до угощений. В ее доме, званые ужины были гораздо торжественнее, и угощения подавали более изысканные, но... тут был мистер Алэн, обаятельный молодой человек, который мог расположить к себе лишь одной улыбкой. Лидия смотрела на него, не отводя глаз.

Он был высоким, немного худощавым, с самой милой улыбкой, которую только видела Лидия. Когда гость улыбался, были видны хорошие зубы, а на щеках появлялись ямочки. Ровная осанка придавала ему дерзости, которой, судя по глазам Алена и манере держаться, ему было не занимать.

Оказав чете Вортнэл и их дочери положенные приличиями знаки внимания, он посмотрел на Лидию. Поскольку все были одеты в темную, строгую одежду, гостя на их фоне казалась чудесным цветком из оранжереи. Мисс Марвел, как никогда, радовалась, что утром предпочла надеть не простое платье, а более изысканное. Сидя за столом, она чувствовала, что гость рассматривает ее и торжествовала.

Разговор за ужином был самым обычным в таких случаях. Вильям, как примерный сын, рассказывал родителям об учебе, преподавателях и своих успехах, а его друг лишь иногда вставлял в беседу пару слов, но супруги постепенно располагались к гостю все больше и начали задавать вопросы и о нем самом.

— Моя семья, миссис Вортнэл, совершенно ничем не примечательная. Это ваша большая и дружная, поэтому лучше расскажите о себе или детстве Вильяма, — голубые глаза Алена пронзительно смотрели на мать друга, показывая, что гость весь во внимании. Хозяйка дома обрадовалась похвале и принялась захлеб рассказывать о сыне.

Интересно это было ему на самом деле или нет, Лидия не поняла, но признала, что ход был ловкий. Пока хозяйка рассказывала, никто не приставал к нему с расспросами, а он сам

получил возможность спокойно, с чувством собственного достоинства есть и изредка поглядывать на нее.

«Какой же он красивый, находчивый и гордый!» — восхитилась про себя мисс Марвел, стараясь реже смотреть на Алена, но это плохо удавалось. Она пыталась как можно лучше рассмотреть его и запомнить.

Элизабет ужинала молча, изредка поглядывая то на гостя, то на Лидию.

— Лиза, я не узнаю тебя! — начал подначивать брат. — Обычно ты любишь поговорить, а тут из тебя даже слова не вытянуть. Хорошо себя чувствуешь?

Элизабет собралась духом и, стараясь не выдать своего волнения и гнева, как можно более спокойно ответила:

— Вы беседуете столь оживленно, что мне не хочется перебивать, — улыбнулась и вновь уткнулась в тарелку. — К тому же, маме рассказывать о твоём детстве доставляет огромное удовольствие. Не стоит ее лишать этого, правда?

— Уважение и любовь к родителям — это так по-христиански, — неожиданно заметил гость. — И ваше старание угодить матери достойно похвалы!

Ален улыбался Лизе.

— Благодарю, — сухо ответила она, не пытаясь развить разговор.

Да, друг Вильяма был красивым, находчивым и очень обаятельным, она смущалась его присутствия, но в то же время он ей был неприятен. Лиза не могла себе объяснить, чем именно Ален раздражает, но он казался ей ненастоящим, скрытным.

«Не понимаю, неужели никто этого не замечает? Да, он красивый, но разве этого достаточно, чтобы восхищаться человеком?» — рассуждала она, однако готова была многим пожертвовать, если бы это помогло ей стать красивее.

Лиза уже заметила, что Ален старался не распространяться о своей семье и, если ему напрямую задавали подобный вопрос, аккуратно менял тему разговора. Как объяснил ей брат, мать Алена — вдова, жившая в стесненных обстоятельствах.

Когда ужин окончился, собравшиеся еще побеседовали, пошутили, а потом глава семейства предложил сыну и дочери показать гостю Блумсберг и проводить Лидию до дома.

Молодым людям затея пришлась по душе, и они быстро собрались на прогулку.

— Ален, наш город небольшой, поэтому особенно рассказывать-то и нечего, так что мы быстро управимся, — уверил друга Вильям.

— Я не согласна с вами, Вильям! — собравшись духом, произнесла Лидия, чтобы хоть как-то привлечь к себе внимание гостя. — Блумсберг, хоть и небольшой, но жители гордятся им. Совсем недавно мы отпраздновали столетие его основания.

— Правда? — заинтересовался Ален.

— Да, — смущенно улыбнулась Лидия, заметив проявленный к ней гостем интерес, и продолжила: — В честь столь значимого события, город украсили цветами и разноцветными лентами. Горожане организовали ярмарку, где можно было купить сувениры на память о юбилее города. Около ярмарки установили карусели, проводили веселые конкурсы, у здания мэрии играл оркестр, где все желающие могли танцевать. А еще Блумсберг посетил цирк!

Ален пристально смотрел на нее, и мисс Марвел покраснела, но продолжила:

— Акробаты балансировали под куполом цирка, жонглеры, силач-геркулес, поднимающий тяжеленную штангу и несколько людей одной рукой, канатные плясуны и мимы, дрессированные собаки, мартышки, голуби, лев и даже огромный медведь, который катался по арене на колесе! Представляете, какое это было незабываемое событие!

— Увы, мисс Марвел, даже вся моя фантазия не может вообразить столь яркого зрелища.

В его голосе чувствовалась легкая насмешка, но Лидия ее не заметила, зато от Элизабет не ускользнула.

— И что же дальше? — поинтересовался он.

— Праздник прошел славно и оставил в памяти горожан и гостей Блумсберга самые радужные воспоминания! — закончила рассказ Лидия.

— Радужные воспоминания остались почти у всех, не считая, тех, кто по причине сильного увлечения крепкими напитками ввязались в драку и наутро проснулись с некоторыми повреждениями частей тела и лица, — неожиданно уточнила Лиза и вызвала громкий смех у Алана.

— Ну, как же без этого? — смеялся он. — Вы, наверно, еще забыли упомянуть тех, кто в праздничной обстановке не уследили за своими кошельками, часами и другими ценными вещами?

— Вы правы, мистер Уилсон, к сожалению, и без этого не обошлось, — ответила она, почти игнорируя собеседника и стараясь на него не смотреть, словно разговаривала сама с собой.

Увидев, что подруга перехватила инициативу, Лидия попыталась вернуть все внимание к своей персоне.

— Ну, и что! — упрямо и возмущенно воскликнула она, почти притопнув ногой. — Зато столетие Блумсберга получилось красочным и интересным.

— Да, — Элизабет заметила, как рассердилась подруга, — но, увы, люди обладают избирательной памятью, а иначе как объяснить, что город, основанный в 1802 году неким Людвигом Эйером, в 1872 отпраздновал столетний юбилей?

Лидии нечего было ответить, к ее стыду даже в истории своего города она была не сильна и сейчас впервые пожалела об этом. Тем временем, Лиза продолжала:

— Разве только что долгой памятью некоторых старожилов города и предпринимательской хваткой нашего мэра, — улыбнулась она, — которые неожиданно вспомнили, что самым первым известным поселением на этом месте была лесозаготовка, построенная в 1772 году Джеймсом Макклюром. Все же столетие звучит более торжественно, чем семидесятилетие.

— Я и не подозревал, что вы такая интересная собеседница! — похвалил ее Алан, и Лидия пришла в ярость.

«Такая тихоня, и на тебе! Кто бы мог подумать?» — разозлилась она на подругу, стараясь мило улыбаться.

Тем временем, молодые люди неспешно шли по главной улице Блумсберга мимо кондитерской «Роттердам».

— Лидия, ты не хочешь купить конфет, о которых говорила утром? — любезно напомнила Лиза.

— Нет, в следующий раз куплю, — огрызнулась мисс Марвел.

Алан почувствовал некоторое возникшее напряжение между девушками и с удовлетворением решил продолжить познавательный диалог.

— А как обычно горожане проводят время вне столетних юбилеев города? — обратился он к Лидии.

— По вечерам мы гуляем по городу, посещали кофейню или наносим визиты знакомым

и друзьям. А летом, после воскресной проповеди, устраиваем пикники в парке. Церковь находится тут неподалеку, а рядом расположен городской парк. Если вам интересно, можем зайти туда.

— С удовольствием, — согласился Ален.

Прогулка растянулась почти на два часа. У Лидии, не привыкшей к столь долгим прогулкам, горели ноги, но она не спешила домой и терпела боль почти с христианским смирением, которое раньше ей было совсем не свойственно. Провожая ее домой, Ален шел рядом с ней, оставив немного позади Вильяма и Элизабет.

В течение недели, которую провели Вильям и Ален в Блумсберге, они каждый день виделись с Лизой и Лидией. Каждый раз, перед тем как выйти из дома, мисс Марвел долго вертелась перед зеркалом и особенно тщательно выбирала наряд. Все-таки мистер Уилсон ей очень понравился.

Когда же настало время молодым людям вернуться в Аллентаун, Лидия и Ален договорились писать друг другу письма. После его отъезда, она долго плакала и даже немного похудела и осунулась.

Глава 4

Купив газету, Ханна надеясь найти подходящее место работы. Но, как только пробежала глазами по первой странице, сразу поняла: не такое это простое дело. Объявлений о поиске горничной было мало, поскольку сезон еще не наступил.

«Если за такую же плату предстоит выносить то же, что я имею сейчас, стоит ли искать? — размышляла она, натирая песком чайник. — Господа бывают разные, однако спесивые и капризные попадают чаще, чем хорошие. Могут обвинить в краже или порче вещей, а потом долго вычитать из жалования. Вдруг, новая хозяйка хуже Маргарет? Тут я знаю чего ожидать, а что будет там? Вот бы знать?»

Чем больше Ханна размышляла об этом, тем страшнее становилось. Она уже была готова отказаться от затеи, но одно объявление не давало ей покоя.

Достопочтенное семейство, проживающее по адресу: ХХХХ, 56, ищет горничную. Требования к соискательнице: вежливая, внимательная, аккуратная, скромная, знающая грамоту, чистоплотная. Проживание обеспечивается. Жалование 15 долларов в месяц. Собеседование проходит по средам, в три часа дня пополудни.

«Целых 15 долларов в месяц! И на съем комнаты не тратиться, это тоже значительная экономия... — подсчитывала в уме Ханна. — Наверняка, у них можно будет что-нибудь перекусить, хотя бы кусочек старого пирога... Вот бы получить это место!»

Адрес, указанный в газете, находится где-то совсем рядом.

«Возможно, я даже знаю этих людей! Нужно поговорить с соседскими служанками».

Приняв решение, она успокоилась. На душе стало легче только от одной призрачной надежды, и весь день Ханна была в хорошем настроении.

На следующее утро, отправившись за провизией, Ханна решила зайти в мясную лавку, располагавшуюся неподалеку. За прилавком стояла жена Вильяма, любившая поболтать. Других посетителей, кроме зашедшей Ханны не было, поэтому хозяйка — миссис Виллард — была рада скоротать время и оказалась еще более словоохотливой, чем обычно.

— Доброе утро, миссис Виллард! — поздоровалась Ханна. — Как поживаете?

— Спасибо, неплохо, — радостно ответила женщина, оживившаяся при появлении

покупателя. — Что сегодня будешь брать? Могу предложить эту вырезку, она совсем свежая.

— Спасибо, я посмотрю. Но я еще бы хотела спросить кое-что. Может, вы знаете?

Торговка оживилась, предчувствуя новый повод для сплетен.

— Не заходит ли к вам кто-нибудь из дома, который расположен тут совсем недалеко, ХХХХ, 56? Они подали объявление о поиске горничной. Хотела узнать немного, что это за люди. Не знаете?

— Хочешь найти другое место? — прямо спросила миссис Виллард.

— Хотела бы, но боюсь, — честно ответила Ханна.

— Дай подумаю, — крупная женщина почесала пальцем подбородок, словно была некая связь между почесываем и мыслительным процессом. — Вроде Сьюзен ничего плохого про них не говорила. Она уже около двух лет на них работает. Не жаловалась.

Ханна обрадовалась, но радость быстро улетучилась.

— Если место хорошее, то желающих будет много.

Виллард улыбнулась, наклонила голову и произнесла:

— Чем раскисать и гадать: получится — не получится, пойду и узнай!

От неожиданности глаза Ханны округлились.

— Чего удивилась? Думаешь, в городе не знают характер Марвел? Да не смотри ты так на меня! Говорю же, пойди и узнай. Я никому не скажу, что ты меня спрашивала. Сама знаешь, если брюзга прознает, что с ней будет! Давай пожалеем бедняжку! — тут уже миссис Виллард откровенно потешалась.

— Спасибо! Я буду вам очень признательна.

— Да не за что, — ответила торговка. — Пусть у тебя получится.

Ханна выбрала кусок вырезки, расплатилась и отправилась к бакалейщику. Возвращаясь в дом Марвелов, немного замедлила шаг, когда проходила мимо дома, указанного в объявлении. Хотела убедиться, что это и есть именно тот самый адрес, и что она ничего не напутала. Большой дом недавно покрасили, а клумбы с цветами около парадного входа были идеальны.

«Значит, штат прислуги у них больше, чем один человек, это хорошо», — отметила она. Однако в памяти мелькнуло воспоминание, которое настораживало.

Обычно по субботам рано утром, пока улицы безлюдны, Ханна мыла лестницу, ведущую ко входной двери. Стены и перила, покрашенные светлой краской, быстро пачкались. Чтобы их отмыть, приходилось, стоя на четвереньках, долго скрести щеткой. Однажды, надраивая ступени, она ощутила на себе чужой взгляд, но, обернувшись, никого не заметила.

Через некоторое время, убирая упавшую на лицо прядь, Ханна резко махнула головой и боковым зрением заметила, как шелохнулась занавеска в окне соседского дома. Пристально рассматривая окно еще некоторое время, она ничего подозрительного больше не заметила и решила, что показалось.

Сейчас, проходя мимо этого окна, ей почему-то вспомнилась эта история.

Попасть на собеседование незаметно для миссис Марвел да еще в рядом стоящий дом, было почти невозможным делом. И придумать подходящий предлог, чтобы отлучиться, не получалось. По торговым лавкам Ханна ходила утром, прачка приносила белье на дом, а ничего более дельного на ум не приходило.

«Пока придумаю, более расторопная служанка займет место! — Ханна злилась, но поделаться ничего не могла. — Не попасть на собеседование — плохо, но ведь там могут и отказать. А если Маргарет узнает и даст расчет, придется стать прачкой. А они получают так

мало, что выходят на улицу...» — от одной этой мысли ей становилось страшно до озноба.

Первую половину среды Ханна металась, выискивая любую возможность отлучиться. Она уже отчаялась, когда миссис Марвел с дочерью изъявили желание посетить модистку. Воодушевленные предстоящими покупками, они в спешке собрались, что для них было совсем не свойственно, и уехали. Стоило им отъехать, Ханна отпросилась у мистера Марвела под предлогом, что у нее неожиданно закончилась мука, которой не хватает для пирога совсем чуть-чуть, сняла передник и убежала. Рискованно, но это был единственный шанс.

Как воровка, стараясь пройти незамеченной, шла в обход, надеясь, что из хозяйского окна ее не видно. Потом перебежала улицу и постучала с дверь. На ее стук дверь открыла полная пожилая женщина с седыми волосами, спрятанными под кипельно-белым чепцом. Открыв дверь и увидев еще одну соискательницу, ее лицо из приветливого превратилось в надменное, выражавшее крайнее пренебрежение.

— Добрый день. Вам еще требуется горничная? — выпалила Ханна под пристальным взглядом.

Внимательно осмотрев Ханну с головы до ног, открывшая дверь женщина надменно процедила сквозь зубы:

— Подождите здесь, — и, оставив Ханну у порога, ушла.

Осмотревшись вокруг, Ханна оценила лестницу с резными белыми балясинами и до блеска натертыми воском темными перилами; высокую хрустальную люстру на потолке с лепниной; огромное окно в пролете ярко освещало светом всю прихожую, от чего декоративный столик из темного дерева с позолоченными элементами и стоящая на нем ваза со свежими цветами отражали падающий свет бликами и только подчеркивали респектабельность дома и достаток хозяев. Такую роскошь она видела впервые.

Ей неожиданно сильно захотелось получить это место. Возможно, такое ощущение сложилось из-за больших окон, дававших много света, но ощущение спокойствия и тишины произвели на нее неизгладимое впечатление.

«Боже, пожалуйста, помоги мне!» — взмолилась Ханна и от волнения задрожала, хотя в доме было тепло.

— Следуйте за мной. Миссис Гриндл нездоровится, но вас примет мистер Гриндл, — пренебрежительно бросила пожилая женщина, даже не посмотрев на Ханну.

Сжав руки в кулаки, Ханна проследовала за ней. Остановившись у двери, служанка открыла дверь и пропустила ее. В небольшом кабинете, уставленном книжными шкафами со стеклянными дверцами, она увидела фигуру крупного, высокого мужчины, сидевшего в кресле. Он курил, положив ногу на ногу, не обращал на нее внимания. Рослый, черноволосый, в дорогом халате, накинутом поверх рубашки. С упрямым подбородком на широком лице.

Он показался Ханне властным человеком, требовательным, с непростым характером. От волнения ей стало не по себе. Насколько она смогла определить, мистеру Гриндлу можно было дать лет тридцать. Он казался очень уверенным в себе. Это впечатление еще больше подчеркивала вальяжная поза, в которой хозяин дома расположился в кресле.

«Какой заносчивый поганец!» — разозлилась она, но не подала виду. Стараясь показать гордость, выпрямила спину, подняла голову выше, изображая равнодушие к его поведению, но ее ноги дрожали.

Наниматель не обращал на нее внимания до тех пор, пока не потушил сигару, а потом резко повернул голову и оценивающим долгим взглядом несколько раз окинул Ханну с

головы до ног, словно выбирал не прислугу, а лошадь. Его взгляд был придиричивым и, казалось, он замечал любые мелочи.

— Вы ищите работу горничной? — внезапно раздавшийся в тишине голос был низким и немного хриплым. Ханна вздрогнула. Небольшие темно-карие глаза мистера Гриндла смотрели пронзительно, с легкой насмешкой.

— Да, — тихо ответила, кивнув головой.

— Тогда смею вас разочаровать, — продолжал он, сделав небольшую паузу.

От слов «смею вас разочаровать» у нее ёкнуло сердце.

«Опоздала!» — опешила Ханна и почувствовала себя подавленной. Ее поникшее настроение ощутил мужчина. Еще раз окинув ее оценивающим взглядом, выходящим за рамки допустимого, его губы изогнулись в подобии усмешки.

— Смею вас разочаровать, мисс? — спросил он, намекая, чтобы представилась.

— Мисс Норт. Ханна Норт.

— Так вот, мисс Норт, смею вас разочаровать, — сказал в третий раз. — Но в объявлении не точно указана вакансия. Мы ищем не горничную, а скорее сиделку для моей супруги.

Он снова замолчал, давая Ханне время опомниться от удивления.

— Насколько серьезно больна ваша супруга, мистер Гриндл?

— Не так серьезно, чтобы грозила опасность, но и не так легко, чтобы это не портило жизнь, — задумавшись, ответил он. В ответе Ханна уловила какую-то насмешку и в то же время сожаление, но выражено это было так тонко, что она это ощутила скорее интуитивно. — Вас это удивило?

Ханна не могла отогнать мысль, что жгучие, почти черные глаза на широком лице с розовыми ушами делали мистера Гриндла похожим на поросенка. Она бы улыбнулась от сравнения, если бы не предстоял важный разговор.

— Нет, мистер Гриндл. Меня не так легко удивить, — она решила пойти в наступление.

Услышав ответ, он широко растянул губы в небрежной ухмылке и откинулся на спинку кресла.

— Кажется, вы работали у Марвелов?

— Я еще работаю у них.

— Почему же решили искать другое место? — мистер Гриндл смотрел, не отводя взгляда, словно пытался не дать увильнуть от ответа.

— Я бы не хотела обсуждать моих работодателей.

— А почему бы и нет? — давил он.

— Это некрасиво.

— Даже если это касается вашего будущего? — это уже был шантаж.

— Никакому нанимателю не понравится, если прислуга будет болтлива. Вы потом, мистер Гриндл, будете сомневаться во мне, поэтому я не хотела бы обсуждать миссис Марвел.

— О, вы сейчас как раз упомянули причину, по которой ищите новое место! — рассмеялся мужчина красивым, раскатистым смехом. — Вы мне нравитесь, Ханна. Мне нравится, как вы, не опускаясь до сплетен, честно ответили на вопрос.

В голосе и поведении мужчины чувствовалась некая интонация, намекающая на его симпатию к ней. Как себя вести в подобной ситуации, Ханна не знала. Разговор с нанимателями она представляла несколько по-другому, хотя, в глубине души, это льстило

самолюбию.

— Когда приступите к работе? — спросил он, давая понять, что нанимает ее. Ханна испугалась.

— Я еще не говорила миссис Марвел, что ищу работу, — ответила тихо, стараясь не смотреть на него, но он услышал.

— М? — на лице мистера Гриндла отразилось благодушное настроение. — Когда сообщите, Маргарет потребует остаться, пока не найдет замену. Учитывая ее характер и скупость, искать будет долго. Что вы будете делать? — заданный обычным тоном вопрос был вполне уместен, но Ханна чувствовала, что он наслаждается моментом и развлекается, давая понять, что она может остаться без работы отнюдь не по его вине.

— В каком смысле, мистер Гриндл? — ее голос осип от волнения.

— Я спрашиваю, что вы будете делать, если через месяц Маргарет не найдет замену и предложит остаться, повысив жалование?

— Если я найду другое место, не соглашусь и не останусь, — теперь она смотрела не на него, как в начале встречи, а себе под ноги.

— Вам могут не дать рекомендательного письма, — он уже откровенно развлекался. Показал свет, мотылек отчаянно желал подлететь, но на пути оказалась преграда. Ночная бабочка мечется, бьется о стекло, но ничего не может сделать. А ведь место было уже почти ее.

— Но я добросовестно работала! — испугалась и одновременно разозлилась Ханна. Об этом она не подумала.

— Вы Ханна — еще юны и наивны, — покровительственно усмехнулся мистер Гриндл. Встал из-за стола, подошел к окну и, сцепив руки за спиной, стал рассматривать улицу.

Ханна тоже молчала, не зная, как поступить. Терпеть выходки миссис Марвел было тяжело, но остаться без рекомендательного письма — означало остаться без работы и, в конце концов, оказаться на улице и от безысходности скатиться до прачки.

Так и не повернувшись, продолжая смотреть в окно, Айзек Гриндл продолжил:

— Начиная с сегодняшнего дня, я даю вам месяц, чтобы уладить дела. Если по окончании срока вы не приступите к работе, я не стану ждать и найму другую горничную.

Ханна не верила своим ушам! Удивленными глазами она смотрела на мистера Гриндла, а потом, опомнившись, вновь помрачнела. Сцепив пальцы и опустив глаза, она произнесла:

— Боюсь, мистер Гриндл, что мисс Марвел может не дать рекомендательного письма, — она была готова расплакаться. Будущее рушилось из-за злобной, мстительной хозяйки, которую Ханна в этот момент ненавидела.

— Думаю, что это не страшно.

— Вы примите меня без рекомендательного письма?

— Вы правильно поняли. Жду вас не позднее, чем через месяц, — он сел за стол, показывая, что разговор окончен.

У Ханны не было сил радоваться. Выйдя на улицу, едва переставляла ноги, руки дрожали. Облокотившись руками о белый заборчик, сделала вид, что любуется цветником. Немного постояла, успокоилась и только потом направилась к дому Марвелов.

Маргарет и Лидия еще не вернулись, значит, ее отсутствия не заметили. Можно было спокойно продолжить приготовление пирога. От радости, что все обошлось, она почти летала, но сосредоточиться не могла. Все ее мысли были о мистере Гриндле.

Его манера общения, и как он на нее смотрел, не давали покоя. В глубине души,

интуитивным женским чутьем Ханна чувствовала, что в его отношении к ней есть такое-то снисхождение. Оно льстило самолюбию и одновременно пугало.

В приюте она видела, как служанка принесла новорожденного ребенка, зачатого от хозяина. Прошло достаточно лет, но рыдания горе-матери, отдававшей малыша в приют, звучали у нее в ушах.

На ее детский вопрос, почему мать не оставила ребенка себе, ведь отец ребенка богат, сестра Анна, смотревшая за детьми, ответила, что служанка — это развлечение и шалость для мужчин, а вся ответственность на девушке, нарушившей общественные приличия. Мало того, что ее выгнали с позором и скандалом, так теперь она не сможет найти хорошее место, и ей останется идти на завод или другую грязную работу. И еще сестра Анна добавила, что, как правило, девушки не выдерживают и опускаются на дно, становясь проститутками, потому что их грехопадение им никто не даст забыть.

За работой время бежало быстро. Ханна не заметила, как вернулась Маргарет. Довольным, возбужденным голосом она рассказывала мужу впечатления от посещения модистки:

— Совсем недавно в «Королев» мы с Лидией увидели новый фасон платья. Ты только представь, какая хорошенькая Лидия будет в нежно розовом. Модистка сказала, что еще ни у кого в городе такого фасона нет! Мы с Лидией первыми заказали! О, Николас, я так рада! У нас такой отличный вкус! Представь, как все удивятся, когда мы нанесем в нем визит! Начнут спрашивать, где мы купили! — она тараторила, не давая мужу вставить ни слова.

Лидия тоже была довольна поездкой. Как-никак, она была дочерью своей матери, потому так же любила внимание и наряды и обладала таким же неистребимым желанием утереть подругам нос. Кроме того, она получила долгожданное письмо от Алена Уилсона, в котором он сообщал, что думает о ней и нетерпением ожидает каникул. Окрыленная Лидия обдумывала ответ, достойный юной леди. В тоже время, она опасалась, что тон ее письма будет холодным, и это оттолкнет Алена. Любая ее корреспонденция проходила через руки матери, поэтому, чтобы избежать контроля на этот раз и придать их переписке некоторую таинственность, мисс Марвел просила отправлять письма Ханну. В свою очередь, письма для Лидии Алена так же слал на имя мисс Норт, которая получала их на почте. Таким образом, молодые люди в письмах могли более свободно писать о своей симпатии, однако не переступая за грани дозволенного.

Заметив, что хозяйка в хорошем настроении, Ханна обрадовалась. Она надеялась, что миссис Марвел не будет сильно ругаться, узнав, что она решила уйти. Но все же побаивалась сообщить о своем намерении. Это была ее первая работа, и ей в первый раз предстояло известить хозяев. Осталось набраться смелости, и сделать это.

«Если смогла решиться на собеседование, то сообщить об уходе — это не так сложно, главное не трусить», — твердила себе Ханна, но оказалось, что сказать проще, чем сделать.

Ужин закончился, посуда была убрана со стола и перемыта. Лидия музицировала, а Маргарет, слушая ее, занималась рукоделием. Решив, что это самый подходящий момент, Ханна, стоя за дверью в коридоре, выждала, когда Лидия доиграет вальс и сделает паузу, и попыталась подобрать слова, чтобы лаконично и просто сказать об уходе, но как назло, ничего путного в голову не приходило. Внезапно, Лидия перестала играть, и Ханна решилась. Тихо постучалась и вошла.

— Миссис Марвел, прошу прощения, что отвлекаю... — слова застредали в горле, язык заплетался. Особенно после того, как та отвлеклась от вышивания и, подняв голову, стала

внимательно смотреть на нее. — Я хотела сообщить, что хочу получить расчет.

Видя, как хозяйка багровеет, Ханна испугалась, но собралась с силами и продолжила: — Я готова отработать месяц, пока вы будете искать замену.

Лицо Маргарет стало злым.

— Неблагодарная дрянь! — завопила она высоким голосом. — Ты будешь работать столько, пока я не найду замену, а потом можешь убраться куда угодно!

— Нет, миссис Марвел, я отработаю месяц, как положено. Больше я не смогу ждать.

Шея хозяйки напряглась, глаза сузились и стали походить на щелочки, а на переносице появились две глубокие морщины. Такой миссис Марвел Ханна еще не видела за два года работы. Маргарет затрясло, ее рот исказился и, не в силах совладать с охватившей ее яростью, она заорала:

— Пошла вон! — схватив со столика фарфоровую статуэтку слона, изо всех сил швырнула в служанку.

Не успев понять, что случилось, Ханна почувствовала сильный удар около виска. Подняла руку к месту ушиба и почувствовала, что что-то липкое и теплое стекает по руке. Красное пятно растекалось на рукаве.

«Кровь!» — поняла и удивилась. А Маргарет не унималась и продолжала кричать:

— Убирайся! Пошла вот из моего дома! — от вида крови ее будто прорвало, и она не могла остановиться. Лидия притихла и тихо сидела за пианино, боясь пошевелиться. На крики прибежал мистер Марвел. Даже не успев разобраться в случившемся и не обращая внимания на кровь, стекавшую по руке Ханны, он грубо вытолкнул служанку из комнаты, громко захлопнув дверь.

«Вот и все! — подумала Ханна и направилась в свою комнату, собирать вещи. — Будто я не человек, а тварь, хуже собаки».

Она хотела как можно скорее покинуть этот дом. В душе она была уверена, что рекомендации не получит, если даже останется на три месяца. Вещей было мало, потому быстро покидав их в потрепанный чемоданчик, стала тихонько спускаться по ступенькам, пробираясь к выходу.

По всему дому раздавался истеричный крик миссис Марвел:

— Эта неблагодарная дрянь смела мне перечить! Николас, она вывела меня из себя неуважением, и я из-за нее разбила любимую статуэтку, которую ты подарил... — она говорила что-то еще, перемешивая крики всхлипами, но Ханне все это было знакомо. Пока ее никто не пытался остановить, она спешно забежала на кухню, смочила платок в холодной воде и, прижав к виску, кинулась прочь.

«Подавись жаба своей рекомендацией! — буркнула она и, уходя, изо всех сил хлопнула дверью.

Уже на улице, постояв немного под свежим ветерком, и успокоившись, она задумалась, куда же податься.

Идти с пятнами крови в дом Гриндлов нельзя, а уйти от Маргарет и не сообщить мистеру Поупу, это было бы неуважительно по отношению к трудам, которые он приложил, стараясь найти для нее место.

«Нужно первой рассказать ему о случившемся», — трезво рассудила Ханна и направилась в храм Божий.

Когда зашла в церковь, расположенную недалеко от городского парка, на ее счастье преподобный был на месте и обсуждал с прихожанками предстоящее венчание их

родственницы.

Стараясь не привлекать внимание, присела на скамью в стороне. И так, пока добиралась до пастора, ее несколько раз останавливали женщины и предлагали помощь, от которой Ханна вынуждена была отказаться. Принятие помощи, предполагало продолжение разговора, а она старалась избежать его, боясь, что не удержится и расплачется. Два года терпеть бесконечные придирки, необоснованное недовольство и брюзжание, и в итоге оказаться ни с чем. Всем любопытным Ханна отвечала, что засмотрелась и не заметила низко расположенной ветки, о которую и поцарапалась. Может, ее рассказ не вызывал доверия, но во всяком случае дальнейшие расспросы прекращались.

— О, Боже! — воскликнула миссис Пибоди, увидев ее. На восклицание обернулись и остальные дамы. — Что случилось?

«Ну вот, — подумала Ханна. — Через час весь город будет сплетничать. Прощай моя работа...» — и разрыдалась от жалости к себе.

Дамы, предвкушая душещипательный рассказ и возможный повод для сплетен, отвлеклись от обсуждения предстоящей церемонии и подошли в несчастной жертве, чтобы с прискорбием на лице выслушать трагическую историю. Увидев, что платье, плачущей особы с пятнами крови, а на лбу хороший кровоподтек с раной, прихожанки пришли в дикий восторг. Все-таки не часто в городе случается что-то интересное и шокирующее. Но к их огромному сожалению, Преподобный Поуп — хороший знаток человеческих страстей и пороков, быстро разгадал их намерения и поспешил воспитаннице на помощь. Взяв за руку, он увел ее в комнату и плотно закрыл дверь. Компания сострадательных дам проследовала за ними и затихла, приложив уши к дверям.

— Что случилось? — встревожено расспрашивал Преподобный. — На тебя напали?

Ханна отрицательно покачала головой, продолжая всхлипывать и размазывать слезы по щекам.

— Да не молчи же! — он крепко сжал ее руку, то ли выражая так моральную поддержку, то ли вытряхивая из нее признание. — Откуда этот ужасный синяк? Почему ты не на работе? Тебя ограбили?

Преподобный уже передумал все возможные варианты, один хуже другого, когда Ханна сквозь рыдания смогла произнести:

— Миссис Марвел не дала мне рекомендаций, когда я сказала ей, что хочу перейти на другое место работы.

— И? — осторожно подталкивал ее пастор к дальнейшему рассказу.

— Она расвирепела, закричала, чтобы я убиралась прочь, обозвала и швырнула в меня слоном.

— Кем? — опешил преподобный.

— Слоном! — сквозь слезы выдавила Ханна, а увидев на его лице изумление, не смогла удержать улыбку и пояснила. — Статуэткой.

— О, Господи! Да что ж такое! Расскажи сначала и подробнее.

— Я нашла новое место у Гриндлов и сообщила об этом миссис Марвел. Она...

— Ты ей так и сказала, что нашла новое место у Гриндлов? — уточнил он.

— Нет! Тогда она меня убила бы! А так я еще легко отделалась! — пыталась шутить Ханна, намекая на рану. — Я сказала, что хотела бы получить расчет и готова, как положено, еще месяц отработать у них. Но она стала кричать, что я буду у нее работать столько, сколько ей понадобится. А когда я отказалась, швырнула слоном и стала кричать, чтобы я

убиралась вон из ее дома. Потом прибежал мистер Марвел, вытолкнул меня из комнаты, — она грустно вздохнула. — И мне ничего не оставалось, как собрать вещи. В таком виде идти к Гриндлам нельзя: они бы испугались и отказали мне. А больше идти было некуда.

— Да уж, — вздохнул преподобный. — Что же теперь делать? Почему ты решила, что она не даст рекомендаций?

— Разве вы не знаете ее?

Мистер Поуп вздохнул.

— Вы еще не слышали, как она кричала и какие гадкие слова... — надрывно выдала Ханна, а потом снова разрыдалась да так сильно, что начала икать.

«Да, немного драматизма не помешает», — думала Ханна, проливая водопадом слезы.

— Ну, тихо, дорогая, успокойся, — утешал ее преподобный Поуп. — В жизни бывает и пострашнее ситуации. Хорошо, что только слонем, а не чем-то более увесистым. А, осознав, что сказал, смутился, а Ханна робко улыбнулась. — А Гриндлы возьмут тебя без рекомендаций?

— Я надеюсь. Мистер Гриндл предположил, что Маргарет может так поступить, поэтому сказал, что в любом случае наймет меня.

— Мистер Гриндл? — удивился преподобный.

— Да, миссис Гриндл себя плохо чувствовала, поэтому он беседовал со мной. Они ищут не только горничную, но и сиделку.

— Тогда понятно, — успокоился встревоженный Поуп, который уже было почувствовал неладное. — Тогда не все так плохо.

Сделав несколько кругов по комнате, он несколько успокоился.

— Давай-ка сделаем так. Ты сейчас успокоишься... — сделал еще несколько шагов и продолжил. — У тебя есть сменное рабочее платье?

— Да.

— Тогда ты сейчас успокоишься, сотрешь засохшую кровь на лбу, только не мочи саму рану водой, иначе останется шрам. Потом переоденешься в чистое. А потом... — он замолчал.

— Я не вернусь к миссис Марвел, — сразу предупредила Ханна, предугадывая ход мыслей пастора. — Я ее боюсь! А если бы она попала в глаз или выбила зубы?

Ханна не покривила душой. Но еще ей не хотелось возвращаться и отрабатывать целый месяц, выслушивая злобные выпады и ожидая следующий приступ раздражения Маргарет.

— Тогда, — продолжил преподобный, — ты переоденешься и пойдешь к Гриндлам. Если они изменят свое решение и откажутся принять без рекомендательных писем, нам придется пойти к Маргарет и уговаривать ее простить тебя, — сказав это, преподобный Поуп с сожалением посмотрел на воспитанницу. — Если же они примут, то обойдемся и без ее прощения, — хмыкнул себе под нос.

Постучав тихонько кулаком по столу, мистер Поуп окончательно пришел в себя и решительно сказал:

— Давай поторопимся, пока не стало поздно.

Глава 5

Ханна ругала себя всю дорогу. Жизнь показала, что доверие — роскошь, и для бедных оно обходится слишком дорого. Чем ближе подходила к дому Гриндлов, тем оглушительнее

билось сердце.

Уже у самой двери она пригладила рукой волосы, выдохнула и, задержав дыхание, постучала. Раздались шаги. Дверь открыла все та же неприветливая пожилая женщина, которая была так холодна с ней в прошлую встречу.

Увидев снова на пороге Ханну с заплаканными глазами и красным носом, женщина презрительно скривила губы и грубо спросила:

— Чего надо? — ее лицо при этом выражало такую брезгливость, что Ханна растерялась. Однако робеть или показывать оскорбленную гордость сейчас было не время и, пока еще не захлопнулась перед носом дверь, взяла себя в руки и ответила:

— Я пришла, чтобы приступить к работе.

Женщина недоверчиво покосилась на нее, а потом выплюнула:

— Жди здесь, — и захлопнула дверь, оставив Ханну ожидать на улице.

«Вот глупая! Какая же я идиотка!» — в глазах снова заципало, но дверь распахнулась, и женщина сухо бросила:

— Проходите в кабинет.

Ханну переполняло отчаяние. Если в прошлую встречу в случае отказа она ничего не теряла, то в этот раз от порядочности мистера Гриндла зависело ее будущее, даже вся дальнейшая жизнь. В подавленном состоянии вошла в кабинет. Дверь тихо закрылась.

— Надо же, — разговор снова начался с насмешки. — Судя по вашему виду и стремительному возвращению, можно подумать: Маргарет привела веские доводы, и вы решили остаться у нее в услужении?

— Нет. Я ушла. Надеюсь, что вы тоже не переменили своего решения, и предложение о работе все еще имеет силу.

Наступила тишина.

— А я думал, что Мэри перепутала, когда сообщила мне о вашем скором возвращении и желании поговорить о работе, — он откровенно издевался.

— Ваше предложение еще имеет силу? — прямо просила она, пытаясь скрыть страх и дрожь в голосе.

— А если нет, что вы будете делать? — спросил мистер Гриндл, напустив на лицо циничную ухмылку.

После таких слов кровь отхлынула от лица, из-за чего Ханна стала бледной.

— Ну, что же вы молчите? — допытывался он. — Вам ведь больше некуда идти?

Она отрицательно покачала головой.

— Я, право, уже смирился с тем, что вы приступите к работе лишь через месяц, — мужчина сидел, положив ногу на ногу, и постукивал пальцем правой руки по столу. — Ах да, забыл уточнить, Маргарет дала вам рекомендательные письма?

Ей нечего было ответить, он и так все знал.

— Предполагаю, Маргарет не только дала хвалебные рекомендации, но и оказалась великодушной хозяйкой, оценившей ваше трудолюбие и чистоплотность. А? — продолжал издеваться мистер Гриндл, прекрасно осознавая, что делает больно. — Судя по синяку, сияющему на вашем лбу, как звезда на рождественской ели, такой благодарности и щедрости вы даже и ожидать не могли? — он открыл портсигар, достал сигару и закурил, выпуская облачко сизого дыма.

Ханна стыдилась рыдать как ребенок, но не могла остановиться. Удавалось сдерживаться лишь на несколько мгновений, но потом еще более сильный всхлип все-таки

прорывался, и выходило еще хуже, чем было.

«Лучше уж плакать красиво, — от неожиданной мысли Ханне стало одновременно и смешно, и грустно. — Трагическая ситуация, а в голове только дурацкие мысли».

Красиво плакать она умела с детства, что ее не раз выручало. Всю силу и значимость своего необыкновенного умения она ощутила еще в приюте, когда разрыдалась на благотворительном вечере перед попечительским советом. Дело закончилось тем, что попечительница приюта — миссис Брэдлоу не смогла равнодушно смотреть на слезы хорошенькой девочки и под влиянием эмоционального порыва взяла ее на воспитание, не желая, чтобы жестокая действительность приютского быта коснулась тлетворным влиянием маленького ангела.

Научил Ханну этому Косой Фин, который хоть и был полным придурком, не умевшим ни читать, ни считать, быстро подметил, что новая сиротка слезами добивается гораздо больше, чем другие дети своими выходками и рыданиями.

За то, что ее выделяли некоторые приютские сестры и относились более снисходительно, Ханну возненавидели другие воспитанники и изводили как могли, воруя скудную еду, вещи или просто избивая. Если бы не заступился Косой Фин, чем бы это могло закончиться, ей было страшно представить. О, нет, он не был великодушным мальчишкой, скорее расчетливым эгоистом, который быстрее других заметил, что попрошайничает новенькая гораздо лучше других. Ее перестали бить, но покровительство всю свою добычу она отдавала ему, что не мешало Фину самому иногда колотить Ханну.

Стараясь, чтобы всхлипывания стали приглушенными и менее надрывными, она выпрямилась и склонила голову чуть набок, чтобы мистер Поганец мог видеть слезы, стекавшие по щекам. Дав ему возможность насладиться устроенным зрелищем, Ханна начала изящно вытирать слезы то с одной щеки, то с другой, в то время как ее грудь порывисто вздрагивала от сбившегося дыхания. Она старалась изо всех сил, но мистер Гриндл молчал.

«Что бы еще сделать?» — с ужасом раздумывала она. Слезы высохли, плакать больше не хотелось, а результата все не было.

Еще пару раз всхлипнув, Ханна уставилась на книжный шкаф, стоявший в противоположной стороне от мистера Гриндла.

«Пожалуй, готова!» — самодовольно отметил Айзек и, сменив гнев на милость, спокойно, без издевки заговорил:

— Успокоились? Теперь слушайте. Сюю согласилась отработать месяц, но это не так уж плохо. По крайней мере, она поможет ознакомиться с обязанностями... — сохраняя серьезность и ни в коей мере не желая показать истинных чувств и целей, он продолжал разговор. Жизнь сурова, а общество безжалостно, и каждый выживает, как может. Однако об этом он поговорит позже, когда позволит ситуация. Сейчас же старался придерживаться заранее подготовленной роли. — Вы умеете делать прически?

— Д-да... Я умею причесываться, — робко ответила Ханна и провела рукой по волосам, подумав, что он намекает на ее растрепанный вид. Тут Айзек не смог сдержать улыбки:

— Нет, я имею в виду, сможете ли вы помочь миссис Гриндл сделать прическу и одеться? А так же умеете ли вы готовить крема и шампуни или хотя бы зубную пасту из меда и толченого угля? Хорошо топать?

Заметив, как опешила Ханна, он высокомерно заметил:

— Я так и думал! А есть у вас более приличное платье, кроме этого? Нет? Тогда вам

достанутся некоторые платья миссис Гриндл, которые вам придется переделать. Умеете шить?

— Да, — Ханна растерялась от резкого поворота судьбы. У Маргарет ей не перепало ни одной тряпки.

— Еще вам придется сопровождать мою супругу по магазинам, в церковь и другим делам. Кроме того, если ей будет нездоровиться, как сегодня, должны будете следить за приемом лекарств, также развлекать ее. Умеете читать?

— Да, мистер Гриндл.

— Будете по вечерам читать. Надеюсь, что от вечернего чтения Священного Писания вы получите истинное душевное наслаждение и найдете с Кэтрин много общих тем, — тут его голос стал жестким. — Ах, да! Если будете читать газеты, не стоит зачитывать новости, которые могут Кэтрин расстроить. Старайтесь выбирать подходящие статьи, если не хотите потом всю ночь подносить успокоительные капли или нюхательную соль.

После таких наставлений в воображении Ханны миссис Гриндл рисовалась хрупкой, утонченной леди, легко ранимой и мнительной.

— А пока, думаю, на сегодня с вас хватит. Судя по вашему лицу, этот день вы будете помнить долго.

На что он намекал, Ханна так и не смогла понять, возможно, на выходку миссис Марвел, но благоразумно уточнять не стала. Но одно поняла точно: он откровенно веселился.

— Вас поселят на третьем этаже, позже переедете в комнату около спальни Кэтрин. Завтра Мэри ознакомит с домом, а когда будете готовы исполнять обязанности, представит миссис Гриндл. Можете идти, — сказал и отвернулся, словно ее больше не было в комнате.

«По крайней мере, я принята!» — с облегчением выдохнула Ханна.

Из кабинета вышла обессиленная и с трудом поднялась по черной лестнице на верхний этаж, где располагалась ее новое жилье.

Комната была большой, скромной, но аккуратной. Кровать с хорошим матрасом и чистым постельным бельем. Небольшое целое зеркало висело на стене, на полу лежал коричневый с зелеными полосками вязаный коврик. Стол, стул, вешалка на стене. Окно на уровне стола было достаточно широким, чтобы комната ярко освещалась. Еще раз окинув комнату, Ханна удивилась:

«Боже, да тут даже перьевая подушка есть!»

У Маргарет она спала на подушечке, набитой тряпками, от чего та была очень жесткой. Упав на кровать, Ханна расслабилась после тяжелого дня и не заметила, как уснула.

Между тем, Айзек Гриндл находился в приподнятом настроении и, оставшись один в кабинете, налил себе виски. Удобно расположившись в кресле, он предвкушал удовольствие от предстоящей мести Маргарет за отравленную сплетнями его жизнь. Кроме того, с Ханной все сложилось более удачно, чем он мог желать.

«Отличный день, — произнес он, смотря на свет через бокал с виски. — Главное не спешить...»

***

Утром Ханну разбудил низкий женский голос:

— Вставай! Оденешься, спускайся на кухню.

Наспех переодевшись, Ханна спустилась по черной лестнице, где по запаху быстро нашла кухню, на которой трудились полная маленькая женщина с огромной грудью, еще

одна крепко сложенная женщина и высокая девушка.

Заметив новенькую, пышногрудая кухарка приветливо кивнула головой, а потом представилась:

— Я — Марджори, это Сью, а это, — указала на худую девицу, — маленькая Мэри.

Заметив удивление Ханны, добавила:

— Так-то Мэри дылда еще та! Но Большая Мэри или просто Мэри — это экономка. С ней ты уже успела познакомиться вчера, — Марджори захихикала. — Есть будешь?

— Да! Я со вчерашнего обеда ничего не ела.

— А чего не пришла и не попросила поесть? Упадешь в обморок, а хозяйке плохо станет, что у нее прислуга в голодные обмороки падает. Не Бог весть что, но без миски каши не останешься.

После Ханна получила кружку чая и кусок вчерашнего пирога. Он показался ей необычайно вкусным. Она хотела похвалить кулинарные таланты кухарки, как та предупредила:

— Только давай ешь поскорее, пока Мэри не пришла. Хозяйка у нас хорошая, но всем в доме заправляет мистер Гриндл. Только все что одобряет он, не одобряет Мэри. Намек поняла?

Ханна чуть пирогом не подавилась.

— Да ты не бойся! — успокоила Марджори. — Хорошо работай и внимательно относись в миссис Гриндл. И, главное, не чертыхайся. Мэри и миссис Гриндл этого не приемлют. Так ведь, Сью? А ты чего уши развесила? — накинулась она на Маленькую Мэри.

— А я чего? — огрызнулась та. — Я ползать на коленях должна, а она пироги трескать?

Ханна попыталась сгладить назревавшую ссору:

— Я доем, и тоже примусь за работу.

— Не обращай на нее внимания, — вмешалась кухарка. — Она и так не перетрудится. Иди, работай, а то Мэри пожалуюсь, лентяйка! — зашипела она на дылду Мэри.

— Да жалуйся сколько влезет, надоела уже! — завопила служанка и, хлопнув дверью, выбежала из кухни.

— Спасибо, было вкусно. Я, пожалуй, тоже пойду, — Ханна встала из-за стола.

— Не спеши, — остановила Марджори. — Твоя работа в комнате миссис Гриндл, а она встает поздно. Нездоровится ей. Ты Сью слушайся, она тебя всему научит. Чтобы Мэри не сердилась, помоги с посудой, пока Нелл не пришла.

— А что с миссис Гриндл?

— Мигрень. А мы люди простые, нам не до того, иначе из-за этой мигрени потом пустой живот болеть будет, — Марджори расхохоталась над своей шуткой. — Будь настороже с Дылдой, она хозяину ябедничает. Большая Мэри ее тоже недолюбливает. Возможно из-за того что она глазки строит хозяину.

— И как?

— Пока никак. Сдается мне: обе Мэри тебе жизнь попортят!

— Почему?

— Как почему? А кто возьмет служанку личной горничной без рекомендаций, а? Да еще твое появление с синяком. Обычно мистер Гриндл суров. Понимаешь, к чему клоню?

Ханна растерянно повертела головой.

— Ты прикидываться-то дурочкой перестань, сама ведь понимаешь, почему тебе повезло!

Ханна испугалась.

— Да не робей ты! Вон, Дылда из кожи выпрыгивает, а тебе повезло. Тут невольно слюной от зависти подавиться можно! Тебе какое жалование предложили? Вот то-то же! Знаешь, сколько приходило на собеседование, да все не те были. Те лицом-то не вышли!

Заметив, как новенькая побледнела, Марджори попыталась утешить:

— Глупая! Не каждой такое счастье выпадает. Эх, была бы я моложе! Думаешь, в другом месте лучше будет, а?

Ханна молчала, погрузившись в себя:

«Что делать? Отказаться нельзя, без рекомендаций места не найти, денег, снять комнату, нет, идти некуда. Все к чему так стремилась, оборачивается неприятностями, — ее руки тряслись. — Я совершаю грехопадение и даже не плачу. Значит, я падшая женщина! Другая бы бросилась прочь, пусть и глодала бы, но не согласилась бы совершить грех. А я сижу, и даже желания убежать не возникает!»

Подавленная Ханна так и сидела, когда в кухню вернулась Маленькая Мэри и завизжала противным голосом:

— Я с утра бегаю, на коленях ползаю и лентяйка! А она даже еще со стула не поднялась! Все расскажу Мэри и мистеру Гриндлу, и пусть тебя вышвырнут отсюда...

Ее пресекла кухарка:

— Перестань орать, дура! Миссис Гриндл разбудишь, тогда тебя вышвырнут, а я порадуюсь и посмеюсь.

Тут они сцепились. Если Марджори еще держала себя в руках, не позволяя сорваться на крик, то Дылда разошлась. Перебранка наверняка закончилась бы рукоприкладством, но послышались шаги, и в кухню ворвалась экономка. Кухарка услышала ее шаги издалека и успела притихнуть до того, как Большая Мэри вошла. А вот Маленькая Мэри разошлась не на шутку и, не заметив вошедшей экономки, продолжала ругаться.

— Рот закрыла! — властно рявкнула экономка. — Или пойдешь искать другое место.

Угроза отрезвляюще подействовала на служанку, и она тут же замолчала.

— В чем дело? — продолжала Большая Мэри, переводя испытывающий взгляд с одной на другую.

— Она, — начала Мэри, указывая на Ханну, — уже полчаса сидит, ест и ничего не делает, а я уже успела начистить паркет. Я сказала об этом, а она, — теперь перешла на Марджори, — меня назвала лентяйкой. А я...

— Хватит! — прервала экономка. — Тут я раздаю задания, и тебя это не касается. Так что иди и займись своими делами. Живо! Или тебя заняться не чем?

Склочную Мэри тут же, как ветром сдуло.

— Что касается тебя, Марджори, будь добра не вступать в перебранку и вести себя подобающим образом. Или ты тоже не довольна местом работы?

— Нет, что вы, мэм, — покладисто ответила кухарка. — Я лишь хотела, чтобы она не разбудила миссис Гриндл.

— Я поняла. Приступай к готовке.

— Да, мэм, — Марджори отвернулась к плите.

— А что касается тебя, — экономка посмотрела на Ханну, — то тебе предстоит за небольшой срок научиться делать все, что необходимо для выполнения возложенных обязанностей. Вчера мы не успели поговорить, но мистер Гриндл сказал, что тебя нужно всему учить, — ее голос стал холодным и отчитывающим.

— Видит Бог, — продолжала она, закатив глаза, — я понятия не имею, почему он решил взять служанку без соответствующего опыта. Конечно, ему видней, я не спорю, но, по мне, ты не сможешь оправдать его надежд и миссис Гриндл.

Ханна сидела молча. Как она уже поняла, иногда помалкивать и не перечить — самый лучший выход.

— Когда-нибудь работала компаньонкой? — спросила женщина и, не дожидаясь ответа, сама на него ответила: — Насколько я знаю, нет.

— Компаньонкой? — переспросила Ханна. — Я думала...

— Я не знаю, что ты думала, но вчера мистер Гриндл сообщил о своем решении. Хотя какая из тебя компаньонка? Ты и служанкой-то не так давно стала работать. Судя по скандалу и отсутствию рекомендаций, безответственно относились к работе. Так вот! — Большая Мэри разошлась в гневной тираде, да так, что ее лицо стало пунцовым. — Хочу предупредить: здесь, в достойном доме, я такого отношения к работе не потерплю! Понятно?

— Да, мэм.

— Тогда поднимайся и иди к Сью. Она скажет, что делать.

Высказав все, что хотела, Большая Мэри повернулась на пятках и быстро покинула кухню со скоростью, не свойственной дамам ее возраста.

— Ну, я же говорила! — тихо прошептала Марджори, — представляешь, ком-пань-он-ка! Вот это удача!

Ханна не нашлась чего ответить. Стать компаньонкой — несбыточная мечта каждой служанки. Сейчас на мучавший ее вопрос: «Стоит ли такой успех грехопадения?» ответа у нее не было.

Глава 6

Как ей повезло, что станет компаньонкой, Ханна поняла почти в тот же день. Оказалось: она должна заниматься только тем, что касается непосредственно миссис Гриндл. Следить за вещами хозяйки, подбирать одежду, помогать одеться, готовить ванну, заботиться о внешности, укладывать и расчесывать волосы, скрашивать досуг — одним словом, помогать и развлекать. Теперь не надо было мыть полы, убираться, стирать, мыть посуду, готовить... — ничего из того, что делала у Марвелов. О такой жизни еще недавно она и мечтать не могла. Только одно смущало: Ханна не понимала, почему ей так повезло.

Первые сомнения появились после разговора с Марджори, и она тут же начинала изводить себя выбором между порядочность и гордостью, нищетой и сытостью, но ей так хотелось верить, что все обойдется.

«Это только подозрения, — успокаивала себя, надеясь, что все обойдется. — Когда появится повод для беспокойства, тогда и уйду. Но ведь мистер Гриндл не настолько глуп, чтобы приставать к личной горничной супруги».

Но теперь держалась осторожно, обращая внимание на любые мелочи, способные хоть как-то прояснить ее положение.

Из общения с другими служанками Ханна узнала, что миссис Гриндл, урожденная Обрайн, родилась и выросла в Англии в религиозной пуританской семье, а воспитание получила в женском монастыре. Поэтому не удивительно, что хозяйка вела добродетельный образ жизни, являлась членом попечительского церковного совета, городского общества трезвости, занималась благотворительностью. Даже преподобный Поуп отзывался о Кэтрин

Гриндл тепло, особенно после щедрого пожертвования на нужды церкви.

Миссис Гриндл покорила общество Блумсберга добротой и отзывчивостью, также дамы города заметили, что супруга Айзека ранима, впечатлительна и целомудренна, что вызывало только восхищение. Еще Сьюзен поведала, что она много времени проводит в постели. В последнее время головокружения стали чаще, и из-за этого хозяйка боялась выходить из дома без сопровождения. Доктор сказал, что такое случается из-за жаркой погоды, и пообещал, что когда жара спадет, ее здоровье значительно улучшится.

«Пусть миссис Гриндл взбалмошна и капризна, но вряд ли хуже, чем миссис Марвел, тем более что Марждори и Сью отзывались о ней хорошо», — размышляла Ханна, наблюдая, как ловко напарница справляется с работой. Мистер Гриндл, прежде чем представлять ее супруге, решил дать ей время освоиться и научиться некоторым премудростям, чтобы мнение Кэтрин о ней не сложилось превратным.

Сью — временная напарница Ханны, оказалась спокойной доброжелательной женщиной, но несносной болтушкой. Пока показывала, как делать любимый шампунь хозяйки и зубную пасту, утомила Ханну. Сью безумолку рассказывала: какая вода нравится миссис Гриндл, что она любит и не приемлет, еще успевала между делом поделиться сплетнями, которые недавно услышала.

Внимательно вникая в каждое слово напарницы, Ханна подметила, что религиозность, ранимость и впечатлительность Кэтрин имели и другую сторону. Чопорная хозяйка стыдилась назвать руки — руками, ноги — ногами и предпочитала их именовать конечностями, а от вида птичьей ножки на тарелке закатывала глаза и грозила упасть в обморок, не говоря уже о банане. Ножки рояля с круглыми наконечниками в доме покрывались кринолинчиками, и даже книги авторов противоположного пола ставились на одну полку, только если они состояли в браке. А сквернословие миссис Гриндл считала святотатством.

— Запомни! — строго напутствовала Сью. — Даже простые словечки вызывают у нее недовольство. Представляешь, какая ханжа?

— Да уж, — заметила Ханна, втайне радуясь, что не имеет скверной привычки чертыхаться как торговка.

«Странная миссис Гриндл. Вот миссис Брэдлоу тоже придерживается строгих нравов, не зря же ее брат — мистер Поуп пастор, однако куриные ножки она обожает, не говоря уже и попках...» — размышляла, не рискуя выказывать недовольство вслух. После знакомства с Маленькой Мери, она быстро рассталась с иллюзией о взаимной поддержке и искренности отношений среди служанок.

«Все борются за лучшее место и любовь господ. Такова жизнь!», — тяжело вздохнула, и Сью рассмеялась:

— Не переживай. Гриндлы платят хорошо и лишнего не требуют. Правда, иной раз хозяин бывает раздраженным и в такие дни придирается ко всему без повода.

— Из-за этого уходишь?

Помолчав, женщина ответила:

— Так-то я замуж выхожу. Буду Эдварду в сапожной лавке помогать.

Но Ханна чувствовала: есть что-то, о чем собеседница не решается сказать. Выпытывать не стала, рассудив: если Сью захочет, расскажет сама. Так и случилось.

— Мистер Гриндл, если не в духе, может накричать. Правда, быстро отходит. В общем, хозяйева хоть и со странностями, но щедрые.

Видя, что Ханна ее внимательно слушает и не перебивает, решила выговориться.

— Но сдается мне, с хозяйкой у них что-то не так. Хотя и не ругаются, но, по мне, его раздражает ее ежевечерние молитвенные чтения. Он мужчина, ему другого надо... — сказала и тут же прикусила губу, поняв, что сболтнула лишнего. — Да в доме все это видят, только молчат, боятся, что дойдет до ушей мистера Гриндла, и он выставит без рекомендаций. Кому охота потерять хорошее место?

— Если место хорошее, не пожалеешь об уходе?

— Нет. Если надумаю вернуться, меня примут.

— А я им для чего? — испугалась Ханна. — Разве что на время?!

— Не переживай, — расхохоталась Сьюзен, продолжая укладывать волосы напарнице. — Я читаю плохо: какая из меня компаньонка? Да и трудно мне долго с ней находиться: засыпаю от молитвенных брюзжаний.

— А как вы познакомились с Эдвардом? Разве хозяева не строго к этому относятся?

— О, наша еще как строго! — ухмыльнулась Сью. — Но я обувь носила, в лавке и познакомились. Поэтому лучше я сейчас уйду, чем позже с руганью.

— Как здорово! Здорово, в смысле, что вы с Эдвардом поженитесь, — поправилась Ханна.

— Знаешь, как Дылда завидует! Спит и видит, как меня заложить! — улыбка исчезла с лица женщины. — А сама около мистера Гриндла вьется, все ему доносит, да бестолку. Не нравится она ему: рожей не вышла! — зло хохотнула она. — А тебя Марвелы не домогались?

— Нет! Мистер Марвел никогда не позволял себе подобного, и Джонатан с Питером тоже. Они милые.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А я во многих домах работала, навидалась! Помню, когда служила у Сандерсов в Ньютоне, работала в доме Полли, хорошенькая девочка. Хозяин ей прохода не давал. Противный, старый, еще и скупой. Закончилось тем, что она забеременела. А миссис Сландерс избила ее и выгнала, не заплатив жалования. Представляешь? Бедная девочка. Хотя, — добавила Сью, поменяв тон, — Полли не была невинной овечкой, так что ребеночек, может, и не от Сландерса был.

Ханна не раз слышала подобные истории и боялась столкнуться с подобным.

— Хотя, знаешь, я бы не отказалась! — шепотом добавила Сью, а, увидев, как у слушательницы от изумления открылся рот, замазала руками. — Да не со Сландерсом, Боже упаси! Видела же сама, какой мистер Гриндл? Хотя и не красавец, но такой... — глаза напарницы заблестели. — И не смотри так! Поживи подольше да поработай у разных господ, тогда поймешь что к чему. Иной раз господа такие подарки делают! Честным трудом на такое и за всю жизнь не накопить.

— А если окажешься в тягости, и хозяйка выгонит, а хозяин окажется не так щедр, как хотелось, что тогда?

— Это как повезет.

— А если не повезет? Младенца в приют или как котенка?

Сьюзен рассердилась:

— Нужно не затягивать, а поспешить к повитухе.

— Это же грех! — ужаснулась Ханна.

— Грех не грех, но это лучше, чем как котенка!

Ханна прожила в приюте меньше года, но с содроганием вспоминала то время, поэтому

обречь ребенка на такое не смогла бы и по этой причине твердо решила, что до вступления в брак, не позволит себе ничего аморального.

Ханжой она не была, но в приюте видела много из того, с чем благовоспитанные девицы не были знакомы до замужества, поскольку их нежные и неокрепшие души тщательно оберегали от влияния порока, считая, что незнание помогает уберечься от разврата.

Поздними вечерами в приюте Ханна не раз видела, как Тори и другие старшие девочки обжимались с мальчиками в темном углу, и достаточно слышала рассказов более взрослых воспитанниц, чтобы догадаться, чем они занимались. Тем не менее, сама она стремилась этого всеми силами избежать, помня крики сестры Мадлен, когда Люси вернулась в приют с красивой шалью, подаренной мужчиной.

Люси и ранее сбегала на неделю или две, а потом возвращалась голодная и иногда пьяная. Закончилось тем, что, в начале лета она исчезла, а вернулась поздней осенью с большим животом. Сестрам ничего не оставалось, как только дожидаться родов, уповая, что воспитанница родит в приюте и ничего не сотворит с младенцем. Так и случилось. Через две недели начались схватки, но разродиться она не смогла. Приютские девчонки тогда сильно испугались, но хватило их страха ненадолго, ведь каждая надеялась избежать подобной участи.

— У меня подруга работает на фабрике, — продолжала Сью, — и получает двенадцать долларов, а то и меньше, потому что штрафуют. За комнату платит шесть, а на еду, посчитай, сколько остается? Питается плохо, худая, как щепка, с синяками под глазами от усталости. Как ей жить? Не знаешь, а я знаю! Она в обеденный перерыв выходит на улицу и себя продает! Если повезет, купит полфунта мяса (ок. 250 гр) или отрез дешевой ткани, чтобы зад прикрыть. Думаешь, она одна такая? Нет! А ты все скромницу строишь. Если уволят Гриндлы, куда пойдешь? Вот и подумай.

От понимания, что Сьюзен права, у Ханны нарастало чувство острой безысходности.

— А если хозяин щедрый, — продолжала вразумлять напарница, — можно купить швейную машинку и жить спокойно. Считай, за аренду швейной машинки платить не надо и руками не шить. А не хочешь шить, можно сдать в аренду, и каждую неделю будешь денежки получать. Разве я не права?

Ханне нечего было ответить на правдивые слова напарницы. Сью же, решив, что сумела доказать свою правоту, успокоилась, и они продолжили занятия.

Глава 7

Экономка позвала Ханну в столовую, когда Гриндлы перешли к чаепитию.

Когда она вошла, мистер Гриндл рассказывал супруге городские новости и последние сплетни, появившиеся за время, пока Кэтрин из-за недомогания томилась в комнате. Хозяйка была так увлечена рассказами мужа о городских новостях, что не обращала внимания на прислуживающую за столом новую горничную.

Ханна представляла себе миссис Гриндл хрупкой, болезненной молодой женщиной, с утонченными чертами лица, а вместо этого перед ее взором предстала тучная женщина с темно-серыми мышинными волосами. Квадратный подбородок и тонкие поджатые губы свидетельствовали о сложном характере. Длинный нос и небольшие глубоко посаженные карие глаза выдавали в ней заносчивость и склонность к сильному увлечению чем-либо.

Манера же преподносит себя как юное, кокетливое и воздушное создание, еще более портило впечатление.

«И что он в ней нашел?» — удивлялась Ханна, безрезультатно пытаясь найти во внешности хозяйки хоть что-нибудь привлекательное. Но устыдившись, что плохо думает о женщине, которой недавно нездоровилось, попыталась подавить едкие мысли. — Если выбрал, значит, в ней что-то есть, и не мне судить. Возможно... возможно я завидую!?»

Но побороть неприязнь по отношению к миссис Гриндл так и не смогла.

В миссис Гриндл причудливо сочетались смирение и заносчивость, ханжество и наивность, показная скромность и уверенность в своей правоте. Вместе это давало настолько своеобразную смесь, что Ханна не могла определиться, как держаться с ней.

«И на ком только не женятся ради хорошего приданого!» — мелькнула гадкая мысль. Будто ощутив мысли служанки, Кэтрин отвлеклась от мужа и стала разглядывать Ханну.

Ее придирчивый взгляд сосредоточился на лице и выражал явное сомнение. Сердце Ханны тревожно забило в дурном предчувствии. Однако миссис Гриндл равнодушно отвернулась и продолжила чаепитие, не сказав ни слова, словно горничная была мебелью.

В голосе Кэтрин сквозили нотки инфантильности и чрезмерного жеманства.

— Айзек, это пирожное жирное! — жаловалась она. — Пусть в следующий раз Марджори подаст что-нибудь более легкое и воздушное.

Ханна не могла взять в толк, как женщина, пышущая здоровьем и румянцем во всю щеку, могла долго болеть и быть изможденной. На мгновение на губах проступила насмешка. И хотя Ханна тотчас поспешила ее скрыть, взглянув на мистера Гриндла, поняла, что он заметил. Его лицо стало жестким и раздраженным, но он отвернулся, ничего не сказав.

Наконец, миссис Гриндл соизволила заговорить о будущей компаньонке.

— Милый, как ее зовут?

— Ханна Норт.

— О, Боже! — воскликнула она, кривя губы. — Как неприлично! Порядочные девушки не могут носить такое вульгарное имя! Иначе в кругу подруг мне придется краснеть из-за нее.

Кэтрин пристально посмотрела на супруга. Поняв, что от него так просто не отстанут, Айзек согласился:

— Да, дорогая, — и раздраженно бросил салфетку на стол.

— Вот видишь, Эмма: твое имя раздражает даже мужчин! Однако, учитывая, что твои родители не были хорошо воспитанными, образованными людьми и не могли дать тебе приличное имя, я подберу тебе другое! — произнесла она со снисхождением. — Я буду звать тебя Эмма!

«Жаба безобразная, — огрызнулась Ханна. Из-за растянутых в подобии улыбке тонких губ, высокого лба и почти не видимых бровей, Кэтрин походила на лягушку. — Толстая книга ушибла твою безобразную голову, и ты стала еще и тупой! Понятно, на что намекала Сью!»

Опасаясь, что Гриндлы заметят ее недовольство и возмущение, попыталась изобразить смирение, низко склонив голову и уставившись себе под ноги.

— Да, Эмма, да! Смирение — это то, к чему нас призывает Господь. Если в тебе есть смирение и вера, думаю, ты меня устроишь. Она умеет читать, Айзек?

— Да, любимая. А еще она любит читать катехизисы и слушать проповеди, — заверил

мистер Гриндл. — Эмма выросла в семье миссис Брэдли — родной сестры преподобного Поупа, так что вы сможете коротать вечера с обоюдным интересом.

«Чтоб ты сдох, за таким обоюдным интересом!» — огрызнулась Ханна.

— Это чудесно! — обрадовалась Кэтрин. — Тогда после чаепития мы приступим чтению.

Мистер Гриндл нежно сжал ее ладонь.

— Я так рад любимая, что теперь тебе не придется скучать одной! — не унимался он, трогательно глядя супруге в глаза.

— Дорогой, ты так заботлив и нежен! — вторила ему она.

От их воркования Ханне стало противно.

«Кто бы мог подумать, что мистер Засранец такой заботливый муж?» — злилась Ханна, отныне Эмма, не понимая: злится ли из-за нелестного отзыва о матери и своем имени или от зависти с презрением.

Чуть позже, она вновь спустилась в гостиную, чтобы приступить к совместному прочтению Библии.

— Читай с чувством, — наставляла хозяйка. — Я ежедневно читаю по несколько глав Писания и чувствую от этого умиротворение. Тебе чтение тоже пойдет во благо.

Компаньонка села в кресло напротив Кэтрин и спросила:

— С какой главы начать?

— С книги пророка Иезекииля, глава восемнадцатая.

Ханна раскрыла книгу и приступила к чтению:

— И было ко мне слово Господне: зачем вы употребляете в земле Израилевой эту пословицу, говоря: «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомины»?

— Живу Я! — продолжила Кэтрин по памяти. — Говорит Господь Бог — не будут вперед говорить пословицу эту в Израиле. Ибо вот, все души — Мои: как душа отца, так и душа сына — Мои: душа согрешающая, та умрет...

Так и продолжалось чтение. Ханна читала, а миссис Гриндл перебивала и начинала цитировать отрывки наизусть. Чтение продолжалось почти два часа, пока у Ханны не стало пересыхать горло.

— Достаточно для первого раза. Вечером продолжим, — прервала хозяйка, заметив, что чтица начала покашливать. — Если бы ты чаще и с прилежанием читала, укрепленная верой была сильнее.

— Да, миссис Гриндл, — покорно согласилась компаньонка.

— Думаю, со временем ты этому научишься. Если в тебе не будет должного прилежания, я сильно расстроюсь, — Кэтрин, притворно вздохнула и закатила глаза.

«Читала бы себе, сколько влезет!» — злилась Ханна, но вслух ответила:

— Я буду стараться со всем прилежанием.

— Надеюсь. Сейчас поможешь переодеться, а после мы навестим миссис Маккарти — мою подругу и единомышленницу. Тебе тоже следует переодеться в более приличное платье.

— Это мое выходное платье.

Миссис Гриндл презрительно вздохнула и процитировала:

— И у Тебя, Господи, милость, ибо Ты воздаешь каждому по делам его.

Ханна с трудом сдержалась. Ее так и порывало высказать все, что думала об этой чванливой, любящей подчеркивать собственную религиозность и духовность, лицемерке. С огромным трудом ей удалось совладать с собой, однако, щеки горели от злости.

— Вот видишь, тебе стало стыдно, — продолжала нравоучение миссис Гриндл. — А это значит, что свет еще не погас в твоей душе.

***

Ханна ехала в ландо, закрыв глаза, и наслаждалась солнечной погодой и ласковым, теплым ветром, нежно обдувавшим кожу. Намеки хозяйки о том, что каждому воздается по трудам, уже ее не волновали. Что толку дуться на обеспеченных людей, с рождения наделенных всеми благами, если они никогда не смогут понять простого человека. Тем более что показывать недовольство нанимательнице — чревато. Пропуская мимо ушей несправедливые упреки, Ханна радовалась жизни.

Они проехали по главной дороге Блумсберга мимо городского парка и свернули на торговую улицу, где миссис Гриндл почти ежеминутно приветствовала кивком головы знакомых дам, проходящих или проезжающих мимо них.

Вскоре ландо остановилось у небольшого, но ухоженного домика. Они спустились на землю, опираясь на руку, поданную возчиком, и подошли к ступенькам, когда, неожиданно, дверь распахнулась, и к ним с раскинутыми руками, ускоряя шаг, поспешила сухопарая старушка — миссис Маккарти. Ее мелкие черты лица озарились искренней радостью, когда она увидела Кэтрин.

— Дорогая, — радостно начала миссис Маккарти, протягивая руки, — я безгранично рада, что тебе стало лучше! Я волновалась и каждый день молилась за твое здоровье!

— Спасибо, дорогая! — улыбнулась миссис Гриндл.

«Еще одна святоша!» — хмыкнула Ханна.

— Это моя компаньонка — Эмма, — сухо представила Кэтрин помощницу. — Она может подождать меня где-нибудь, — и, повернувшись спиной, показала, что разговор о ней окончен.

— На кухне, — поспешила указать миссис Маккарти, — махнув рукой, куда идти.

Подождав, когда леди покинули прихожую, Ханна направилась на кухню.

— Чая налить? — спросила служанка миссис Маккарти.

— Да.

— Тебя вроде бы Ханна зовут? Или я ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Но сегодня миссис Гриндл решила называть меня Эммой.

— Вот оно как! — удивилась собеседница. — Нет, моя до такого еще не дошла, хотя тоже та еще праведница!

Поставив перед гостьей горячую чашку, она полубопытствовала:

— Слушай, а правда, что Марвел тебя избил и не заплатил?

— Как сказать, — замялась Ханна. — Может, и не избил, но шрам будет.

— Ужасно.

— Вот если бы я быстро не собрала вещи и не ушла, неизвестно, чем бы все закончилось.

— Вот дрянь! Нашла рабыню! — возмутилась женщина. — Об этом только и судачат! Рассказывали, что ты пришла в церковь с разбитой головой, в крови и еле держалась на ногах.

— Она еще и рекомендаций не дала!

— Дрянь! Ну, ничего! Теперь она едва ли найдет другую служанку, если только чужая не приедет в город, да и та быстро сбежит.

— Это было бы здорово! — Ханна удовлетворенно покивала головой, представив, как

Маргарет собственноручно моет посуду, выгребает золу и опустошает горшки. Да, много бы она дала, чтобы увидеть подобное!

— В городе об этом только и говорят. Прощай ее добропорядочность и благонравность. Дамы шепчутся за ее спиной и отворачиваются при встрече. Сами тоже — те еще ангелы, но ткнуть соседку носом, этого они не упустят! — воинственно подытожила женщина, вытирая красные натруженные руки о не совсем чистое полотенце. — Фух, посуду перемыла, осталось начистить овощей и приготовить ужин. А потом ночь.

— А потом снова утро и работа, — грустно заметила Ханна, хорошо понимая усталость собеседницы, ведь еще недавно точно так же с утра до позднего вечера, не покладая рук, трудилась у Марвелов. — Давай, помогу.

— Платье испачкаешь.

— Если дашь фартук, не испачкаю. Тем более что ей, — она кивнула на дверь, — оно не понравилось. Еще намекала, что каждому воздастся по трудам. Да если бы было так, она ходила бы как праматерь Ева в Эдемском саду и была бы тощая, как палка.

Они смеялись, чистили овощи и обсуждали общих знакомых, которые всегда найдутся в небольшом городе. Однако все хорошее имеет свойство заканчиваться.

После визита к миссис Маккарти, настроение у миссис Гриндл улучшилось, и она захотела пройтись по магазинам.

Осторожно трогая свежий порез, полученный при чистке овощей, Ханна подумала: «Если не хочу вернуться к мытью посуды, готовке и прочему, придется полюбить чтения. Ведь по сравнению с работой с полседьмого утра до десяти вечера, трехчасовое чтение Библии предпочтительнее». После чего на душе исчезли сомнения, и она смирилась с особенностями новой хозяйки.

Возвратились домой к пяти. Миссис Гриндл переоделась и спустилась в столовую, чтобы поужинать с супругом.

Ханна принесла поднос с чайниками и хрупкими фарфоровыми чашками, налила заварки, разбавила кипятком, после чего вкатила в гостиную тележку, уставленную несколькими видами печения и бутербродов.

Кэтрин мило щебетала, делясь с супругом новостями, услышанными от подруги и о других событиях, произошедших с ней за день. Ханне показалось, что мистер Гриндл старался не вникать в суть легкомысленной болтовни супруги, однако раздражения своего не выказывал и старался быть, как всегда, сдержанно нежен.

— У тебя сегодня жизнерадостное настроение, — с улыбкой заметил он.

— Выйти из дома и пообщаться с подругами — это так чудесно!

— Вот как? Тогда думаю, тебе стоит чаще общаться с подругами. Мне доставляет удовольствие смотреть, как ты улыбаешься, — мистер Гриндл коснулся губами тыльной стороны кисти супруги.

— Айзек, мы не одни, Боже мой! — смутилась его целомудренная супруга, и ее щеки покрылись густым румянцем.

«Еще лодыжку поцелуй, и она умрет от счастья и скромности!» — язвила Ханна, прислуживающая к разговорам четы.

— Завтра поедешь на собрание благопристойных, воинственно настроенных дам? — поинтересовался Айзек, разглядывая содержимое тарелки. Деятельность местного общества трезвости, в котором состояла супруга, он не одобрял.

— Я бы хотела, но не знаю, как буду себя чувствовать, — кокетничала Кэтрин, жеманно

потупив глаза.

«Если съешь все это сразу, точно не поздоровится», — ерничанье доставляло Ханне удовольствие.

— Думаю, все будет хорошо. Эмма рядом, и тебе нечего волноваться.

— Милый, ты такой заботливый, такой добрый! — расцвела от заботы супруга. — Мне так повезло, что у меня есть ты!

— Это мне повезло, что ты есть у меня! — вторил супруг, здраво рассуждавший: чем бы жена ни увлекалась, лишь бы не донимала нравоучениями и не пыталась сделать его ревностным христианином.

Они сидели за столом, держась за руки. Мистер Гриндл смотрел супруге в глаза и улыбался.

— Кстати, как тебе компаньонка?

— Даже не спрашивай. У нее нет приличного платья. Если я захочу посетить общество, мне придется краснеть! И да, ты знал про Маргарет Марвел?

— Что именно?

— Что она разбила Эмме голову и не дала рекомендательных писем! Знал?

— Знал, милая, но не хотел тебя расстраивать, зная твое доброе, чуткое сердце.

— А тебя не смущает отсутствие рекомендаций? А вдруг...

— Нет, милая, — прервал муж. — Эмма старательная девушка и два года честно трудилась у Марвелов, однако, когда она заранее предупредила о желании перейти работать в наш дом, Маргарет закатила безобразный скандал и поступила не достойно по отношению к сироте. Правда, милая? — задал он риторический вопрос. — Я рассказывал тебе, что Маргарет черства и крайне скупа. Именно этим и объясняется отсутствие у Эммы приличного платья, а не ленью.

— Подумать не могла, что леди бывают такими невоспитанными и невоздержанными! Боже, как неприлично! — миссис Гриндл закатила глаза и, схватив мужа за руку, начала оправдываться. — О, если бы я только знала...

— Не волнуйся, я знаю, какая ты отзывчивая и щедрая, — прекратил мистер Гриндл ее стенания. Если бы не прервал, ему предстояло бы с полчаса выслушивать гневные тирады и обличительные выпады супруги. Зная об этом, он решил не доводить до этого ситуацию. — Из пары не нужных платьев Эмма вполне сможет сшить себе приличные, и нам не придется краснеть за ее вид. Кроме того, только представь, какая значительная, нет, какая огромная разница будет видна в отношении к прислуге, если в обществе заметят, как станет выглядеть Эмма.

— Ты, как всегда, прав! — оживилась Кэтрин. — И ты, Айзек, такой добрый!

После чего от умиления у нее выступили слезы, которые она смахнула красивым платком, украшенным вышивкой, кружевом.

— Моя милая, это так не учтиво обсуждать прислугу в ее присутствии.

— Прости, я так расстроилась, что совсем забыла о присутствии Эммы, прости меня.

— Ну, что ты. Как я могу сердиться на такого ангела.

Мистер Гриндл улыбнулся супруге, еще раз поцеловал ее руку, а потом встал из-за стола. Покидая комнату, прошел мимо Ханны.

«К чему бы?» — подумала она, заметив на губах хозяина усмешку.

Айзеку нравилось работать в кабинете. Огромные книжные шкафы из темного дуба, раскинувшиеся на две стены, высотой под самый потолок, большой рабочий стол с до блеска отполированной поверхностью, тепло камина в холодные вечера и настоящий персидский ковер, украшавший комнату и приглушавший звуки. Раньше он не понимал, что имел, но после того, как лишился состояния, а потом вновь обрел, полюбил смаковать успешность и с удовольствием наслаждался комфортом.

Кроме того кабинет был тем местом, где Айзей мог быть собой, не опасаясь наставлений супруги. Заперевшись в комнате, доставал из портсигара с изображением обнаженной красотики сигару, закуривал и неспешно выпускал кольца дыма. Мог ставить книги в любом порядке, как заблагорассудится. Здесь же хранил и некоторые другие вещи, о существовании и назначении которых Кэтрин не должна была знать. Когда дверь кабинет запиралась, все в доме знали, что тревожить хозяина не следует.

Назло чопорности Кэтрин ему доставляло удовольствие делать то, что привело бы ее в трепет и ужас. Наперекор ее ханжеству Айзеку нравилось пить виски и ругаться неприличными словами, читать вульгарные издания и рассматривать порнографический журнал «Жемчужина» или другие эротические открытки. Ему вообще нравилось быть плохим.

Еще в пансионе он понял, что не такой как все. Если другие ученики боялись и всеми силами старались избежать порки, ему наказание розгами приносило удовольствие.

Обычно экзекуцию проводила мадам Верне — супруга директора пансиона, — женщина с тяжелой рукой и полным отсутствием снисхождения к подопечным. Когда по субботам перед ней выстраивалась вереница воспитанников за порцией наказания, она надевала чистое платье, долго выбирала розги и, только вволю насладившись страхом нерадивых учеников, приступала к процессу самого наказания.

Мадам Верне быстро заметила, что Айзек Гриндл не выказывает страха перед ней, и решила, что суровая порка в следующую субботу вернет наглецу почтение и страх, и отобьет тягу к шалостям и невежеству.

Когда последний удар розгой обрушился на красные, с кровавыми подтеками ягодицы, мадам, раскрасневшаяся от физических усилий, велела ему подняться со скамьи и приготовилась прочесть нравоучительную отповедь, однако к ее огромному изумлению и смущению, заметила, как натянулись в паху штаны воспитанника. Она застыла в смущении и не нашлась, что сказать.

Через неделю, когда вновь пришло время получить по заслугам, к удивлению Айзека, мадам Верне улыбалась и наносила удары менее сурово... Разве мог он подумать, что события юности врежутся в память и повлияют на его пристрастия?

Никто не догадывался о тайных желаниях Айзека. Кэтрин не хотела принимать его обычную, естественную мужскую сущность, не говоря уж о чем-то более тайном и неприличном, а посещать увеселительное заведение мадам Бруа, как делал до женитьбы, он в нынешнем положении не мог. Один раз его имя сплетники разносили по всему городу, более Айзек не собирался доставлять им подобной радости. Что ни говори, но его успешное возвращение жители Блумсберга перенесли плохо и не теряли надежд подловить на промахе. Быть объектом зависти всего города — тяжелая ноша, но все-таки невероятно приятное чувство!

Сегодня Айзек находился в дурном расположении духа. То и дело в голову лезли мысли,

не дававшие сосредоточиться на делах и корреспонденции. Он раздраженно швырнул листы и откинулся на спинку кресла.

— Лицемерная сука! — сорвалось с языка. Резко встал, и кресло с противным скрипом отодвинулось от рабочего стола. Достав из шкафчика бутылку виски, плеснул теплую жидкость на дно бокала и подошел к раскрытому окну.

На улице до рези в глазах ослепительно сияло солнце. От палящих лучей горожане попрятались по домам, и даже соседская кошка скрылась в тени, вальяжно раскинувшись на ветке яблони. Лишь назойливое, нараставшее жужжание мухи где-то поблизости вывело его из оцепенения.

Айзеку казалось, что все вокруг счастливы. Они улыбаются, ругаются, мирятся, ссорятся, делают хорошие или осудительные поступки, показывая свои истинные чувства и эмоции, и только он изображает, притворяется и обманывает.

От раздражения стиснул руку, и, вспомнив, что в ней стакан, махом опустошил до дна.

— Лицемерная святоша! — срывавшаяся с языка брань лишь подхлестывала раздражение. Он устал ждать, сдерживаться. Ежедневный самоконтроль угнетал, и настроение все чаще было плохим. Подначивало ворваться в комнату Кэтрин, выплеснуть злость и заявить, что более терпеть не намерен.

«Черт, оказывается, люди действительно сродни животным!» — новая волна раздражения разливалась в груди.

Но разговаривать было бестолку: любые доводы она с гневом и истерикой отвергала, ведь в отличие от него, жила комфортно и душевно, и телесно.

— Если бы ты могла залезть в мою голову, тебя, святоша, хватил удар!

Достигнув всего, к чему стремился, Айзек не мог получить самого простого и естественного, что освящено церковным браком и положено ему на правах законного супруга.

— Продолжай, читай свои книжонки и слушай таких же чопорных дур, как сама, но потом не удивляйся, что супруг опускается до мерзости! — наслаждаясь ехидством, он зло рассмеялся. — Надо же, мерзость! Только дуры, как ты, могли назвать это мерзостью. И с тобой это делать действительно противно! — разъярился Айзек и с силой швырнул стакан на пол, от чего тот разлетелся на мелкие осколки.

Триумфальное возвращение в Блумсберг наделало много шума. Его имя стало синонимом успешного человека, прошедшего через неприятности, но смогшего их попереть. Кэтрин помогла в этом. Респектабельная и высокомерная, с отличными манерами, свидетельствующие о положении ее семьи, она произвела на общество Блумсберга впечатление, их хорошо приняли в городе, но именно из-за нее он был несчастлив.

«Мало, что уродина, еще и идиотка! — вспомнил жеманный голос супруги. Айзек отчетливо понимал, кому обязан возвышением, но платить столь высокую цену за это был не намерен. Нестерпимо хотелось сорвать злость на ком-нибудь, выплеснуть раздражение, и он позвонил в колокольчик. Когда в кабинет вошла экономка, негодуя бросил:

— Позовите Эмму!

— Она с миссис Гриндл.

— Тогда позже, когда закончат.

Мэри несказанно обрадовалась, что паршивке достанется. Она искренне недоумевала, за что девчонке повезло, и недолюбливала ее. С первого раза, как только увидела Ханну, сразу поняла, что та легкомысленная вертихвостка, но с хозяином не поспоришь. А теперь, видя,

что мистер Гриндл в гневе, ликовала только от одного предвкушения о ее наказании.

— Да, мистер Гриндл!

«Пусть мерзавка попадет под горячую руку!» — подумала мстительная экономка и поспешила в гостиную, где Эмма знакомила хозяйку со свежими газетами.

Дождавшись естественной паузы, возникающую при перелистывании страниц, Мэри обратилась:

— Миссис Гриндл, прошу прощения, что потревожила, но мистер Гриндл ждет Эмму в кабинете.

— Что-то случилось? — оживилась хозяйка.

— Я не знаю. Он ничего не сказал.

— Иди, Эмма, — холодно отчеканила Кэтрин и посмотрела на компаньонку так, будто ее обвили в краже.

Взволнованная Ханна поднялась и почувствовала, что ноги заплетаются. Чего ожидать от мистера Гриндла, она не знала. Постучала в дверь дрожавшей рукой и вошла. Проходя вглубь комнаты, заметила исходящий из-под ее ног треск. Ничего хорошего это не предвещало.

Мистер Гриндл как обычно сидел за столом. Посмотрев на его серьезное лицо, Ханна почувствовала, что он опять будет развлекаться, доводя ее до слез.

«Нужно вытерпеть...» — она попыталась морально подготовиться к его грубостям и насмешкам.

— Вы справляетесь с обязанностями, возложенными на вас? — сходу спросил он.

— Да. Думаю, что да. Во всяком случае, я надеюсь, что справляюсь, и миссис Гриндл мною довольна, — на всякий случай уточнила она.

— Вот как? А думал, что стараться и надеться — это разные вещи! — вспыхнул Айзек.

Не понимая, к чему он клонит, и, не желая позволять ему долго и медленно над собой издеваться, Ханна набралась смелости и спросила:

— Вы или миссис Гриндл чем-то недовольны? Если так, прошу прощения. Впредь я буду еще более стараться.

— Правда? Выходит: сейчас вы не выкладываетесь полностью?

— Я стараюсь изо всех сил, мистер Гриндл.

— Если стараетесь изо всех сил, тогда как можете обещать что-то сверх возможностей?

Его взгляд был холодным и цепким. Неприятная улыбка не сходила с лица, а глаза были полны гнева. Ханна почувствовала, что и в этот раз он не успокоится, пока не доведет ее до слез. Как она уже успела заметить из прошлых встреч, после того, как расплатится, мистер Гриндл начинал потихоньку успокаиваться. Взвесив все за и против, решила, что он получит то, чего так жаждет.

— Я вас спрашиваю! — нахмурился он. — Как вы можете обещать то, чего не сможете выполнить?

Ханна продолжала молчать, рассматривая затейливый орнамент ковра. В конце концов, надо же ей настроиться на плач.

— Тогда выходит, что вы лгунья!

— Нет! Нет, мистер Гриндл, я говорю правду! — с жаром оправдывалась Ханна.

— Вы лжете! Я вижу это! — хозяин был похож на инквизитора, обличающего ведьму.

«Осталось добавить: покайся, Ханна, пока не стало слишком поздно!» — вздохнула она.

Айзек, казалось, тут же уловил саркастичную нотку в ее настроении. Резко встал из-за

рабочего стола и приблизился к ней почти вплотную, пытаясь давить не только манерой общения, но и ростом.

Расстояние между ними было неприлично близким. Подумав, что если будет отпираться, он приблизится ближе, Ханна решила не упрямиться и, робко опустив глаза, пролепетала:

— Нет, мистер Гриндл.

— Я не расслышал?

— Нет, мистер Гриндл, — повторила громче.

Айзек отошел и, сложив руки за спиной, принялся расхаживать по кабинету.

«Вот Цирцея!» — довольно усмехнулся.

Ему нравилось ее упрямство и непокорность. Пытаясь давить, Айзек испытывал азарт. В Ханне присутствовала присущая женщинам изворотливость и коварство, естественная чувственность, от чего его кровь начинала бурлить. Благонравность и приличия, принятые в обществе и вознесенные до идеала, Айзека не прельщали, поскольку этого идеала в его жизни было и так с избытком. Он не был уверен: знает ли сама Ханна о своих достоинствах, и, скорее, склонялся к тому, что нет. Самодовольная мысль помочь ей познать себя, раскрыть грани ее порочности необычайно возбуждала.

«Кэтрин другая...», — с грустью сравнивал он.

Ее, ровесницу Айзека, до замужества называли старой девой. Она не горела желанием выйти замуж, поскольку мужчин считала грубыми, низменными животными. Мисс Обрайн уже отчаялась найти человека, который бы понял ее, устроил в качестве супруга, но познакомилась с Айзеком Гриндлом, и ей захотелось поддержать отчаявшегося человека, наставить на путь веры и спасения.

Айзек отнесся к странной чудачке, с упорством досаждавшей нравоучениями, весьма прохладно. И уже готов был объяснить, что не нуждается в проповедях и наставлениях, как неожиданно узнал: мисс Обрайн — состоятельная невеста. Кэтрин казалась ему слишком чопорной и жеманной, не располагала и ее внешность, однако солидное приданое стало отличным стимулом, чтобы выработать терпение и снисхождение. Долгие разговоры о вере и наставления о божьих испытаниях давались Айзеку тяжело. Но, поразмыслив, что еще одна влюбленная состоятельная особа ему попадется вряд ли, сделал предложение.

Ее родители были крайне не довольны выбором, но если приходилось выбирать между тем, чтобы их дочь оставалась старой девой, и не внушающим доверия бедным женихом, предпочли мезальянс. Их утешало и внушало надежды, что мистер Гриндл не увлекался азартными играми, не волочился за женщинами и не пил. После некоторых раздумий, ее семья согласилась на их брак. Через положенных полгода со дня помолвки, Кэтрин стала миссис Гриндл.

Общество считало, что Айзеку повезло. Солидное приданое, хорошо воспитанная, добродетельная жена... И только он знал, чем ему пришлось заплатить за материальное благополучие.

В презентабельных семьях приличным девушкам предписывалось соблюдать девственность не только физическую, но и нравственную. Родители жены, как достойные пуритане, придерживались этого правила всецело. Их дочь выросла слишком целомудренной, мало знающей о реальности семейной жизни, а когда пришло время узнать об этом подробнее, она пришла в ужас.

Когда Айзек попытался раздеть невесту в первую брачную ночь, она посчитала это

оскорблением и уехала к родителям. О чем с ней беседовали дома, он так и не узнал, но вскоре Кэтрин вернулась, однако сразу заявила, что «это» она будет делать только с целью зачатия детей. По ее мнению, если муж будет заставлять ее делать такие грязные вещи ради своего удовольствия, то этим он будет приравнивать свою жену к проститутке. А этого она стерпеть не сможет. На объяснения супруга, что это естественная мужская потребность, Кэтрин ответила, что свои мужские потребности он может делать с павшей женщиной, но она не позволит губить ее душу и отдалять от Господа. Айзеку ничего не оставалось, как согласиться, ведь сбежавшая в первую брачную ночь невеста — это позор и для супруга.

Так чета Гриндлов и жила, однако саму Кэтрин это нисколько не смущало. Ей было комфортно и душевно, и физически, чего про себя Айзек сказать не мог. Любая попытка поговорить об этом, натыкалась на глухую стену. А поскольку у Кэтрин было слабое здоровье, рождение детей откладывалось на неопределенный срок. Сомнения насчет недомогания супруги у Айзека возникли сразу, но не брать же ему жену силой!

Пытаясь решить свои трудности, Айзек придумал, как ему казалось, отличный план. Оставалось лишь воплотить его в жизнь, что требовало осторожности и времени, но он умел ждать.

Отвлечшись от воспоминаний, вернулся к разговору со служанкой.

— Вы испытываете радость, читая Писание или слушая проповедь? — сменил Айзек тему разговора.

«Да они оба лицемеры! — ужаснула Ханна. — Оба жить без него спокойно не могут».

Однако вслух ответила:

— Да, мистер Гриндл, я испытываю некоторое успокоение и смирение.

— Я не говорил об успокоении или смирении, я говорю о радости. Испытываете ли вы радость?

— В Сочельник или Пасху, слушая проповедь преподобного Поупа, да, чувствую радость и испытываю особое благоговение, — увернулась Ханна от прямого ответа.

— А в обычные дни?

— Боюсь, что нет. Я вас разочаровала?

— Да. Меня расстроило не столько отсутствие радости в вашей душе, сколько ваше лицемерие.

Ханна посмотрела на него удивленными глазами, но решила не отпираться, а согласиться с прихотью хозяина.

— Прошу прощения, если я показалась вам не вполне искренней или в чем-то недостойной, мистер Гриндл.

— Я думал о вас лучше.

— Мне кажется, что любому человеку свойственно лицемерие.

— М? — он с интересом взглянул на нее. — Вы не допускаете, что бывают люди чистые и одухотворенные? Вы судите людей по себе?

— Возможно. Мы так привыкли притворяться перед другими, что под конец начинаем притворяться перед собой.

Наступила тишина. Лицо Айзека стало пунцовым, от ярости сузились глаза, и он, набрав воздуха, прошипел:

— Что?! Вы позволяете себе слишком много. Не забываетесь, вы всего лишь служанка. И если не будете знать место, будете уволены.

— Простите, мистер Гриндл.

После того, как разозлила хозяйина, Ханна сообразила, что была слишком дерзкой, и лучше бы было держать язык за зубами. Она стояла и молчала, а он громкими шагами мерил комнату. Немного успокоившись, мистер Гриндл возмущенно спросил:

— Где вы набрались такой дерзости?

— Влияние преподобного Поупа, — ответила Ханна и, заметив изумление на лице мистера Гриндла, пояснила: — У него есть сборник афоризмов Ларошфуко, иногда я читала, некоторые запомнила.

— И что вы еще запомнили?

— Все мы обладаем достаточной долей христианского терпения, чтобы переносить страдания других людей, — процитировала Ханна.

- Вы забываетесь! — резко напомнил он.

— Вы сами просили.

— Да, что такое?! Хорошей служанки не найти, все какие-то выскочки! — возмутился он, а потом рявкнул: — Прочь отсюда.

Пока Ханна в спешке покидала комнату, мистер Гриндл вдогонку крикнул:

— И не забываетесь!

Резко открыв дверь и выскочив из комнаты, она столкнулась с Маленькой Мэри, которая от неожиданно резкого окончания разговора не успела отойти от двери и была поймана с поличным.

— Что ты тут делаешь? — громко спросила Ханна, стараясь, чтобы ее услышал хозяин.

— Не твое дело! — прошипела Дылда, убегая.

— В чем дело? — недовольно поинтересовался мистер Гриндл, услышавший громкий разговор за дверью своего кабинета.

— За дверью стояла Мэри — служанка!

Он, не ответив, скрылся в кабинете, громко хлопнув дверью.

Когда Ханна спустилась к миссис Гриндл, та принялась ее заинтересованно разглядывать. Не дождавшись ответа, хозяйка раздраженно спросила:

— В чем дело?

Решив не раздражать еще и хозяйку, Ханна кротко ответила:

— Мистер Гриндл спрашивал, справляюсь ли я со своими обязанностями и дал несколько рекомендаций.

— Каких? — удивилась Кэтрин.

— Посоветовал с большим прилежанием изучать Писание. Это поможет мне выработать смирение и прилежание.

— Вот! — восторженно воскликнула хозяйка, потрясая указательным пальцем. — Я говорила то же самое! Послушай его! В череде неудач и жизненных бурь Писание и вера помогли ему встать на истинный путь!

Глаза миссис Гриндл оживились, и она начала рассказывать историю, как познакомилась с супругом, и как сильно с тех пор он изменился в лучшую сторону. Слушать пришлось долго, но Ханна старательно выказывала заинтересованность. И хотя рассказ миссис Гриндл компаньонка слышала уже не в первый раз, она подумала, что лучше повторно выслушать рассказ, чем продолжать нудное чтение толстой книги и другие нравоучительные истории.

С тех пор, как Ханна попала в дом Гриндлов, прошло почти четыре месяца.

Сью ушла и вышла замуж, а Дылду, пойманную на подслушивании, уволили. На ее место приняли трудолюбивую, покладистую Марту. В отличие от Маленькой Мэри, она не имела склонности к склочности, и служанки быстро нашли общий язык. Если бы не желчная экономка, жизнь Ханны можно было бы назвать райской.

Большая Мэри служила еще родителям Кэтрин, от того считала себя особой, достойной некоторых привилегий и подчеркивала свое превосходство грубым обращением к прислуге, работавшей под ее началом. Если сказать по правде, то Мэри старалась служить верой и правдой чете Гриндлов, но характером экономка сходилась лишь с миссис Гриндл, а муж хозяйки просто относился к ее присутствию в доме снисходительно, поскольку особых причин для конфликта не было. Кроме того, неприязнь он хорошо умел скрывать.

Ханна быстро обжилась на новом месте. У нее появились красивые платья, перешитые из подаренных хозяйкой ненужных нарядов. Будь ее воля, предпочла бы иную расцветку ткани, но выбирать не приходилось, и она радовалась тому, что есть. Хотя ее несколько расстраивало, что фасон платьев и даже прическу приходилось тоже выбирать по строгой рекомендации миссис Гриндл.

Не обремененная тяжелым трудом, Ханна выглядела свежо и даже поправилась. Имея достаточно свободного времени, училась делать себе строгие, но несколько изысканные прически, пользоваться пудрой и румянами. А недавно ей достался флакон духов, которые разонравились миссис Гриндл. Ханна была просто счастлива, казалось, что сбываются все ее мечты.

Пообвыкнув и поняв, что нравится хозяйке, а что вызывает раздражение, научилась правильно подавать себя. Привыкла к чтению нудных книг, и даже манера общения Кэтрин перестала раздражать.

«У всех людей бывают недостатки, — решила она. — Даже у меня. Следует быть более снисходительным к другим».

Человеку, чтобы быть довольным своим положением, необходимо сравнивать его с положением худшим. Каждое утро, занимаясь прической перед зеркалом, Ханна видела на лбу белую полоску, оставшуюся после встречи со слоном. Как сказал мистер Гриндл, аргумент был более чем весомым, чтобы подстраиваться под миссис Гриндл.

Теперь Ханна — Эмма с удовольствием посещала воскресные проповеди, встречи с подругами Кэтрин, увлеченных общим благим делом, посещала магазины, сопровождая хозяйку, а иногда, обычно по воскресеньям, могла в одиночестве пройтись по лавочкам и прикупить какую-нибудь мелочь.

Пожалуй, самое сложное из того, к чему ей пришлось привыкать — это ношение платьев с кринолином. В журнале мод, которых у миссис Гриндл было в изобилии, она прочитала, что у некоторых дам его ширина доходила до нелепых размеров. Как в них ходить не понимала и воочию такой красоты не видела, но журналу «Королева», столь любимому хозяйкой, можно было доверять.

После чудесного преображения Ханна выглядела достойно и респектабельно. Можно даже сказать, что она вновь родилась. Такое ощущение у нее появилось после появления мужского интереса, которым до сих пор Ханна похвастаться не могла. Нет, она понимала, что на нее и раньше обращали внимание, но это было гораздо реже, и люди были совсем другого уровня. Теперь же на нее смотрели не тайком или украдкой, а так, как положено

приличным людям.

Сопровождая миссис Гриндл, она заметила, что вокруг нее стало больше мужчин, а некоторые из их были даже очень приятной внешности и солидного достатка.

«Вот что делает красивая одежда и надежда на хорошее приданное!» — с грустью отмечала Ханна. От осознания причин заинтересованности к ее скромной особе, было противно. Ведь это положение временное. Стоит лишиться должности, она вновь станет бедной служанкой, и все эти воздыхатели снова буду делать вид, что совсем ее не замечают.

Хозяйка, отметив прохладное и уничижительное отношение компаньонки к проявлению мужской благосклонности, была весьма довольна.

Успокоившись и научившись у миссис Гриндл хорошим манерам, Ханна приобрела лоск и ухоженность. Хорошая, строгая одежда и весьма приятная внешность, вскоре позволили ей походить скорее на благовоспитанную леди, чем на невоспитанную и забытую служанку, но от леди ее отличало то, что в церкви приходилось сидеть на задних рядах.

Несмотря на холодность, некоторые из поклонников проявляли изрядную настойчивость, но, к огромному сожалению Ханны, это были: юный Эдвард, ни шагу не ступавший без разрешения матери, и сластолюбивый мистер Марч. Он был уже почтенного возраста, но его любострастному взгляду могли позавидовать более молодые джентльмены. По городу среди служанок ходили слухи, что ни одну из своих горничных мистер Марч не обделяет вниманием, невзирая на внешность и возраст.

Если Эдвард бросал лишь нескромные взгляды, то старый развратник позволял себе значительно больше. При выходе из церкви по окончании службы он старался коснуться Ханны, но в этот раз, как бы невзначай задев, успел провести рукой по ее груди.

От неожиданности Ханна обомлела и прежде чем успела сообразить, залепила мистеру Марчу звонкую пощечину, на звук которой обернулись прихожане. Это был столько неприглядный случай, что никто не хотел отказать себе в удовольствии поглазеть на него.

Мистер Марч держался за пылавшую щеку, а испуганная Ханна подхватив многослойные юбки, выбежала из здания. Разразился скандал.

Одно дело, когда он зажимал по углам прислугу, незаметно для приличного общества, а другое дело в храме Божьем, когда за свою проделку получил прилюдную, увесистую пощечину.

— В Храме Божиим надлежит думать о душе, а не о порочных удовольствиях! — судачили сплетницы. Над старым повесой потешался весь город и миссис и мистер Марч теперь стыдились выйти на улицу. Тогда, в попытке хоть как-то оправдать мужа, миссис Марч обвинила Ханну в ненадлежащем поведении и в подстрекании чужих мужей к сластолюбию. Особенно в разнесении подобного слуха преуспела миссис Марвел, которая не могла простить бывшей служанке скандал, испортивший ее репутацию благовоспитанной дамы. Преисполненная ненависти, она, не уставая, развлекала подруг неожиданными подробностями пошлого поведения неблагодарной, зазнавшейся служанки. Ей вторили миссис Марч и Дороти Палм.

Когда Ханне донесли о ходивших о ней сплетнях, она испугалась настолько сильно, что заболела от нервного напряжения: до того боялась, что испорченная репутация оттолкнет от нее чету Гриндлов, и ее попросят покинуть их дом.

Экономка подначивала хозяйку, расписывая, как развратная служанка, почти соблазвившая бедного мистера Марча в Божьем доме, может очернить ее безукоризненную репутацию.

— Айзек, ты там? — Кэтрин настойчиво стучась в запертый кабинет мужа.

— Да, милая!

«Черт бы побрал! Еще тут тебя не хватало!» — шипел он сквозь зубы.

— Айзек, милый, нам нужно срочно поговорить! — требовала супруга, барабанив в дверь.

— Дорогая, я занят!

— Это очень и очень важно! — настаивала Кэтрин, почти перейдя на крик. — Дело касается нашей репутации.

«Да, что еще такое!» — выругался Айзек, открывая дверь. Репутацией он дорожил.

— Пойдем в гостиную, милая, — сказал тоном, не принимающим возражений, и, взяв супругу под локоть повел в гостиную.

— Айзек, о, Боже, ты даже не представляешь, что случилось. Эта дрянь... — она брезгливо повела губами, — нас опозорила!

— Каким образом? — его голос стал сухим и суровым. — Что она вытворила?

— Она кокетничала с мистером Марчем и довела его до греха!

— Какого греха? — насторожился Айзек.

— Прямо в храме Божьем! Прямо в храме Божьем! — зарыдала супруга.

— Что в храме Божьем? — занервничал он.

— Она соблазнила его!

— Что?! Как это случилось?!

— Не знаю! — вертела головой миссис Гриндл, показывая неосведомленность и свою полную непричастность. — Я только услышала этот ужасный звук, а когда обернулась, уже все...

— Что все? Что там случилось? — рычал Айзек от нетерпения и злости. Непристойность вполне могла случиться, но что бы подобное совершить в церкви?

— Она вела себя непристойно, и он... Это видел весь город!

— Что видел? Ну, же?!

— Он ее ущипнул! — пояснила Кэтрин, и у Айзека вырвался вздох облегчения.

— Кто он?!

— Мистер Марч.

— Кто?! — спросил таким голосом, что Кэтрин совсем перепугалась, решив, что Ханна совратила добропорядочного главу семейства. — И что дальше?

— Пощечина.

— Кому? Кто дал пощечину? — уже ревел Айзек, раздраженный отсутствием логики и порядка в рассказе жены.

— Эмма!

— Он ее ущипнул, и она отвесила ему пощечину?

Кэтрин кивнула и снова заплакала.

— О! — выдохнул Айзек то ли от раздражения, то ли от облегчения, что наконец-то что-то прояснилось. — Как она кокетничала?

— Не знаю! — разозлилась супруга. — Я там проповедь слушала, а не по сторонам смотрела!

— А не мешало бы и по сторонам поглядывать, — съязвил муж. — Кто тебе сказал, что она кокетничала?

— Мне рассказали.

— Кто?!

— Доброжелательницы!

— С такими доброжелательницами и врагов не надо! Так кто тебе об этом рассказал? — упрямо настаивал он.

Подобный тон мужа Кэтрин услышала впервые.

— Мэри, — ответила и, заметив выражение его лица, пояснила: — Наша экономка.

— Она там была?

— Нет, но...

— Нет? Так откуда она знает?

— Ей сказали...

Айзек, не дослушав, резко позвонил в колокольчик.

Через минуту раздались тяжелые шаркающие шаги экономки. Не успела она войти в комнату, как он приступил к допросу:

— Вы видели, как Ханна кокетничала с мистером Марчем?

— С Эммой! — почти в один голос поправили его обе женщины.

— Вы сговорились?! — рявкнул он. — Какая разница, Ханна или Эмма, если она кокетничала с ним.

— Нет, мистер Гриндл.

— Тогда откуда знаете, что она кокетничала?

— Мне рассказали об этом те, кто видели это безобразие! — напыщенно ответила Мэри.

— Тогда почему они не сделали ей замечание, если видели все это?

— Я не знаю, мистер Гриндл.

— А я знаю! — закричал он на экономку. — Потому что они ничего не видели! Какая бы здравомыслящая девица стала бы строить глазки этому старому, почти беззубому развратнику! Она что, лучше себе не могла найти воздыхателя?!

— Не знаю, мистер Гриндл, но для миссис Марч супруг не безобразный! — подлила масла в огонь Мэри.

— А! Так это миссис Марч всем рассказывает, какой у нее примерный муж и какая развратная у нас служанка?

Теперь уже обе женщины испугались. До этого момента они никогда не видели его таким. Мистер Гриндл всегда был выдержанным, не позволяя себе даже скверных слов, а тут его словно подменили.

— Миссис Марч утверждает, что у нее достойный, скромный муж, котор...

— Который что?! Который служанок за задницы хватает и не дает им прохода, да так что молодые служанки от них бегут и задерживаются только безобразные, которым его внимание за радость?

— Перестань, Айзек! — надрывно закричала миссис Гриндл. — Это такая мерзость! Откуда ты это знаешь? Этого не может быть!

— Если ты этого не знаешь — не значит, что этого нет! — прошипел он жене в лицо. — Об этом в Блумсберге все знают и смеются над его неумной распутностью. Прислуга друг другу рассказывает, предупреждая, а виновата Эмма? И должна страдать наша репутация?! Вот уж нет! — от злости его трясло.

— Я всегда говорила... — попыталась вставить слово экономка, чувствуя, что ситуация меняется в пользу прохвостки.

— Я вас не спрашивал! — отрезал Айзек и обратился к притихшей супруге. — Подумай сама: если уволим ее, в обществе это сразу же воспримут как подтверждение вины Эммы и правдивость слов миссис Марч, а это бросит на нас тень! Хотя почти каждый знает, какой он старый распутник.

Миссис Гриндл всхлипнула.

— Поэтому, — продолжал он, — вы с Эммой с достоинством и гордо поднятой головой нанесете несколько визитов и как оскорбленная сторона на все сплетни, которые позволят себе сказать какая-либо ханжа, будете отвечать, что в большинстве случаев распускает слухи тот, кто хочет спрятаться. Ясно?!

Кэтрин согласно кивнула.

— И чтобы я больше слез и причитаний по этому поводу не видел! — вполне миролюбиво закончил он. — С Эммой поговорю позже.

Когда муж ушел, Кэтрин и экономка многозначительно переглянулись. Миссис Гриндл чувствовала себя одураченной сплетницами, а экономка молчала из-за дурного предчувствия. Слишком уж мистер Гриндл снисходительно относился к этой девице, но высказать сомнения не решилась.

— Можешь идти, — махнула рукой хозяйка и направилась в спальню. Чтобы избежать мигрени, выпила снотворного и заснула раньше, чем обычно, что позволило Ханне подняться к себе в комнату и оставаться там дотемна.

Миссис Гриндл накричала на нее и выгнала из комнаты, поэтому Ханна поднялась к себе и, обняв подушку руками, сидела и смотрела одну точку до тех пор, пока не уснула. Разбудила Марта, сообщившая, что хозяин хочет ее видеть.

Увидев состояние Ханны, попыталась ее успокоить: села рядом на кровать и похлопала по плечу.

— Ничего страшного не произошло. Бывает, случается и гораздо худшее.

От ее жалости Ханна расплакалась.

— Ну, что ты! — вздохнула Марта. — Все знают, какой этот старикашка похотник и гуляка. Это все сплетницы, им только дай повод. А если не дашь, сами придумают.

Видя, что подруга не успокаивается, положила голову на ее плечо:

— Красивая женщина, как хвост павлина, привлекает гораздо больше внимания, чем распушенный хвостик серого воробышка.

Ханна улыбнулась сквозь слезы и, вытерев слезы, спросила:

— Ты считаешь, что я красивая?

Помолчав, Марта ответила:

— А ты себя в зеркале не видишь? Знаешь, если бы я была хоть немного красивее, уж точно не расстраивалась бы из-за завистливых сплетен. Мне было бы плевать. Я бы радовалась жизни, а потом, когда бы подвернулся жених, вышла замуж и была бы счастлива. А так, если бы меня кто-то ущипнул за задницу, я бы плакала... от счастья! — заплакала сама утешительница.

— Марта, ты что?! — бросилась уже Ханна утешать Марту. Теперь обе они сидели в обнимку и рыдали каждая над своей трагедией.

— А что Марта, да Марта, на меня даже такое страшилище не посмотрит!

Марта была полной, с рябым лицом от оспин, с грубыми чертами лица и большим ртом. Ее руки и плечи были большими, как у мужчины. В ней все было большим, включая и ее сердце. Однако если ее неказистая и грубая внешность бросалась в глаза всем, то добрый и

незлобивый нрав оставался почти не замеченным.

— Какие глупости ты говоришь.

— Не глупости, — ответила Марта, — мне уже больше тридцати, а меня даже никто не пытался поцеловать.

— Ты хорошая и добрая, в твоей жизни обязательно случится чудо, его нужно только ждать.

— Ждать? — грустно усмехнулась подруга. — И сколько ждать?

— Не знаю. Я тоже жду.

После взаимных признаний им обоим не стало на душе легче. Каждая осталась при своем, ведь ничего человек так хорошо не понимает, как то, что он испытал сам.

Марта спохватилась:

— Тебя ждут.

— Сейчас, только успокоюсь немного, — Ханна вытирала ладонями мокрые глаза. — Миссис Гриндл сильно ругалась?

— Нет. Но она в сильном удивлении и трепете от крика мистера Гриндл. Представляешь, даже экономке досталось.

— А ей за что?

— Мэри-то? Да что б язык за зубами держала. Это он на нее кричал, а хозяйка под руку попала. Он ведь раньше на нее даже голоса не повышал.

— Да уж, дел наворотил старый похабник, — пошутила Ханна.

— Иди, а то и на тебя накричит, ты же знаешь его.

— Уж мне ли не знать! Ладно, пойдем. Где он?

— Как обычно. Ты иди, завтра расскажешь, а я домой.

— Уже? — Ханна сожалела, что остается один на один с разъяренным мистером Гриндлом.

— Не уже, а наконец-то! — поправила Марта и осторожно улыбнулась, пытаясь хоть как-то приободрить подругу.

Ханна робко постучала в дверь рабочего кабинета.

Глава 10

«Это последний раз, когда я захожу в кабинет... Уволит, точно уволит!» — с горечью подумала Ханна.

От осознания подобной возможности ей стало так тошно и страшно, что прикажи мистер Гриндл упасть в ноги и молить о снисхождении, не раздумывая, кинулась бы исполнять его желание.

Он сидел за большим столом, обложенный со всех сторон бумагами и журналами, и делал пометки в книге. При ее появлении даже не шелохнулся и никак не обозначил свое настроение, поэтому она приготовилась к худшему. Каждый раз перед ним она робела и ощущала себя глупой девчонкой. И сейчас стояла понурой, с покрасневшими, заплаканными глазами, и по всем ее движениям было понятно, что она сломлена.

— Плохо выглядите, — заметил он, не поднимая головы. — Можете сесть, — и небрежно махнул рукой на стоявший напротив стола высокий стул.

Ханна неловко села и приготовилась услышать, что уволена и должна немедленно обратиться из дома.

— Я слышал, у вас появился поклонник, — усмехнулся мистер Гриндл, разбирая бумаги.

Ханна отрицательно покачала головой, не поднимая глаз.

— Что? — язвительно уточнил он. — Я не расслышал.

— Нет, мистер Гриндл.

— Что нет?! — быстро вышел он из себя. — Почему тогда мистер Марч позволил себе отнестись к вам столь фамильярно и неуважительно, будто вы — уличная девка, а не компаньонка моей супруги.

Ханна молчала. Откуда она могла знать, почему этот сластолюбец позволил себе низость на виду у стольких людей.

— Молчите?! — мистер Гриндл, холодный и отчужденный, хлопнул кулаком по столу, встал и начал расхаживать по комнате. — Вы хоть понимаете, что пострадала репутаций моей семьи?

— Я не виновата, — сквозь рыдания шептала она.

— За доброту вы отплатили мне черной неблагодарностью! У Кэтрин от расстройства истерический припадок, и в этом виноваты только вы! Вы слишком зазнались и перестали ценить доверие, которое вам оказали! — ледяным тоном выговаривал Айзек.

После его нападок Ханна по-настоящему почувствовала себя неблагодарной и не достойной снисхождения. Умом понимала, что не совершила ничего постыдного, но голос мистера Гриндла звучал столь убедительно, а она была в таком состоянии, что уже сама почти верила в свою распущенность.

— Мне жаль. Мне очень жаль.

— Как вы могли? Как вы могли так легкомысленно себя вести? — продолжал вопрошать он обличительным тоном. — Я вам верил! Я за вас поручился, хотя все были против, когда я нанял вас! Думаете, кто-то еще вам окажет подобное доверие?!

Он давил на ее страх, зная, как сложно без рекомендаций найти новую работу в приличном доме, не говоря уже о возможности подыскать еще раз должность компаньонки.

— Мне очень жаль... — продолжала твердить Ханна сквозь слезы.

— Вам жаль? — зло прошипел он. — Вам всего лишь жаль?!

Увидев, злые глаза и поджатые губы мистера Гриндла, у нее начиналась истерика, и слезы ручьем потекли по щекам.

Выждав паузу, он холодно произнес:

— Да перестаньте рыдать! У меня и без вас голова идет кругом!

Ханна попыталась заглушить рыдания, но не получалось.

Айзек смотрел на ее поникшие, вздрагивающие от всхлипов плечи и чувствовал удовлетворение. Все, как он и предполагал. Циничная, самодовольная улыбка на мгновение заиграла на его губах, но Ханна была не в том состоянии, чтобы ее заметить.

Он направился к небольшому столику, стоявшему в дальнем углу кабинета, а затем подошел к сидящей служанке и, немного постояв, протянул стакан.

— Выпейте, — она не услышала его.

— Выпейте! — повторил громче.

Ханна протянула руку, взяла стакан, однако даже не поднесла к губам.

— Да выпейте уже! — рявкнул Айзек, потеряв терпение. — Это поможет успокоиться.

Она сделала глоток и чуть не подавилась — невыносимая горечь заполнила рот и горло.

— Горько, знаю, но надо выпить, иначе не сможете успокоиться, — терпеливо объяснял

он.

Пить по чуть-чуть было не выносимо. И Ханне ничего не оставалось, как выпить залпом. Мистер Гриндл забрал пустой стакан и направился к креслу, в котором удобно расположился, широко раскинув ноги. В его руке также был стакан, наполненный чуть меньше половины. Сделав глоток, он стал выжидающе смотреть на Ханну.

— Что это было?

— Лауданум. Как вы себя чувствуете?

— Лучше, только голова закружится.

— Это не страшно, — успокоил он. Увидев, что служанка вполне успокоилась, направился к двери и тихо, стараясь не привлекать внимание, закрыл дверь на ключ.

— Что вы делаете? — Ханна почувствовала неладное.

— Я хочу с вами серьезно поговорить, — невозмутимо ответил мистер Гриндл, садясь в кресло, — о вашем поведении. Мне следует разобраться, как поступить с вами.

Ханна перестала плакать и тихо сидела на стуле.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался он вновь.

— Сильно кружится голова.

— Зато вы успокоились.

От головокружения комната поплыла перед глазами, и Ханна покачнулась, но мистер Гриндл подхватил за руку.

— Держите себя в руках! — он наклонился ближе, и она уловила неожиданно приятный мужской запах с легким оттенком одеколona, дыма сигар, виски... — Вы обессилили из-за истерики.

Его рука коснулась ее шеи, не прикрытой платьем, и Ханна вздрогнула от неожиданности.

— Тише, не стоит так волноваться.

Айзек с силой потянул ее за руку на себя. Ханну качало, ноги подгибались, и, чтобы не упасть, она вынуждена была схватиться за него. Оказавшись прижатой к мистеру Гриндлу всем телом, почувствовала, как его дыхание участилось.

— Что вы делаете? — испугалась и попыталась отстраниться, но не смогла отодвинуться даже на дюйм. Когда мужская ладонь соскользнула ей на грудь, он прерывисто зашептал:

— Не надо бояться.

— Отпустите. Не надо, я закричу!

— И что будет? — зло усмехнулся Айзек, с силой притягивая ее бедра к возбужденному паху. — Даже если услышат, что, вряд ли, крайней останешься ты. Все узнают.

Горячие мужские губы нетерпеливо покрывали ее шею грубыми поцелуями, отзывавшимися в теле Ханны приятной дрожью и волнами возбуждения. Ей хотелось отдаться, узнать мистера Гриндла другим... Испугавшись, что не сможет устоять, попыталась вырваться, но опьяненное тело не слушалось.

Распаленный сопротивлением, мистер Гриндл подтолкнул ее к столу, и, как только Ханна уперлась спиной в столешницу, свободной рукой задирает подола юбок и попытался добраться до промежности.

— Все дома в округе будут для тебя закрыты. И что ты будешь делать?

Ханна сопротивляться, но остановить распаленного сильного мужчину была не в ее силах. Уже через мгновение он добрался до разреза на панталонах и дернул ткань. В

предвкушении победы и наслаждения, возбужденный до предела Айзек толкнул Ханну спиной на стол и навалился.

Подчиняясь низменным порывам, он прикладывал все силы, чтобы развести ее крепко сжатые бедра, но ноги у Ханны оказались неожиданно сильными. Айзек действовал грубо, но, даже несмотря на неудачу, не готов был ударить женщину, поэтому от ярости и бессилия дернул за горловину лифа. Платье с треском порвалось, обнажив корсет и приподнятые им полукружия пышной груди.

— Все об этом узнают!

— Ты мне, шлюха, угрожаешь? — прошипел он, расстегивая штаны.

— Нет, но живот скрыть невозможно.

Высвободив твердую плоть, Айзек вновь предпринял попытку овладеть ею.

— Черт бы тебя побрал! — процедил сквозь зубы, когда понял, что не может совладать с ней. Он слишком долго держал целибат, и теперь даже простое прикосновение к бедрам, волновало его столь сильно, что он готов был излиться раньше, чем сломит сопротивление и войдет. А так далеко зайти и даже не совратить служанку — это было слишком обидно.

— На колени, потаскуха! — прошипел и, вцепившись в волосы, стянул Ханну со стола на пол.

Не имея возможности вывернуться, Ханна вынуждена была созерцать его пах со стоящим членом с ярко красной, влажной головкой.

— Смотри! — он подтолкнул ее голову к плоти. — Красивый?

Красивый или нет, испуганная Ханна не знала. Сравнить ей было не с чем, но она согласилась:

— Д-да!

— Тогда слушай, — от его тряски за волосы у нее выступили слезы. — Сделаешь, как скажу, получишь пять долларом и останешься работать, если нет, избыю, но все равно возьму, а потом вышвырну! Поняла?!

— Да!

Как только ответила, он коснулся возбужденной плотью ее губ.

— Зубы выбью, если укусишь! — просипел и, надавив пальцами на челюсть, заставил приоткрыть рот. С силой протолкнул головку и издал громкий, довольный стон.

Ханна закрыла глаза, чтобы не видеть темную поросль. А потом к ее ужасу мистер Гриндл начал двигать бердами. Она не могла дышать, еле сдерживала рвотный порыв и, помня об угрозе, изо всех сил пыталась не смокнуть зубы.

— Давай, шлюха, за доллар! Давай же, развратная потаскуха! — от подступающего удовольствия, Айзек перестал сдерживаться и двигался еще быстрее. А потом его тело сотрясла дрожь, и ее рот, внезапно, чем-то заполнился. Она попыталась откинуть голову, но Айзек не позволил.

— Глотай, глотай, грязная девка! — стонал он и не отпускал до тех пор, пока она не сделала усилие над собой и не сглотнула накопившуюся во рту жидкость.

Только потом ослабил хватку и рухнул на стул.

Он сидел расслабленный, даже умиротворенный, с закрытыми глазами.

Когда она попыталась встать, остановил:

— Не так скоро. Оближи его еще.

Заметив ее смятение, притянул ближе и аккуратно, но настойчиво наклонил ее голову к

красной плоти.

— Ну, же! Как леденец на ярмарке, — подбодрил Айзек.

Когда она осторожно провела языком по коже, испещренной жилками, он нежно коснулся ее волос.

— Вот видишь, ничего страшного, — расслабленно усмехнулся и протянул ладонь Ханне. Опираясь на его руку, она с трудом поднялась. Ноги после долгого стояния на коленях болели и плохо слушались, поэтому Айзек помог ей дойти до кресла.

Застегнув штаны, открыл выдвижной ящик злополучного стола, потом взял руку Ханны и вложил в ее ладонь пять долларов.

— Сожалею о грубости. В знак примирения прими мою благодарность.

— Вы...вы...вы называли меня... — она не могла повторить.

— Шлюхой, грязной потаскухой и развратной девкой? — произнес он, глядя ей в глаза. — Это комплемент. Я не люблю святош и праведниц.

— Но вы..., а как же...? — не могла подобрать слов пораженная Ханна.

— Кэтрин? Лицемерная ханжа и чопорная дура, — коротко отрезал Айзек. — Если больше вопросов нет, будем считать, что роковой инцидент исчерпан. Думаю: щедрое вознаграждение окупит ваши страдания. В конце месяца получишь повышенное жалование, а если иногда будешь умницей и побалуешь мой леденец своим нежным язычком, можно будет поговорить о двойном повышении. Но надеюсь, что это ты будешь хранить в секрете ото всех. Добрых снов, Ханна.

Он подошел к двери и открыл ее, давая понять, что на сегодня все разговоры окончены. На онемевших ногах Ханна растерянно вышла и медленно побрела к черной лестнице. Уже поднимаясь, она с содроганием вспомнила случившееся и вытерла лицо и рот рукавами. К счастью, было поздно, и на пути в свою комнату она никого не встретила. Добравшись до кровати, разделась, как только положила голову на подушку, тотчас заснула крепким сном.

Глава 11

Ханна спала столь крепко, что утром, пришедшая будить Марта, не могла ее растолкать. Только после нескольких сильных толчков и громкой беззлой ругани, Ханна очнулась. На нее смотрела удивленная подруга:

— Дрыхнешь, как сурок. А я так не могу: если переживаю, глаз не сомкну.

— Я тоже.

— Оно и видно, — пошутила подруга. — Не важно выглядишь.

— Перенервничала, — Ханна, спустившая с кровати ноги, сидела в помятом платье и сильно растрепанная. Марта внимательно ее осмотрела и, немного подумав, спросила:

— Как вчера прошел разговор?

Ханна лишь повела плечом. Подруга так и не поняла, что означает этот жест, но более спрашивать не стала и принялась рассказывать свежие новости:

— Не знаю, что вчера было у мистера Гриндла с супругой, но сегодня он проснулся рано и в весьма приподнятом настроении! — увидев вопросительно приподнятую бровь Ханны, поспешила пояснить. — Он пришел в ее спальню с цветами, побыл некоторое время, а потом вышел весь сияющий. Представляешь?

При слове «представляешь» перед глазами Ханны предстала совсем иная картина. От воспоминаний, ее щеки покрылись румянцем.

— Ты чего это? — удивилась Марта. — Что ни скажи, сразу трепещешь, как юная леди. А, чуть не забыла, — спохватилась она, — мистер Гриндл велел, чтобы ты помогла привести в порядок миссис Гриндл, и сказал, что вы поедете навестить Преподобного Поупа.

— Я не уволена! — спохватилась Ханна.

— Судя по всему, нет! — улыбнулась подруга. — Мистер Гриндл добр, как никогда, а миссис Гриндл еще ворчит, но уже почти успокоилась. И думаю, — Марта вперила глазами в Ханну, — не стоит будить в ней успокоившуюся бурю, поэтому живо собирайся и спускайся.

— Согласна! — улыбнулась Ханна и поспешила привести себя в порядок.

***

Постучавшись, Ханна вошла в спальню.

Миссис Гриндл была в хорошем настроении и вся светилась, но, увидев компаньонку, сделала такое лицо, словно держала во рту дольку лимона.

— Доброе утро, миссис Гриндл, — Ханна подошла к хозяйке, чтобы помочь ей переодеться, но та сидела, как каменная статуя.

Наконец, Кэтрин соизволила повернуть голову.

— Если бы не ты, оно было бы по истинному добрым, но ты портишь все, к чему прикасаешься! — зло выговорила она. — Мы с Айзеком никогда не ругались, слышишь, никогда! Он никогда не повышал голос в моем присутствии и не позволял грубостей. И все, что вчера случилось — по твоей вине! Но Айзек очень добрый человек и хороший муж, потому уже попросил у меня прощение за свою невыдержанность! — видимо, вспомнив, как супруг заглаживал вину, миссис Гриндл улыбнулась. — Также он просил быть снисходительным к тебе, — ее лицо снова стало хмурым.

Ханна стояла и покорно выслушивала придирки, стараясь ничем не раздражать Кэтрин. Не видя сопротивления или непослушания, раздражение миссис Гриндл быстро иссякло.

— И только по его просьбе я буду к вам снисходительна, тем более, что отныне, мы с мужем будем более бдительно наблюдать за вами и не давать вам ни малейшего шанса на необдуманный поступок. Как сказал, Айзек, — вы еще юны и не разумны, поэтому надлежит в вас воспитывать добродетели. Я не ваша мать и ни в коей мере не желаю ей быть, но следить за вами Эмма буду более тщательно.

Высказав все, миссис Гриндл успокоилась и перешла к повседневным делам. После того, как она переделалась и была сделана прическа, она спустилась в гостиную, где ее ожидал супруг.

Стоило им войти, он поднялся со стула и подошел к жене. Поцеловав ее руку у запястья, улыбнулся самой теплой улыбкой.

— Ты прекрасна! — нежно сказал, не сводя с супруги глаз. — Сегодня чудесный день, почти как маленький праздник, потому я просил Марджори приготовить что-то особенное и легкое, чтобы наше хорошее настроение длилось как можно дольше.

— Это так любезно, мой милый Айзек! — чуть не плакала от умиления Кэтрин, не сводя с супруга влюбленных глаз. — У меня словно крылья за плечами выросли. Чтобы не подали, я буду рада.

Ханне казалось, что еще мгновение, и она расплачется. Глядя на происходящее у нее перед глазами, она поражалась лицемерности и изворотливости мистера Гриндла. Но то, что он был обаятельным и умел расположить к себе супругу, этого отрицать не могла.

«Надо же, как легко женщину обвести вокруг пальца, — не переставала удивляться

Ханна, — стоит только посмотреть влюбленными глазами, сказать несколько нежных слов, и мы становимся слепыми, всецело верящими в великодушие и порядочность мерзкого и изворотливого типа».

Мистер Гриндл, снова, словно почувствовал ее мысли.

— Доброе утро, Эмма, — сухо произнес он. — Думаю: впредь вы будете себя вести более серьезно и скромно. Понимаю, что юным девушкам свойственно кокетничать, но призываю вас, все же, быть более сдержанной и благонравной. В противном случае я вынужден буду применить меры.

Какие именно, не уточнил, но по его глазам стало понятно: в случае неповиновения Ханне мало не покажется. Решив не лезть на рожон, она склонило голову:

— Да, мистер Гриндл.

Ханна случайно встретилась с ним взглядом и почувствовала, что отныне их связывает общая тайна. В его глазах читалась насмешка, радость скрываемой победы, снисхождение и одновременно удовлетворение.

Мистер Гриндл отвернулся и обратился к супруге:

— Думаю, вам не стоит сидеть дома и следует все же съездить на прогулку. Ваше появление должно пристыдить сплетниц, особенно Маргарет и ее свиту. Не следует ей давать повод для радости. Если она так яро поддерживает мистера Марча, пусть для поддержки пригласит его к себе на ужин и познакомит с Лидией.

— Милый, нельзя так... — начала было Кэтрин, но Айзек ее перебил:

— О чем ты, милая? — он изобразил искреннее удивление. — Мистер Марч, как утверждает миссис Марвел, достойный и праведный человек, и нет ничего зазорного в том, чтобы оказать ему поддержку.

Сначала опешив, миссис Гриндл все-таки поняла сарказм мужа и, не удержавшись, прыснула от смеха.

Тем временем, Ханна — Эмма, расставляла тарелки с едой и отгоняла любые мысли, которые могли отвлечь от работы. Обо всем, что произошло вчера, она подумает вечером, когда будет одна в комнате.

После обеда, как и намечали, отправились на встречу с мистером Поупом. Если нужно прекратить кривотолки и найти поддержку в обществе, то, конечно, в первую очередь следует заручиться поддержкой уважаемого всеми человека, мнение которого значительно влияет на общественное мнение.

Передвигаясь по городу, миссис Гриндл и ее компаньонка, чувствовали на себе косые, осуждающие взгляды. Ханне казалось, что все только и делают, как перешептываются за ее спиной и смеются, рассказывая про нее скабрзные сплетни. Она раскисла и расплакалась бы на виду у всех, но мистер Гриндл, решивший поехать с ними, предупредил:

— Даже не вздумай! Слезы воспримут как слабость и податливость и примутся терзать тебя глупыми лживыми слухами, как стая голодных волков. Сядь ровно и подними выше голову. Иначе до конца дней придется выслушивать похабные шутки про тот случай.

— Милый, не говори таких слов, — возмутилась Кэтрин.

— Как не говорить, если они есть? Делать можно, а говорить нельзя? — не удержался он.

— Много что есть, и говорить об этом не прилично, — напомнила она ему.

— Поверь, Кэтрин, приличия не мешают людям распускать грязные слухи, смаковать подробности и пытаться измарать соседей в грязи, пытаюсь переложить свою вину на других.

Миссис Гриндл не нашлась чего ответить. Продолжая хранить молчание, они доехали до церкви.

Когда вошли в церковь, певчие как раз распевались. Заметив вошедших, они перестали петь и замерли в ожидании. Мистер Гриндл направился прямо к ним. За ним шли миссис Гриндл и Ханна — Эмма. Айзек первым любезно поздоровался:

— Добрый день, леди и джентльмены. Сожалею, что прервал, и прошу, продолжайте. Мне доставляет удовольствие, слушать ваше пение.

Видя его хорошее расположение духа, женщины, состоящие в хоре, стали друг с другом перешептываться, но он оставался непробиваемым.

— Что-то случилось, мистер Гриндл? — спросил высокий Джон. Он был немного медлительным, но зато прилежным прихожанином, и пользовался авторитетом среди певчих.

— Как сказать, — начал мистер Гриндл. — Я бы хотел увидеть преподобного Поупа и поговорить с ним об одном инциденте, который совсем недавно произошел.

— К сожалению, его сейчас здесь нет, но он скоро вернется. Подождете его?

— Да. Нам нужно с ним серьезно поговорить.

— О чем, если это не большая тайна? — спросил певчий, обводя пришедших внимательным взглядом.

— Ты, возможно, догадываешься. Я хотел бы поговорить с пастором и поставить вопрос о недопущении на собрания недостойного человека, который своими поступками и многочисленными неблагоприятными поступками позорит свою семью и весь наш город, — с пафосом ответил мистер Гриндл, делая особое ударение на многочисленных неблагоприятных проступках.

— Понимаю, — кивнул Джон. Потом внимательно посмотрел на Ханну и добавил: — И поддерживаю ваше решение.

— Правда?

— Да. Я видел, как это произошло. Это было просто невыносимо дерзко и... — он не смог подобрать слово, выражавшее его чувства и позволительное для произнесения в храме Божьем.

— Благодарю за поддержку.

— Не за что. Если вы будете ожидать Преподобного здесь, позвольте мисс Норт петь с нами.

Заметив удивление собеседника, Джон пояснил:

— Раньше она часто пела в хоре, пока не стала работать у миссис Марвел. Или вы против?

— Нет, я просто очень удивлен.

Миссис Гриндл тоже была поражена:

— Эмма, я и не знала, что ты умеешь петь! — воскликнула она.

— А почему Эмма? Она же Ханна! — удивился Джон.

— Ну, друг мой, чего только женщинам в голову не придет, — усмехнулся мистер Гриндл, глядя на свою супругу.

Ханна, обрадованная, что хоть кто-то видел, что произошло с ней на самом деле, и ощутившая поддержку, с удовольствием присоединилась к певчим. Она любила петь, а в такой момент, когда дела складывались столь успешно, ей показалось, что сейчас самое время спеть что-нибудь благодарственное. Хор как раз собирался петь «Ближе, Господь, к

Тебе», написанный Сарой Адамс, поэтому Ханне дали сборник в руки, и она приготовилась. Когда запели:

«Ближе, Господь, к Тебе, ближе к Тебе,
Хотя б крестом пришлось подняться мне;
Нужно одно лишь мне:
Ближе, Господь, к Тебе...»

лицо миссис Гриндл приобрело торжественное выражение, а после третьего куплета:

«Там лестница наверх, к свету ведет
Страхи оставлю здесь, вся печаль сойдет.
С ангелом за руку вверх я взойду к звезде:
Ближе, Господь к Тебе...»

Ханна увидела, как она украдкой вытирает слезы умиления, и не смогла удержать улыбки. А потом, случайно немного повернув голову, заметила заинтересованный взгляд мистера Гриндла, который смотрел на нее пристально, совершенно не смущаясь.

Судя по тому, как он смотрел на нее, вчерашняя встреча с леденцом не была последней. От стыда она покраснела, тем более что вспоминать о таком постыдстве именно сейчас — в храме, показалось ей кошунством. Зато у мистера Гриндла поднялось настроение, и полуулыбка-полунасмешка еще долго не сходила с его губ.

Когда хор закончил петь, все будто в раз переменялось. Женщины, поющие с Ханной, уже не были к ней так враждебны, как в начале встречи, словно светлый гимн смыл с нее грязное и гадкое, и теперь она стояла теперь ними очищенная от скверны.

Из-за хорошего исполнения, у певчих поднялось настроение.

— Мы так рады, что ты снова с нами поешь! — подхватили за руки Ханну Рутт и Джуди, с которыми раньше она часто общалась. — Надеемся: теперь мы будем чаще видеть тебя в хоре.

— И мне бы очень этого хотелось, — улыбнулась Ханна. Сестры были добрыми, милыми, но такими болтушками! Ей показалось, что она находится между двумя попугайчиками, которые повторяют друг за другом, чтобы собеседник не смог пропустить мимо ни одного слова, даже самого незначительного.

— А нам — то как! Когда ты перестала петь, к нам пришла Лидия Марвел. Она, конечно, неплохо поет, — затараторила Джуди, — но у тебя получалось гораздо лучше! — шепотом закончила за нее Рутт.

— Я тоже очень рад, что ты теперь снова с нами, — подтвердил подошедший Джон.

— Спасибо, очень приятно, что обо мне не забыли! — Ханне была счастлива слышать, что кто-то о ней помнит и рад видеть. Джон был простым парнем, немногословным, но от его поддержки сразу спала гора с плеч. Она не смогла удержаться и широко улыбнулась. Уже давно Ханна не была так счастлива и не ощущала такой радости и ощущения свободы.

— Кстати, а где Лидия? — в голосе Джуди почувствовались капелька ехидства.

— Наверно у портнихи, — подколола Рутт.

— Ну, и ладно, зато с нами сегодня Ханна. Давайте еще споем? — предложила Джуди, и рядом раздались одобрительные голоса.

Когда преподобный Поуп вошел в зал, он застал идиллическую картину: супруги Гриндл, держась за руки, с воодушевлением внимали поющим, а безмятежная Ханна с удовольствием пела в хоре и улыбалась.

«Слава тебе, Всевышний! — воскликнул в сердцах он. — Хоть какое-то хорошее

событие за весь суетный день».

Напряжение ушло и, когда певцы окончили петь гимн, он подошел поприветствовать чету Гриндлов.

— Кого я вижу! — негромко воскликнул он, и на его лице появилась немного грустная, вымученная, но все же улыбка. — Рад вас видеть.

— Мы тоже, Преподобный Поуп! — отозвалась первой миссис Гриндл. — И я, и мой супруг получили истинное удовольствие, ни с чем не сравнимое...

— Рад вас приветствовать, — перервал супругу Айзек и встал, чтобы поприветствовать мистера Поупа. — Если не возражаете, мы бы хотели побеседовать с вами. Обещаю не отнимать много времени.

Кэтрин ничего не оставалось, как замолчать и отдать инициативу в руки мужа. Она была недовольна, но перечить не стала.

— Давайте поговорим в моей комнате, — предложил мистер Поуп, и супруги последовали за ним.

Разместившись, мистер Гриндл приступил к беседе:

— Мы приехали, Преподобный, чтобы обсудить произошедшую недавно ужасную ситуацию.

— Я вас слушаю, — собеседник был достаточно проницательным человеком и сразу догадался, о чем пойдет речь. Предстоял не простой разговор о щепетильной ситуации, которого он вполне ожидал и боялся, опасаясь, что чета Гриндл пришла сообщить ему, что хотели бы найти себе другую прислугу, поскольку репутация Ханны их теперь не устраивает. Он тяжело вздохнул и приготовился слушать.

— Совсем недавно моя супруга — миссис Гриндл посетила вашу проповедь, по окончании которой имел место быть один чрезвычайно неприятный инцидент...

Преподобный молчал и лишь покачивал головой, показывая то ли на то, что внимательно слушает, то ли свидетельствуя о том, что в курсе этого инцидента.

— Я глубоко оскорблен действиями мистера Марча и считаю, что таким, как он, нет места среди достойных людей города, — продолжал Айзек Гриндл. — Я хотел поставить вас в известность, что намереваюсь созвать общественное собрание и поставить вопрос о запрете посещать мистеру Марчу церковь. Что скажете?

Проницательные серые глаза пастора пристально рассматривали мистера Гриндла. Мистер Поуп был удивлен.

— А вы знаете о распускаемых в городе сплетнях? — осторожно поинтересовался он.

— Да, я в курсе. К сожалению, некоторые особы с несказанным удовольствием передают друг другу нелепости и разносят их от одной сплетницы до другой. Я считаю это неприемлемым и хотел бы пресечь подобные вещи.

— Хорошо вас понимаю, — тяжело вздохнул Преподобный Поуп. — Но, к сожалению, я не могу лично поднять это вопрос. Видите ли, в чем дело. Ханна мне не чужая, и, если я попытаюсь что-либо предпринять для ее защиты, меня обвинят в предвзятости. Я обескуражен и ужасно неприятно удивлен, что подобное произошло в этих святых стенах, тем более что за мисс Норт я переживаю, как за родную дочь. Но в данной ситуации, при всем желании не могу ничего сделать. Я смогу только поддержать ваши начинания. Вы понимаете?

— Абсолютно. И не собираюсь оставлять подобную выходку без ответа. Иначе каждый решит, что подобное можно совершать совершенно безнаказанно.

— Я буду очень благодарен, если вы сможете разрешить эту ситуацию. И окажу любую возможную поддержку.

— Хорошо. Тогда для начала я хотел бы узнать, кто разносит столь нелепые, грязные слухи?

— Вы не догадываетесь? — спросил пастор. В его глаза появилась жесткость.

— На этот счет я имею предположения, но все-таки мне хотелось бы быть в этом вопросе более уверенным.

— Позвольте спросить, почему вы так близко принимаете сложившуюся ситуацию? — неожиданно поинтересовался пастор. Его глаза сузились, и со стороны казалось, что все же червяк сомнения гложет мысли Преподобного. За много лет служения он повидал много людей и слышал множество исповедей... И уж кто, как не он знал, что люди из порыва совершали добрые дела, но и был свидетелем, как хитрецы и гордецы изображали праведность в надежде отвести глаза от своих прегрешений. Теперь, пристально рассматривая мистера Гриндла, он пытался решить для себя — к кому относится этот человек?

Айзек словно почувствовал мысли и сомнения Преподобного Поупа. На мгновение, ему стало неприятно, но он быстро взял себя в руки.

«А пастор-то не наивный святоша!» — удивился Айзек. Изображать святошу и христианское праведное возмущение он не собирался, потому коротко ответил:

— Дело касается моей семьи: моей супруги и ее компаньонки. Если бы Ханна была в полной мере виновата в случившемся, я бы просто уволил ее, но мне не нравится, когда попирается истина и добродетель.

— Понимаю, — кивнул пастор, — но все же я удивлен.

— Я никогда не имел склонности к ханжеству и предпочитаю судить по поступкам. Если виноват, то следует наказание, если не виновен, я не буду потакать толпе. Итак, вы назовете имена?

— Миссис Марч, миссис Марвел и миссис Палм, — перечислил Преподобный. Заметив появившуюся напряженную улыбку на губах мистера Гриндла, спросил: — Вы удивлены?

— К сожалению, ни капли, — усмехнулся Айзек. — Благодарю, что уделите время. Мы с супругой вам благодарны.

Поднявшись со стульев, супруги вежливо попрощались и направились к выходу. Почти у самой двери, мистер Гриндл обернулся:

— Мы с супругой были крайне удивлены, что мисс Норт столь хорошо поет.

— А, да! — улыбнулся пастор, — Она всегда любила петь и относилась к пению в хоре весьма серьезно.

— Мы с супругой не будем против, если иногда Ханна будет присутствовать на репетициях и петь в хоре.

— Это было бы чудесно! — воскликнул обрадованный, как ребенок, Поуп. — Я буду вам очень и очень благодарен!

— Тогда мы с супругой сделаем несколько визитов, а мисс Норт может пока остаться.

Договорившись и еще раз поблагодарив Преподобного Поупа, супруги уехали.

Увидев, что чета Гриндл уходят без нее, Ханна изменилась в лице, но, взглянув на мистера Поупа, заметила его улыбку и несколько успокоилась. Завершив пение, подошла к нему, и он сообщил ей столь неожиданное решение супругов, которому Ханна была несказанно рада.

Объяснялась ее радость весьма просто: посещение храма было возможностью познакомиться с новыми людьми, среди которых можно было встретить будущего супруга.

В этот день, супруги Гриндл нанесли несколько визитов и выпили столько чашек чая, что домой торопились, как никогда ранее. Посетить уборную в гостях миссис Гриндл не позволяло воспитание и скромность, а мистер Гриндл решил поддержать супругу и потому так же мужественно терпел, когда же они доберутся до дома. Но всю обратную дорогу домой, он поминал тяготы, которые из-за Ханны ему пришлось вынести за эти дни и приходилось терпеть сейчас.

«Ничего... — успокаивал он себя, — думаю, что радости от тебя будет гораздо больше!»

От одного только предвкушения будущей радости у него поднималось настроение и не только оно.

Добравшись до дома и удовлетворив свои естественные потребности, миссис Гриндл наверно впервые испытала столь необычайное чувство, так близкое в пику радости и удовольствия.

Зато все старания супругов были не напрасны. Почти в каждой беседе, очень удивленные их внезапным приездом хозяева дома, пропустив по чашке чая или что-то значительно крепче, если хозяин было дома, крайне заинтересованно спрашивали о произошедшем скандале и выясняли отношение супругов к этому событию.

Мистер Гриндл отвечал по заранее заготовленному ответу и приводил свои доказательства, не стесняясь удивлять хозяек сведениями об увлечении мистером Марчем служанками. К чести миссис Гриндл, она оказала поддержку мужу и от таких скабрёзных подробностей хоть и краснела, но не угрожала упасть в обморок. По завершении нанесения визитов, супруги были очень довольны собой и проделанной ими работой.

Вечер уже становился поздним, когда довольная и удовлетворенная прошедшим днем миссис Гриндл с помощью компаньонки готовилась ко сну. Она приняла ванну, переделалась в ночную рубашку и расчесала волосы. Выпив немного успокоительного, прописанного доктором, улеглась в постель. Кэтрин была столь возбуждена отличным настроением, что без привычной дозы снотворного не смогла бы заснуть.

Лаунданум или проще говоря настойка опиума была столь популярна, что имела в каждом приличном доме. Ею лечили простуду, кашель, истерию, бессонницу и много других болезней. Накапывая хозяйке успокоительное, Ханна невольно вспомнила о прошлом вечере, и ей стало страшно:

«Чем бы все могло закончиться, если бы она крепко уснула?»

Потушив лампу и пожелав хозяйке спокойной ночи, она вышла из спальни и притворила за собой дверь. В доме было тихо и темно. Прислуга была проходящей и ночевать не оставалась, если только в исключительных случаях.

Стараясь не издать ни звука, Ханна как можно тише подошла к черной лестнице и стала подниматься к себе. Миновав второй этаж, она радостно выдохнула. Еще совсем немного, и она в своей комнате. Но тут, к полной неожиданности, скрипнула половица. Звук был не громким, и Ханна затаилась, надеялась остаться незамеченной, однако, к ее огромному разочарованию, дверь рабочего кабинета почти тот час открылась, и на свету показалась широкая фигура мистера Гриндла.

— Ханна, это вы? — негромко окликнул он.

Она молчала, надеясь, что хозяин удалится к себе, но вместо этого, он сделал шаг к лестнице и еще раз спросил:

— Это вы?

Ничего не оставалось, как ответить:

— Да, мистер Гриндл.

— Я вас звал, почему вы не отзывались? — поинтересовался он, внимательно посмотрел на нее прищуренными глазами.

— Простите, я не расслышала, — солгала она.

— Правда? — усмехнулся он. И хотя вокруг царил полумрак, разглядела его усмешку.

— Да, мистер Гриндл, время уже позднее, и я думала, что все легли спать, потому шла к себе и была несколько рассеянной, — пояснила она. — Прошу прощения, если расстроила вас.

— Если вас не затруднит, после окончания рабочего дня следует заходить ко мне в кабинет и рассказывать о самочувствии моей супруги, — он смотрел на нее, как кот на попавшую в лапы мышь.

— Хорошо, мистер Гриндл, — покорно согласилась Ханна, но продолжая стоять на месте.

— Вы не поняли мой приказ?

— Поняла, мистер Гриндл.

— Тогда почему до сих пор стоите на месте? — раздражение в его голосе росло.

— Сию минуту, — покорилась она и направилась вслед за ним.

Когда вошла в кабинет, он закрыл за ней дверь, а потом она услышала знакомый звук поворота ключа в замке. Резко обернулась на звук и, заметив на лице хозяина довольную улыбку, сразу поняла, какой разговор им предстоит.

— Наш уговор в силе? — недовольно спросил Айзек, заметив испуг на лице служанки.

Она продолжала на него смотреть, не сводя глаз.

— Не злите меня, Ханна! — произнес он угрожающе. Его желание и нетерпение возрастало и любое, даже малейшее препятствие к удовольствию портили ему настроение.

Ханна почувствовала, как ее лицо запыхало.

— Не стоит так нервничать. Может, тебе налить виски? — его голос стал чувственным. Уже совсем не таясь, он откровенно и нетерпеливо осматривал ее фигуру и сластолюбиво улыбался.

— Я помню о нашем уговоре, а вы? — напомнил мистер Гриндл, подкрадываясь к ней все ближе. Судя по его нетерпеливому выражению лица, разговаривал он только для того, чтобы она отвлеклась и не закричала.

— О каком именно? — попыталась схитрить она.

— О, у вас короткая память? — усмехнулся он. — Тогда можно сделать вид, что я его тоже не помню.

— Нет, не надо! — встрепенулась Ханна, начиная пятиться.

— Вот как? Значит, вы помните, о чем мы вчера говорили?

— Да, мистер Гриндл, — она смотрела на него, как затравленный зверек. Пятясь, уперлась спиной в книжный шкаф, и мистер Гриндл теперь с каждым шагом подходил к ней все ближе.

— Говори просто «да», — поправил он. — Так о чем наш уговор?

Служанка молчала и он, наслаждаясь моментом, продолжал плотоядно рассматривать ее фигуру, особенно пуговицы на груди. Ему нравилось смущение и робость Ханны. Наблюдать, как она боится, смущается, пытается вывернуться и знать, что все это тщетно,

доставляло ему удовольствие.

— Так о чем? — переспросил мужчина, прислоняя ладони рук к шкафу и заключая ее в кольцо рук.

Она стояла красная и продолжала молчать.

— Можете молчать сколь угодно, но выполнять нашу договоренность придется. И не смотри на меня так, тебе это понравится!

Лицо Ханны вытянулось от удивления, а глаза широко раскрылись от возмущения. Айзек рассмеялся низким, грудным голосом.

— Ты не останешься без подарка, — напомнил о прошлой щедрой плате. — Если не будешь так стоять и упираться, моя благодарность будет щедрее, — и, не дожидаясь ответа, сжал Ханну в объятиях.

Она ощутила жар его тела, его нетерпение и горячее, возбужденное дыхание на виске. Чем это может обернуться, она теперь знала и, не дожидаясь повторения, выпалила:

— Я согласна!

— Хорошо, — прохрипел довольный мистер Гриндл, продолжая сжимать ее бедра. Ей казалось, что еще чуть-чуть, еще мгновение, и он не удержится. Но он отпустил ее, и направился к креслу. Она с облегчением вздохнула.

— Подойди! — приказал тоном, не терпящим возражений. Ханну затрясло, она не могла сдвинуться с места. — Да иди же или предпочитаешь грубость?

Она повертела головой и сделала небольшой робкий шаг. Мистер Гриндл улыбнулся.

— Хорошо. Теперь ближе и быстрее. Или хочешь меня разозлить?!

Когда сделала еще несколько, он дотянулся до нее и резко потянул за руку вниз. Она снова оказалась стоящей на коленях, а он быстро расстегнул брюки и, поправив исподнее, достал возбужденный красный член.

— Быстрее! Я уже не могу ждать! — грубо торопил, подталкивая ее голову ближе к паху.

Понимая, что уже ничего не изменить, Ханна наклонилась и прикоснулась губами к набухшей головке. Стоило ей только прикоснуться, выдержка мистера Гриндла закончилась, и его тело выгнулось дугой.

— Да! — радостный возглас вырвался из его груди. — Еще, ну же! Возьми его в рот! — он больше не уговаривал, а с силой пытался протолкнуть плоть глубже.

Как и в прошлый раз, он положил свою большую ладонь на ее затылок и подталкивал, ускоряя ритм.

Стоя на коленях и едва сдерживая рвотные порывы, Ханна размышляла о том, что она и не помнила, как давно видела обнаженного до пояса мужчину, не говоря уже о том, что никогда не касалась обнаженного торса, а тут такое... хотя даже говорить о существовании мужского органа было не прилично.

Ощущение, что она делает что-то постыдное и мерзкое, угнетало. С другой стороны, он не был таким уж отвратительным и грязным, как она того ожидала и боялась. В случае, если она на это не согласится, на новом месте ее может ожидать подобная участь. Такие противоречивые мысли роем проносились в нее голове.

Все мысли сразу рассеялись, когда она услышала треск раздираемой ткани.

Не позволяя Ханне поднять голову, Айзек свободной рукой грубо дернул за горловину платья, от чего ткань с треском порвалась. Не удовлетворившись результатом, он дернул еще раз, и теперь лиф платья и нижняя хлопковая сорочка были почти полностью разорваны.

Препятствием оставался только бежевый корсет с низкой посадкой, но мистер Гриндл умело потряхнул Ханну за плечо, от чего ее грудь выпала и оказалась на его обозрении.

Сжимая ее обнаженную грудь, он резко ускорил движения и яростно пыхтел до тех пор, пока внезапно не застыл. Ее горло, как и вчера, оросило что-то, совершенно ужасное на вкус, и пока Ханна не проглотила содержимое, борясь с отвращением, мистер Гриндл не отпускал ее головы.

— Какая ты шлюха! — нежно произнес он, поглаживая ее волосы. Развалившись в большом уютном кресле, Айзек пытался отдышаться, но, тем не менее, заботливо спросил:

— Налить виски?

Служанка кивнула головой.

Он налил и протянул стакан. Ханна сделала глоток, и горло обдало жаром, но после всего произошедшего этот разлившийся жар показался ей приятным и очистительным.

— Первый раз? — спросил Айзек, заметив, как она поморщилась от спиртного.

— Да.

— Все когда-то бывает в первый раз, — заметил он философски, находясь в отличном настроении.

Лицо служанки имело такое выражение, что он не мог понять: посочувствовать ей или рассмеяться. Пережитый страх и радость, что все уже закончилось; удивление и печаль, что пострадало красивое платье, ибо за всю ее жизнь она вряд ли имела красивее; недовольство унижением, ненависть и в то же время оживление и блеск в глазах от осознания, что теперь ей ведомо нечто запретное, о чем ранее и мыслить не могла.

Он с любопытством наблюдал за переполнявшими ее эмоциями и пришел к неожиданному выводу, что соблазнение юной, хорошенькой служанки — это гораздо более увлекательное и тонкое занятие, от которого можно получить не только телесную радость. При посещении борделя, можно получить удовлетворение любого похотливого желания, любой каприз. Можно даже лишиться целомудрия какую-нибудь опоенную юную девицу, но при всех этих возможностях, невозможно было получить эмоциональную дуэль, чего так ему не доставало!

Возможность первым делать ход и отступать; изображать разочарование и безразличие; чередование угроз и щедрых подарков — одним словом игра, давала ему возможность почувствовать себя господином, истинным хозяином положения, который в руках держал судьбу не рабыни или неотёсанной деревенщины, а умненькой, наблюдательной и в чем-то даже хитрой девчонки, пытавшейся юлить и изворачиваться. И чем больше она сопротивлялась и была менее предсказуемой, тем интереснее ему было играть.

«Черт, возьми! — поразился он открытию. — А жизнь-то становится все интереснее!»

Теперь он уже не досадовал, что его первоначальный план лишения невинности Ханны не удался. Теперь ему хотелось большего! Приручить, соблазнить, почувствовать себя циничным искусителем.

Возможно, если бы Кэтрин была другой, более чувственной натурой, дремлющий в нем соблазнитель никогда бы и не проснулся, но, увы, она была холодной пуританкой, сосредоточенной только на себе, правилах приличия и благоденствия.

Прослыть соблазнителем благопристойных дам чревато разрушением репутации в обществе, а вот хорошенькая, аппетитная служанка — это было как раз самое то. Любую проблему с прислугой было легко решить хорошим приданным, за которое любая служанка

без сомнения рассталась с невинностью. Из проходящих на собеседование соискательниц он намеренно выбрал Ханну, потому как ее крайне приятная внешность, хорошее здоровье и достаточная образованности импонировали ему. Особенно впечатляли ее формы, которые он тщательно рассматривал в то время, как она драила ступеньки и крыльцо миссис Марвел.

Только одного он не учел — она была воспитанницей Поупа, которая была крайне благодарна его семейству и опасалась опорочить доброе имя его семьи. Но именно это обстоятельство делало ее соблазнение сложным и изысканным процессом.

«Ничего, — усмехнулся Айзек, — я умею ждать. Потом все будет по-моему».

***

Ханна прикрылась лохмотьями лифа и попыталась подняться с колен, но он грубо дернул за руку.

— Я не позволял вставать! — произнес вальяжно мистер Гриндл. — У меня для тебя есть небольшой подарок, — и, достав из карманов брюк небольшой бархатный мешочек красного цвета, протянул ей. Ханна недоверчиво его взяла.

Не спеша и очень аккуратно, развязала ленточку, вытряхнула на ладонь содержимое и онемела... Это были серебряные серьги с крупным жемчугом. Две каплевидные жемчужины молочного цвета лежали на ее ладони, и она ощущала их прохладу.

— Нравятся? — поинтересовался хозяин, не дождавшись радостных возгласов.

Ханна продолжала молчать, лишь ее губы предательски задрожали, а потом по лицу текли слезы.

Вручая изысканный подарок, Айзек ожидал чего угодно, но только не тихие слезы бессилия. Увидев, что Ханна расплакалась, как маленькая наивная дурочка, он смутился и почувствовал себя редкостным подлецом. От бывшего триумфа не осталось и следа.

— Если не нравится, куплю что-нибудь другое, — попробовал он неловко утешить Ханну.

— Не надо, они красивые, — сквозь слезы ответила она, вертя головой.

— Тогда не плачь! — грубовато потребовал он, стараясь скрыть от нее свою неловкость. Все же мерзавцем Айзек никогда не был, но ему так хотелось почувствовать себя любимым и желанным, и он шел к этому как мог.

Ханна знала, что сказать. Чувство радости от подарка омрачалось мыслью о греховном падении. Расположение хозяина к ней и нарушение ее душевной непорочности произошли столь стремительно, что она не успела ни смириться с произошедшим, ни отказаться от предоставленных ей благ, и сейчас она оплакивала свою скромность, остатки которой терзала радость от полученной красоты.

— Ну, хвати же, дурочка! — Айзек положил ее голову на колени и начал гладить по волосам, позволяя ей выплакаться. Когда слезы закончились, помог подняться и проводил до двери.

— Это мой личный подарок, не следует им афишировать, особенно при Кэтрин, — несколько сухо предупредил он.

— Я понимаю, — кивнула Ханна и выскользнула из кабинета. Дверь за ней тихо затворилась, и она, прислушиваясь к ночным звукам дома, побрела наверх.

Уже лежа в кровати и перебирая пальцами жемчужины, она улыбнулась.

Ханна была поражена, как увеличенное в два раза жалование и дорогие подарки быстро затоптали остатки скромности. Но была грань, через которую она ни за что не согласилась бы переступить, во всяком случае, сейчас. Мысль о том, что рано или поздно мистер Гриндл потребует от нее большего, не давала покоя.

«Нужно скопить как можно больше денег, чтобы продержаться хотя бы первое время, пока буду искать работу. А там как-нибудь», — утешала она себя, когда просыпалась совесть и начинала ее нещадно грызть.

В минуты отчаяния Ханна ненавидела мистера Гриндла, но умом понимала, что в другом доме при подобной ситуации дело бы уже давно закончилось насилием.

«Что делать, если он потребует большего? — задавала себе вопрос вновь и вновь. Поделиться, что тяготит душу, об одолевающих сомнениях ей было не с кем. Ни преподобному Поупу, ни его сестре не расскажешь и не доверишь того, что можно доверить матери. — Они, несомненно, добрые люди и всей душой переживают за меня, потому я не могу рассказать им то, что уже сотворила. Я разобью им сердце!»

После долгих метаний, приняла решение: пока у нее есть возможность, она будет откладывать деньги на черный день, и, если мистер Гриндл попытается ее принудить к сожительству, твердо скажет «нет». Все-таки, родить незаконнорожденного ребенка и потом воспитывать его одной, все время будучи голодными, это не стоило всех его подарков вместе взятых. Мало того, что бедный ребенок будет многим обделен, так еще и опозорит имя Поупов. Нет, такого она совершить не могла.

«Нужно объясниться с мистером Гриндлом, пока все не зашло слишком далеко!» — решила она ночью, ворочаясь от бессонницы в постели.

Встав утром пораньше, привела себя в порядок и стала дожидаться, когда проснется хозяин дома. Услышав его голос, подождала, пока Марта отнесет ему в кабинет чашку кофе, и постучала в дверь.

Мистер Гриндл был удивлен ее раннему появлению.

— Доброе утро, Ханна. Что-то случилось? — поинтересовался, поглядывая так, будто ожидал от нее какую-нибудь женскую глупость.

— Нет, мистер Гриндл, все хорошо, просто я, — она запнулась, не зная как правильно начать разговор на столь деликатную тему.

— Соскучились по мне? Право, я не ожидал, — усмехнулся он самодовольно. Мистер Гриндл был человеком проницательным и уже подозревал, что чем она хочет поговорить, поэтому решил действовать на опережение. — Что же молчите? Не просто же так вы пришли ко мне с самого утра? — откинулся в кресле, показывая, что весь во внимании.

Ханне стало неловко, она покраснела. Теперь, стоя перед ним, она осознала свою наивность и сильно жалела, что решилась на этот разговор. Все с самого начала пошло не так, как она думала. Ханна не была пугливой и робкой, но не могла пересилить себя и произнести тех слов, которые так легко слетали с языка мистера Гриндла, и к чему принуждал ее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вы хотите покинуть нас? — начал он нападение. Его бровь изогнулась, и она почувствовала, как растет недовольство мистера Гриндла.

— Нет.

— Тогда что же? Говорите, я жду.

— Я много думала в последние дни, — начала Ханна издали.

— И что надумали?

От чего она ощутила себя глупой и растеряла последние остатки уверенности. Фразы, заготовленные заранее, казались теперь совершенно неуместными, а новые не приходили в голову.

«Будь, что будет!» — решила и, вздохнув, начала говорить, не таясь:

— Я много думала в последнее время. Вспоминая, как мы проводим наши вечерние встречи... — она набралась дерзости и посмотрела ему в глаза. Щеки горели, но Ханна продолжала: — И понимаю, что мы переходим допустимые грани, возможные между нанимателем и служанкой.

— И что? — холодно съязвил он.

— Я хотела сказать, что, не смотря на всю мою симпатию к вам, я не смогу быть... — она замолчала.

Мистер Гриндл цинично скривил губы в усмешке.

— Несмотря на всю мою симпатию к вам... Я боюсь, что вскоре вы захотите нечто большее, чем просто... — она снова замялась, но все же произнесла: — леденец.

Ханна старалась говорить мягко и деликатно, чтобы не злить и не провоцировать хозяина, но по его лицу было не понятно, что он чувствует и о чем думает.

— Я боюсь беременности и боюсь опозорить имя Поупов, — лишь изложив все, что было в мыслях, замолчала.

Мистер Гриндл тоже молчал, но его лицо стало серьезным.

— Не бывает безвыходных ситуаций, вы не думали об этом? — произнес он после некоторого молчания. Ханна вопросительно посмотрела. — Всегда можно выдать особу замуж, при наличии хорошего приданого.

— Но слухи все равно будут ходить, — парировала она.

— Можно отдать ребенка.

— Я не отдам своего ребенка никому!

— Правда? — он посмотрел на нее испытывающим взглядом.

— От кого бы ни был ребенок, он мой, я буду любить его и никому не отдам! — только от одного мерзкого предложения она почувствовала к мистеру Гриндлу ненависть.

— Тогда что вы хотите? Уйти?

— А вы дадите рекомендации?

— Не дождетесь! Я не для того столько возился с вами, чтобы вы так легко упорхнули от меня! — его циничность впервые проявилась так явно. — Если думаете, что в другом месте будет по-иному, сильно ошибаетесь! — медленно, но отчетливо произнес он. — Это удел всех хорошеньких служанок.

— Я готова выполнять ваши пожелания, которые касаются леденцов, — начала торг Ханна. Она тоже умела быть циничной.

— Вы торгуетесь? — усмехнулся Айзек. — Вы умная девочка.

— Приходится быстро учиться, — дерзила она. Желание выжить, сохранить доброе имя и остаться с работой — вот ее цель, и ради этого она готова на многое, пусть даже придется лгать и изворачиваться.

— Вот как? Я могу вас научить еще многому.

Ханна поняла, что стоит показать свой страх, и мистер Гриндл точно попробует добиться своего, и в этот раз не отступит.

— А вы торгуетесь! — повторил он, уже утверждая. — Вы такая соблазнительная!

— Я уйду от вас! — пригрозила она.

— Куда? К кому? К подобию мистера Марча? Он не будет с вами церемониться, а сразу возьмет быка за рога. К одинокой старушке? У нее внуки и жалование маленькое. На фабрику, где штрафами изведут, добиваясь согласия? А? Так чем я вам не угоден?

— Вы мне угодны всем, кроме возможных последствий.

— А если их не будет? Если ваша целомудренность останется при вас? — он заметил, как оживилась служанка. — Вы согласитесь?

— На что?

— На мои пожелания.

Она смотрела с недоверием, ожидая подвоха.

— Не сомневайтесь, я могу многому научить вас! — его усмешка оставалась циничной, а глаза похотливыми. Было ясно, на какие умения он намекал. Ханне стало на душе гадко.

«Главное выиграть время и скопить побольше, а там будь, что будет», — напомнила она себе и, собравшись с духом, решилась:

— А вы уверены, что сможете удержаться от соблазна?

Услышав вопрос, Айзек возликовал.

«Попалась!» — но изо всех сил постарался не выдать торжества. Не спеша встал из-за стола и, сложив руки за спиной, начал задумчиво расхаживать по комнате.

— По крайней мере, полгода смогу.

— А потом?

— А потом мы с вами снова поговорим.

— Вы уверены, что удержитесь? — в ее голосе отчетливо чувствовались нотки сомнения.

— Абсолютно! Я развеял ваши сомнения? — он смотрел, показывая полную уверенность в своих силах.

— Почти да.

— Тогда полагаю, разговор окончен?

Когда служанка ушла, Айзек удовлетворенно хмыкнул:

«Пусть это не то, что ожидал, и не так быстро, как хотел, однако следующий шаг сделан! За месяц, два... многое изменится. Зная слабые стороны человека, можно ими пользоваться. Рано или поздно, ей будет некуда деваться. А чем больше сопротивление, тем сладостней победа. Ради этого стоит подождать!» — от предвкушения неминуемой победы у мистера Гриндла поднялось настроение.

***

Выйдя из кабинета полностью измотанной, Ханна — Эмма направилась на кухню, чтобы выпить чая и перекусить.

— Доброе утро, Марждори! Как день начался?

— У меня все как всегда — хорошо, — улыбнулась та. — А ты чего изнеможенная с утра?

— Не обращай внимания, — махнула рукой Ханна, усаживаясь за стол.

— Есть хочешь?

— Еще бы! И поболтать хочу, пока возможность есть.

— Совсем тебя благоденствием измучила?

— Не то слово! — пожаловалась компаньонка хозяйки, не сводя глаз с тарелки с большим куском мясного пирога, которую перед ней поставила кухарка. — Марджори, ты

умеешь поднять настроение!

— А-то! — заговорщицки усмехнулась женщина. — Только скорее, сама знаешь.

— Ага! — только и смогла ответить с набитым ртом Ханна. Большая Мэри лучше выбросит еду, чем позволит обедаться служанкам.

— Кстати, тебя Лидия Марвел спрашивала! — спохватилась кухарка. — Дружба у вас что ли?

— Не смей меня, какая дружба?! — чуть не подавилась Ханна. — Так, просьба у нее есть.

— М? — по лицу Марджори были заметно, как она заинтересовалась новостью.

— Даже не спрашивай! — подняла руку Ханна, пресекая возможные дальнейшие вопросы.

— Ну, как знаешь, — надулась собеседница.

— Не сердись, чуть позже, когда-нибудь расскажу, а пока мне еще жить охота.

— Тогда чего связалась?

— Я же добрая.

— К себе или другим?

— Намек поняла!

— Вот и хорошо.

Больше вопросов Марджори не задавала, и Ханна погрузилась в свои мысли:

«Что ни говори, но Марджори права, в любом случае, если отношения Лидии и Алены откроются, крайняя, как ни странно, буду я, хотя я там совсем ни при чем. Нужно поговорить с Лидией и покончить с перепиской».

Перекусив, поспешила к хозяйке.

Миссис Марвел находилась в хорошем расположении духа, потому после полудня отпустила компаньонку посетить репетицию церковного хора.

Мисс Марвел была уже там.

«Еще бы не пришла! — усмехнулась Ханна — Знает же, что письмо должно придти».

Не успела она встать в хор, как Лидия настойчиво стала протискиваться к ней, а вскоре стояла рядом.

«Вот что письмо от любимого творит. Гордые леди начинают носиться за служанками. Ох, то ли еще будет?»

— Получила письмо? — нетерпеливо спросила Лидия, даже не поздоровавшись.

— Да, оно в сумочке, позже отдам.

— Ну вот! — она скорчила разочарованную гримасу. — Не могла его из сумочки прихватить?

— Могла! А могла еще идти и размахивать письмом, чтобы все заметили, что мисс Марвел пришло долгожданное письмо.

— Какая ты злая!

— Зато осторожная, — отрызнулась Ханна. — Но если моя кандидатура тебя не устраивает, найди другого курьера, который будет подносить письма прямо к кровати.

— Не злись, я не подумала.

— Когда обижаешь, тоже не думаешь?

— Ненавижу тебя, Ханна! — выпалила Лидия.

— Зато Алена Уилсона любите! — они посмотрели друг на дружку, не произнеся больше ни слова. Лидии пришлось дожидаться окончания репетиции, прежде чем получила

долгожданное письмо.

Стоило Ханне протянуть руку, мисс Марвел вырвала его и, не поблагодарив, с нетерпением поспешила в укромное место, но, спохватившись, что ей еще предстоит передать ответ, на ходу крикнула:

— Ответ я тебе передам!

«Вот и вся благодарность, — вздохнула Ханна. — Однако ради возможности дерзить Лидии, можно еще побыть курьером».

Весь следующий день Ханна носилась по дому без передышки. Миссис Гриндл собиралась нанести визиты, потому тщательно и привередливо выбирали наряд. Пришлось перевернуть все шкафы, перемерить платья не по одному разу, пока хозяйка сделала окончательный выбор.

Потом Ханна долго и осторожно разглаживала платье и воланы, а затем ей предстояло помочь выбрать прическу и сотворить ее. Стоило компаньонке завершить укладывать волосы Кэтрин, как та выразила неудовлетворение и потребовала сотворить что-то более праздничное с ниспадающими локонами.

Ханна срочно бросилась греть щипцы, резать бумагу, доставать множество шпилек и заколок. Волосы у Кэтрин были густыми и длинными, поэтому укладывать их было весьма не просто. Больше четырех часов ушло на исполнение всех хозяйских прихотей.

Осмотрев свое отражение в зеркале, миссис Гриндл осталась довольной. Челка была уложена мелкими кудрями, а спину украшали длинные локоны. Когда хозяйка была полностью готова, Ханна вздохнула с облегчением. Еще полчаса, и она сможет присесть и передохнуть.

Когда же, наконец, супруги уехали, Ханна вздохнула с облегчением и направилась на кухню к Марджори. Что ни говори, там можно не только поболтать, но и перекусить. Зачем же отказываться от стольких удовольствий сразу?

Однако как только вошла в кухню, она сразу заметила, что кухарка не в духе.

— Марджори, что с тобой? Неужели и к тебе придрались? — осторожно спросила.

— Угу, — фыркнула она, угрюмо помешивая содержимое кастрюли.

— Ладно, не буду приставать с расспросами. Захочешь, расскажешь.

— Какая ты добрая, ну, надо же! — огрызнулась кухарка. Ханна с удивлением уставилась на нее. — Чего смотришь? Добрая нашлась! Вот потом и расхлебывай твою доброту, которая боком выходит.

— О чем ты?

— О письмах! Эта глупая Лидия — избалованная девчонка! Угораздило ее пристать ко мне на улице с просьбой передать тебе письмо. Как на грех, в окно за мной следила Мэри. Стоило мне войти, она набросилась с расспросами, что это за письмо? Я пыталась увильнуть, но она крепко наседала, тогда я сказала ей, что Лидия спрашивала тебя, так что тебе и предстоит объясняться с ней. А я ведь тебя предупреждала! — вздохнув, упрекнула Марджори.

— Это не касается Мэри, и нечего ей лезть.

— Ты это хозяевам скажи.

— Придется так и сказать.

— Ну-ну, а я посмотрю на тебя, как ты скажешь хозяину, что это не его дело!

Вечер был испорчен. Радости от появившегося свободного времени не осталось и, пока на кухню не пришла экономка, Ханна ускользнула в свою комнату.

Следующим утром, направляясь в спальню к хозяйке, она столкнулась в коридоре с мистером Гриндлом. Поздоровавшись, поспешила как можно скорее скрыться в спальне миссис Гриндл, однако не успела:

— Наслышан о вашей тайной переписке! — сходу начал он, преграждая Ханне спасительный путь.

— Что? — она попыталась изобразить удивление.

— Что слышали! Письмо мне на стол!

— Но оно не мое!

— Тогда почему у вас?

— Я лишь получаю и отправляю письма. Их содержание мне не известно.

— Отныне, мы будем знать об их содержании, — улыбнулся Айзек.

— Но они не адресованы нам!

— Но вы не их служанка, а моя!

На его замечание ответить Ханне было нечего.

После обеда письмо Лидии лежало на рабочем столе Айзека. Он осторожно коснулся его и брезгливо поморщился:

— Уверен, это любовное письмо.

— Почему вы так уверены?

— Женщина опрыскивает письма туалетной водой, разве это не знак?

Уголки его губ изогнулись в легкой усмешке. Ханна внутренне съежилась: изображать перед ним дурочку было сложно и бесполезно. Что попадалось мистеру Гриндлу в руки, уже было почти не вырвать. Осознав всю тщетность попыток, она перестала играть.

— Если вы откроете письмо, это заметят.

— Смотри, как открывать конверт! — рассмеялся Айзек. — Ханна, вы такая наивная! Вы что, раньше никогда не читали чужой переписки?

Она отрицательно покачала головой.

— Тогда учитесь!

Он взял острый серебряный нож для открытия корреспонденции и очень осторожно, тщательно выверяя каждое движение руки, стал оттягивать заклеенный угол конверта. Когда он не поддавался, мистер Гриндл аккуратно подрезал склеенную бумагу. Вскоре письмо было открыто, он достал исписанный лист и принялся читать. В комнате витал сильный запах духов.

Стоило приступить к чтению, как почти сразу же его серьезное лицо стало расплываться в широкой, самодовольной улыбке, а потом он засмеялся.

— Боже мой, я уже давно так не смеялся! Я знал, что Марвелы — люди не далекие, но что до такой степени? — объяснил, вытирая глаза красным большим кулаком и протягивая письмо. — Хотите прочесть?

Ханна с сомнением взяла исписанный лист и, поколебавшись мгновение, приступила к чтению.

Милый Ален, я получила ваше письмо. Знали бы вы, с каким нетерпением и трепетом я ожидаю ваших писем, как радуюсь им. Безрадостные, однообразные серые дни прерываются вашими письмами, и я словно оживаю.

Признаюсь, что ожидание невыносимо, но все окупается, когда я читаю строки, написанные вашей рукой. Иногда мне кажется, что, читая, я вижу ваше лицо. Я оживаю,

радость наполняет мою жизнь и все мое существование. Все мои помысли только о вас! Разве может быть иное?

Иной раз, вы снитесь мне. Мне неловко писать об этом, но все же я пишу, чтобы развеять ваши сомнения. Молю, отбросьте любые сомнения, которые тревожат вас.

С нетерпением ожидаю, когда мы вновь увидимся. Грустно, что вы сейчас далеко, и я не могу видеть ваше лицо, держать вас за руку.

Сожалею, что моим родителям не удалось узнать вас и ваше доброе, светлое сердце. Думаю, стоит им лишь узнать вас, и уверена, они тоже полюбят вас. Я не хочу и не могу думать, что может быть иначе.

Недавно я подумала, что ведь мы могли бы и не встретиться, если бы не случайность! Ужасно думать об этом. Как много значит в жизни случай. Я буду молиться, чтобы с нами происходили только хорошие случайности, а плохие обходили стороной.

Милый Алэн, я очень, очень тоскую по вам. Смеею надеяться, что вы тоже.

Ваша Л.М.

Дочитав, Ханна подняла голову.

— И как вам письмо юной любительницы романов? — его красное от смеха лицо имело выражение кота, почуявшего запах сливок.

— Романтично, — коротко заметила она. Конечно, оно было излишне романтичным, однако других влюбленные юные девушки и не пишут, особенно, если они дурочки. То, что Лидия самодовольная дурочка, у нее даже сомнений не было, и все же Ханна не могла понять, отчего мистер Гриндл так веселился.

— Ханна, ради Бога, только не надо утверждать, что вы бы стали писать нечто подобное?

— Возможно, все зависит от испытываемых чувств? — осторожно парировала она.

— Чувств? Вы думаете, что в семействе Марвелов кто-то способен любить?

— Почему нет? Миссис Марвел любит мистера Марвела. Возможно, что и мисс Марвел сможет полюбить кого-то.

— Правда? — скептически усмехнулся он. — А мне казалось, что Маргарет любит только себя.

Ханна не стала спорить, понимая, что в чем-то хозяин прав.

— А вы видели этого Алэна?

— Только мельком.

— опишите его, — приказал Айзек.

Ханна попыталась сосредоточиться на незначительном событии, случившемся почти два года назад. Получалось плохо.

— Высокий, стройный, — начала она, — с приятной внешностью. Более подробно не смогу описать.

— Вы не оценили его обаяния? — съязвил мистер Гриндл.

— Он понравился Лидии, а не мне. Если вы попросите ее описать Алэна, думаю, она вам даст исчерпывающий ответ.

— Не сомневаюсь, — спокойно ответил он, словно не заметил иронии. — Какое у вас сложилось о нем впечатление?

— Неглупый, гордый, уверенный в себе, даже несколько самоуверен. Мне показалось, что он холоден в общении, однако вежлив и обходителен. Умеет располагать, заинтересовать

своей персоной.

— Потому вы его запомнили? Все-таки достаточно много время прошло с тех пор? — в словах мистера Гриндла слышалась издевка.

— Потому как Лидия долго донимала разговорами о том, какой Ален умный, интересный, красивый молодой человек, и так каждый день и не по разу. Надоела с ним так, что если бы не ушла от них, наверно, он и мне бы начал сниться.

— Вот дамский угодник! — наигранно возмущенно покачал головой Айзек и, радуясь своей шутке, удовлетворенно хмыкнул, но звук скорее походил на хрюк поросенка.

Ханна не смогла сдержать улыбку, а мистер Гриндл в ответ улыбнулся ей. Небольшие карие глаза, немного вздернутый нос...

«Как он похож на поросенка!» — осенило ее. От сравнения надменного мистера Гриндла с милым поросенком Ханне стало смешно. Губы растянулись в улыбке, которая становилась все шире и шире. Пытаясь скрыть растущее веселье, она прижала руку к подбородку, но даже боязнь разозлить хозяина не помогала успокоиться.

Ее распирал смех, и оставалось лишь мгновение до того, как она рассмеется во все горло. Ханна набрала в грудь воздуха и изо всех сил закрыла рот рукой, но задержанное дыхание сбилось и неожиданно для себя, она издала почти такой же звук. Все происходящее было так нелепо, комично и совершенно неподобающе, что она рассмеялась.

Мистер Гриндл замер. Ей казалось: он вот-вот закричит, потому что хозяин замер, а потом с гримасой ярости, потрясая пальцем, пошел на нее. Однако прежде чем успел дойти, его лицо исказилось, и он тоже захохотал, указывая на нее пальцем и периодически всхлипывая:

— Ты! Ты... — однако из-за смеха он больше ничего не мог произнести. Стоя напротив друг друга, они вместе хохотали так, что у них заболели животы, но они все не могли остановиться. Стоило им только посмотреть друг на друга, как приступ смеха вновь нарастал.

Возможно, они бы еще долго смеялись, однако на их громкий смех в кабинет влетела миссис Гриндл.

Глава 13

Стоило войти миссис Гриндл, и желание смеяться у Ханны тотчас угасло. Ей хватило лишь мгновения, чтобы заметить на постном лице хозяйки высокомерие и недовольство. Она выпрямила спину и, как подобает хорошей служанке, опустила глаза, чтобы показать всем своим видом полное раскаяние и послушание.

Если ей удалось быстро совладать с собой и заглушить смех, то мистер Гриндл даже не думал останавливаться.

— Что происходит?! — недоуменно вопрошала Кэтрин высоким, встревоженным голосом, выдававшим ее смятение.

Однако Айзек продолжал хохотать, совершенно не обращая на супругу внимания, будто ее в комнате не вовсе было. Она метнулась к мужу и схватила его за руку, надеясь, что ее прикосновение поможет ему остановиться и придти в себя.

— Милый, в чем дело? — в этот раз тревоги в ее голосе стало больше.

Наблюдая со стороны, Ханна видела, как недоумение, высокомерие, раздражение и злость сменяются на лице хозяйки. Ошарашенная поведением мужа, миссис Гриндл замерла

на месте, не зная, как себя вести, но вспомнив, что ее муж в кабинете находился не один, а со служанкой, к клубку ее противоречивых чувств, вдруг, добавилось неизвестное ей доселе чувство ревности.

Она — супруга этого человека стояла в своем доме и чувствовала себя чужой, лишней! Айзек всегда относился к ней трепетно и нежно, а сейчас от него веяло равнодушием и холодностью. Миссис Гриндл с ненавистью посмотрела на компаньонку.

— Змея! — она рванула к Ханне, намереваясь отвесить пощечину. Ей казалось, что оплеуха уgomонит и приведет в чувства ее мужа и служанку, которая, несомненно, была зачинщицей безобразия, но Айзек перехватил руку.

— Отпусти! — прошипела она, вкладывая в слова всю злость, переполнявшую ее, и попыталась вырвать руку, но супруг даже не ослабил хватки. От этого Кэтрин взбесилась еще больше.

— Как ты смеешь!?! — уже не сдерживаясь, кричала она сиплым, не своим голосом. — Она смеется, как уличная девка, и ты смеешься с ней?! Как одержимый?!

Внезапно, миссис Гриндл посетила ужасная догадка, которая была невероятной, зато полностью объясняла все происходящее: «Такой смех может вызвать только одержимость! Тогда единственное, что может помочь — это молитва!»

Она с опаской отшатнулась от мужа, словно он был прокаженным, но поскольку ее рука была зажата, смогла сделать только шаг назад. С торжественным видом прижала свободную руку к груди, опустила на колени, и, закрыв глаза, громко запела гимн.

Раздраженный происходящим, Айзек несколько грубо отпустил руку супруги, неспешно, чеканя шаг, подошел к креслу и удобно уселся в нем. Маска равнодушия хорошо скрывала его чувства, но все же Ханна чувствовала, что он расстроен и подавлен. Ей стало его жалко.

Понимая, что в любом случае хозяйка будет считать крайней ее, она решила попытаться исправить ситуацию. Не зная, правильно ли она поступает или нет, Ханна тихо опустила на колени и присоединилась к пению гимна. Однако, почувствовав чужой взгляд, резко открыла глаза и встретилась с мистером Гриндлом взглядами.

Он смотрел на нее пристально, пронизательно и так странно, что ее голос дрогнул. На что мистер Гриндл заговорщицки отрицательно покачал головой, показывая, что не стоит выказывать свою слабость, а потом подмигнул ей.

Ханна поймала себя на мысли, что должна злиться на него, потому что именно он являлся причиной произошедшего, однако, чувствуя его защиту и поддержку, не могла на него злиться. Чтобы хоть немного развеять его подавленность, она улыбнулась.

Позже, вспоминая этот момент, краткий миг взаимной поддержки, Айзек осознал, что с того случая их стало объединять нечто большее, чем просто запретные отношения. А пока они продолжали внимать торжественному пению Кэтрин, которая не жалела ни сил, ни голосовых связок в надежде вразумить супруга и заставить раскаяться в неудержимом веселье.

Время тянулось невыносимо медленно, но прервать миссис Гриндл никто не решался. У Ханны уже болели колени, а Айзек, сидящий в кресле, погрузился в себя. Он хмурился, и две вертикальные морщинки появились на его переносице.

«Не выглядит он счастливым», — отметила про себя Ханна.

Она привыкла, что хозяин всегда был выдержан, холоден и несколько самоуверен, а теперь видела перед собой подавленного, несчастного человека, которому тяжело было находиться рядом с супругой.

С каждой минутой Айзек становился мрачнее. Он осознал, что в душе уже давно дряхлый старик, ненавидящий весь мир, потому что Кэтрин душит его чопорностью, мнением общества, приличиями и лицемерным благонаравием. Его размеренная жизнь, наполненная нелепыми правилами и требованиями, однообразная, никчемная, серая сделала его достойным горожанином, джентльменом, но абсолютно несчастным человеком.

Смеясь со служанкой над глупостью, не отличавшейся ни особенным изыском или остроумием, он чувствовал себя счастливым, свободным. Вся напускная серьезность, лицемерная чопорность, тяжесть последних лет словно слетели с его плеч. Искренний смех наполнял его тело жизнью, светом и радостью, как в детстве, когда приличия, чужие желания и навязанные правила казались глупыми и необязательными.

«Чего тебе стоит скинуть маску благонаравия? В душе, Кэтрин, ты уже давно старуха и даже не понимаешь этого. Хочешь сделать меня таким же? Не выйдет! — в сердцах злился Айзек. Неожиданно он почувствовал сильную усталость, и его злость резко сменилась обидой.

— Почему со служанкой мне общаться легче, чем с тобой? Разве ты ничего не чувствуешь?»

Уже без сомнения, он отчетливо осознал, насколько они с Кэтрин разные, и что отныне душевная близость и доверие между ними не возможно. Даже если они разделят супружеское ложе, это уже ничего не изменит. Осознание ситуации и смирение подействовали на него успокаивающе. Айзек взял себя в руки.

«Разочарование — не повод доводить дело до скандала. Живи как удобно, я же буду жить как мне угодно!» — решил он и, подойдя к супруге, стоящей на коленях посреди комнаты, протянул ей руку.

— Милая, не стоит так нервничать. Мы утомонились, благодаря твоим молитвам, — спокойно, даже несколько благожелательно произнес, продолжая настойчиво предлагать руку до тех пор, пока миссис Гриндл не соизволила принять его помощь.

Она намеревалась простоять на коленях в молитве еще достаточно долго, надеясь, что таким образом повлияет на мужа и заставит его почувствовать угрызения совести, однако настойчиво протянутая рука вкупе с улыбкой супруга уверили ее в его полном раскаянии.

Поднявшись, Кэтрин приготовилась обрушить на него нравоучительную тираду, однако не успела открыть рот, как супруг заметил:

— Право, милая, чем устраивать истерики и стоять на коленях, вам следовало присоединиться к нам. Уверяю, у вас сейчас было бы чудесное настроение и длилось бы оно весь день.

— Ч то?! — опешила она. — Как подобное можно предлагать мне — твоей жене, словно я нищая, невоспитанная девка!?

Ее лицо посерело от гнева. Поднимаясь с колен и заметив у супруга улыбку, она склонна была ожидать обычного его поведения, однако вместо этого услышала из его уст иронию.

Ханна, заметив, как резко меняется настроение у хозяев, стояла тихо, как мышка, и наблюдала, чем закончится их противостояние.

— Леди, воспитанные леди из хороших семей не смеются как вульгарные женщины! — кричала миссис Гриндл. — Я не такая, как она! — ее палец указал на служанку.

«О, Боже! Сейчас начнется!» — испугалась Ханна, но мистер Гриндл не позволил случиться скандалу.

— Правда? А я думал, что вульгарность выражается несколько иначе, чем смехом от души над добрыми шутками. Кроме того, откуда вы успели узнать, как ведут себя вульгарные женщины? — его правая бровь изогнулась, выражая сомнение и показное удивление.

— Ты! — закричала супруга. — Ты смеешься со служанкой, как с равной! Ты...

— Что я? — на его губах играла циничная усмешка. Это уже был совсем другой Айзек, которого Кэтрин до сих пор не знала, зато часто наблюдала компаньонка. — Мне совсем не смеяться?

— Подобный смех бывает только у одержимых! — не унималась Кэтрин. — Ты раньше таким не был! Это все она! Она! — миссис Гриндл повернула гневное лицо к Ханне. — Я не хочу ее видеть больше в этом доме! Пусть убирается немедленно!

— А меня она вполне устраивает, — злорадно заметил супруг.

— Ты защищаешь ее!? — ужаснулась хозяйка. Ей казалось, что произошла какая-то ошибка, и что, вообще, вся эта ужасная, безобразная сцена ей только снится.

— Я не хочу, чтоб ты была похожа на Маргарет, — спокойно пояснил Айзек, глядя на нее теперь уже абсолютно искренними глазами. Его злорадство испарилось, и теперь он стоял перед ней совершенно спокойный и собранный.

— Если она себя вела в их доме подобным образом, я понимаю Маргарет, — бросила Кэтрин.

— Подобным? Это как? — мистер Гриндл отлично владел собой. Он был спокоен, уравновешен, но Ханне казалось, что он с тайным удовлетворением насмехается над супругой.

Сама Ханна стояла тихо, стараясь всем своим видом показать полное раскаяние и готовность неустанно молиться, чтобы вновь заслужить доверие хозяйки.

— Она... — сквозь слезы пыталась сказать миссис Гриндл. — Она кокетничает с тобой!

— Правда? А я и не знал, что теперь леди в порыве кокетства хрюкают, как поросята? Это новое веяние моды?

— Хрюкает?! — хозяйка была ошеломлена. — Зачем?

— А мне откуда знать? — ответил Айзек. — Мы разговаривали о Марвелах, Эмма хрюкнула, а рассмеялся. И тут появляешься ты и утверждаешь, что я одержимый, а она кокетничает!

«Все-таки мистер Гриндл отменный поганец!» — восхитилась про себя Ханна.

Тем временем, миссис Гриндл находилась в полном замешательстве:

— Почему она хрюкала? — она с сомнением поглядывая то на супруга, то на служанку.

— А потому что она принесла мне отличную новость, которая позволит подложить Марвелам свинью! Ради такого не грех и хрюкнуть.

— И что за новость? — недоверие хозяйки резко сменилось любопытством.

— За ваше безобразное поведение, не достойное милых леди из добропорядочных семейств... — он сделал паузу и пронзительно посмотрел на супруга, — я не скажу тебе. Ты должна хорошо подумать над своими поступками.

— Я требую! — возмутилась Кэтрин.

— Нет! — отрезал супруг. — Своим неразумным поведением вы показали, что ведете себя, как обычная недалекая леди! Как я смогу доверить вам столько важный для меня секрет, если вы можете его разболтать подругам?

— Но, Айзек!

— Нет! — решительно повторил он. — Когда придет время, ты узнаешь новость, и

потом сможешь вдоволь посплетничать с подружками, да хоть со всем городом, но пока еще время не пришло.

— Эмма? — уверенно позвала миссис Гриндл и повернулась к служанке.

— Да, миссис Гриндл.

— Я запрещаю вам Эмма говорить об этом кому-либо, пока я не позволю вам! Женщинам только дай повод для сплетен, и весь город будет завтра знать! Я не позволю испортить мой план.

— Эмма? — не унималась хозяйка, продолжая давить на служанку. — Иначе я тебя уволю.

— В этом доме хозяин я! — рявкнул Айзек. — И я решаю, кого уволить!

— Айзек, милый — это же не справедливо, я тоже хочу знать!

— Когда будешь вести себя как истинная леди, тогда и узнаешь. Разговор окончен.

— Но милый...

— Эмма, вы свободны.

— Да, мистер Гриндл, — кротко пролепетала Ханна и быстро упорхнула из комнаты, пока хозяйка вновь не переключилась на нее.

О чем будут говорить супруги, она могла только предположить, но подслушивать даже и не собиралась. В доме, где есть хоть один слуга, всегда найдется желающий проникнуть в чужую тайну. Она была уверена, что вскоре на кухне ей поведают все свежие сплетни. Вылетев из кабинета и притворив дверь, Ханна уловила шаркающий звук удаляющихся шагов.

«Вот старая ведьма!» — выругалась под нос и направилась на кухню. В том, что ее не уволят, она была почти уверена.

— Что там произошло? — любопытные кухарка и Марта накинулись на Ханну, когда она вошла в кухню. — Мы не могли понять и гадали: у вас там веселье или ругань?

— Как сказать... — начала объяснение Ханна.

— А вот так и скажи! — они обе вытянули головы, чтобы не пропустить мимо ни одного слова из ее рассказа, все-таки не каждый день в хозяйском доме происходят подобные загадочные сцены, как-никак, все же для слуг развлечение.

— Да я бы сказала, только мистер Гриндл запретил мне распускать язык, иначе грозился уволить.

— Да что ты? — в их голосах почувствовалась такая грусть и разочарование, словно она от них скрывала величайшую тайну бытия.

— Ага, — удовлетворенно подтвердила Ханна и смачно откусила от наполовину съеденного яблока, которое любопытная Марта забыла на столе. И пережевывая фрукт, продолжила: — А хозяйка, набоот, требует, чтобы я рассказала ей. И как тут быть?

— Все же хозяин-то главнее.

— От и я так думаю, — подытожила Ханна

— Что ты тут думаешь? — прервал разговор раздраженный голос экономки, которая надменно встала у порога, преграждая дорогу к спасению.

— А я думаю, что приказы хозяина следует выполнять подобающим образом и держать рот на замке, — равнодушно ответила Ханна. Грубить экономке она не собиралась, все же худой мир по любому лучше доброй ссоры.

— Тогда чего ты тут расселась и сплетничаешь? — похоже, что Большая Мэри нарывалась на ссору.

— Не под дверью же мне стоять! — не подумав, огрызнулась Ханна, а осознав сказанное, пожалела.

— Да как ты смеешь!

— Просто предупреждаю, что нам всем лучше молчать, если не хотим потерять работу, — примирительно ответила она, однако экономка уже была на взводе. Посчитав, что скандалить глупо, Ханна, прихватив еще пару яблок, вальяжно обошла экономку и направилась к выходу из кухни.

— Положи яблоки! — потребовала Мэри.

— С ними как-то легче молчать, — бросила на ходу Ханна и чинно удалилась.

— Вот дрянь нахальная! А вы чего расселись, бездельницы ленивые, быстро за работу!

Марта тут же убежала, а Марджори принялась расставлять перемытую посуду, громоздившуюся на столе.

— Так что там, с письмом? — экономка стояла за спиной кухарки и не сводила с ее спины глаз. Марджори могла бы поклясться, что от злого старческого сиплого голоса Мэри у нее волосы поднялись на затылке дыбом.

— Хозяин запретил говорить об этом.

— Тебе что ли сказал лично?

— Может и не лично, но рисковать работой не буду.

— И кому ты это говоришь? Мне? Так и останешься без работы! Уж поверь! — противно хихикнула экономка.

— Да, пожалуйста, — равнодушно повела плечом Марджори. — Работу я еще найду, если по твоей милости уволят, а вот если хозяин останется недоволен, будет хуже. Так что даже не думай, не скажу.

— Тварь! — прошипела экономка, покидая кухню.

— Кто бы говорил! — огрызнулась кухарка.

***

Когда Ханна подавала ужин, примирившиеся супруги мило беседовали, и только хозяйка изредка бросала косые взгляды на компаньонку, которые та старательно игнорировала.

Понимая, что между женщинами взаимопонимание еще не налажено, Айзек предложил:

— Думаю, что после ужина, вам с Эммой стоит вместе помолиться. Как-никак, вы меня сегодня от одержимости спасли, — пошутил он.

— Грех так говорить, — обиделась Кэтрин, почувствовав в голосе мужа насмешку.

— А вам, Эмма, напоминаю, что следует молчать до тех пор, пока я не позволю рассказать, — заметив недовольство супруги, Айзек снисходительно добавил: — Возможно, Кэтрин, я расскажу, но зависеть это будет от вашего поведения. Скрывать там особенно нечего, но все же во время сказанная новость имеет решающее значение.

— Да, мистер Гриндл.

— А тебе, любимая, все ясно? — Кэтрин кивнула головой, продолжая насаживать овощи на вилку. — Вот и славно!

Айзек взял руку супруги и поцеловал запястье.

«Лицемер и обманщик!» — от его неискренности Ханне стало противно, и от жалости не осталось и следа.

Зато оставшийся день прошел без происшествий. Вечером, готовя миссис Гриндл ко сну, она, была не многословной. Как и хозяйка.

«Пусть лучше так, чем бесконечные расспросы!»

Пожелав спокойной ночи, Ханна удалилась. Проходя мимо двери кабинета, остановилась, но постучать не решилась.

«О письме спрошу завтра», — решила и направилась в свою комнату.

Экономка, кухарка и Марта давно разошлись по домам. Дом утопал во мраке и ночной тишине. Лишь одинокий сверчок пел свою незатейливую грустную колыбельную, которая успокоила Ханну и усыпила.

Глава 14

После произошедшего инцидента прошло больше недели, и казалось, в доме все вернулось на круги своя. Однако все же в воздухе ощутимо чувствовалось нечто, предвещающее изменения. Даже прислуга, которая обычно жила своей жизнью и не принимала хозяйские неприятности близко к сердцу, отныне старалась вести себя осторожнее, надеясь, что тогда намечавшаяся буря минует их стороной.

Теперь пасмурные осенние дни для Ханны тянулись долго и нудно и давили на нее серой неподъемной тяжестью. Она недоумевала, как, казалось глупое и незначительное событие, которое должно было пройти незамеченным, могло так повлиять на отношениях супругов. Это оставалось для нее загадкой.

По ночам ей стали сниться кошмары, в которых она представала среди толпы почти раздетой, в грязном тряпье, и окружавшие ее люди указывали на нее пальцем, насмехались и выкрикивали оскорбления. Спрятаться или убежать не удавалось, ее тяжелые, приросшие к земле ноги, не могли сделать и шага.

Просыпалась Ханна уставшей и подавленной, с ощущением, что каждый в городе скоро узнает о ее грехопадении. Все больше ее охватывало недовольство собой, хозяином, хозяйкой, запутанными донельзя отношениями между ними. Она как никогда ощущала себя одинокой. Миссис Брэдлоу была славной, доброй, но не бедной женщиной-служанкой, потому упала воспитанница перед ней на колени и расскажи, что с ней происходит, вряд ли была понята благопристойной дамой.

Единственной ее отдушиной оставалось пение в церковном хоре. Это было и разнообразием, и местом, где она могла видеть знакомых, отвлекавших ее от мрачного настроения. Это было для нее глотом свежего воздуха. Одна только встреча с Джоном могла поднять ей настроение.

Он, чувствовавший, что Ханна расстроена, не приставал с расспросами, а просто старался встать рядом и улыбался, когда замечал, что она смотрит на него. От того, что Джон от нее ничего не требовал и не расспрашивал, она была признательна и старалась отвечать ему теплой дружеской улыбкой. Хотя, в глубине души надеялась, что он относится к ней более, чем по-дружески. В какой-то момент ей казалось, что он может стать для нее выходом из сложившейся ситуации. Если вдруг она сможет найти поддержку в ком-то, пусть в Джоне, простом спокойном парне, она решится уйти от Гриндлов и не испугается предстоящих трудностей. И в то же время, связывать себя узами брака с человеком, которого не любила, только для того, чтобы сбежать от другого и не бояться трудностей, разве это не детский поступок?

Джон Дэвис был скромным парнем, и в сравнении с ним Ханна чувствовала себя развратной, падшей женщиной, но его теплота и симпатия помогали ей почувствовать себя

более уверенной и привлекательной. Пожалуй, впервые она почувствовала, что на нее смотрят с интересом, ей улыбаются, на нее засматриваются. Теперь из гадкого утенка, забитой служанки, опасющейся привередливой хозяйки, она превратилась в очень милую, привлекательную молодую особу, умеющую сделать красивую прическу, подчеркнуть свои достоинства и отныне не трепетавшей перед строгой нанимательницей.

Осознав свою привлекательность, расправив плечи, изменилась и сама Ханна. Она воспитывалась в достойной семье Поупов и ни на миг не забывала, что гордыня — грех, но как же ей было приятно, что на нее обратил внимание такой мужчина, как мистер Гриндл.

Пусть властный, иногда совершенно не выносимый, совершающий только то, что желает он, но это тешило самолюбие. И именно запретность, то чувство непозволительности и само нарушение той грани, которая не позволительна для прислуги, делало проявление симпатий со стороны хозяина таким притягательным.

В последнее время Ханна много размышляла об отношениях между супругами. Теперь она уже догадывалась, что мистер Гриндл женился для решения некоторых проблем, но все же было что-то, что не давало ей покоя.

«Если хозяйка добродетельна, пусть даже иногда чрезмерно, но она — благородная леди, и как он может позволять в доме, где живет его супруга, такие низостные вольности?»

Ханна уже давно понимала, что не всякий мужчина в браке хранит верность, знала о существовании борделей и продажных женщин, которых посещают не только молодые люди, но и женатые и почтенные главы семейств. Но она не понимала, как мистер Гриндл может не бояться вести себя столь неуважительно в своем доме?

Ей было неловко перед хозяйкой — набожной женщиной, но ее желания и согласия мистер Гриндл не спрашивал, и, если бы не она, была бы какая-то другая женщина. В этом Ханна не сомневалась.

«Возможно, — размышляла она, — мистер Гриндл раньше тоже посещал увеселительные заведения, иначе где бы он мог узнать о тех непристойностях, которые совершал со мной?»

Еще Ханна изводила себя расспросами: мистер Гриндл видит в ней падшую женщину, которая будет выполнять его грязные, развратные прихоти или все же испытывает к ней некоторые теплые чувства?

Теперь она много размышляла над этим вопросом, а если женщина слишком часто и много думает о мужчине, даже не успевает понять, как начинает думать все время только о нем. Так и Ханна не успела заметить, как начала ревновать мистера Гриндла к его супруге.

В уме она понимала, что не имеет на это никакого права, что миссис Гриндл — его законная супруга, но разве сердце женщины когда-нибудь останавливали подобные преграды?

Каким бы он отрицательным ни был, его забота о ней, о ее репутации рассматривались Ханной, как выражение симпатии. С каждым днем ее благодарность крепла. А после того, как она доставала из укромного места свое богатство, подаренное мистером Гриндлом, ее сомнения рассеивались, и она все больше убеждалась, что он испытывает к ней, если не симпатию, то, по крайней мере, благодарность.

В другое же утро, после бессонной ночи, проведенной за размышлениями, Ханна могла проснуться раздраженной и злой, потому что, как ни посмотри, он приручал ее, понимая, что она никогда не сможет рассчитывать на него. Что если его отношения и пристрастия

раскроются, пострадает ее репутация, и общество обвинит только ее — неблагодарную, пошлую, зазнавшуюся служанку, которая скатилась до такого разврата. В такие дни Ханна ненавидела Айзека всей душой и старалась на него даже не смотреть. Однако, его покровительство, его забота чувствовалась даже в мелочах.

Надевая платье, она вспоминала, что это он настоял, чтобы ей отдали устаревшие платья миссис Гриндл. Вдыхая сладкий цветочный аромат духов, знала, что это он подарил. Обувая красивые, удобные ботинки, она ловила себя на том, что это он платит ей больше, чем другим, и она смогла позволить себе хорошую обувь. Ханне было стыдно признаться, но, надевая ночную сорочку, расшитую нежной вышивкой и кружевом, помнила, что и это его подарок.

Как ни поверни, к чему ни прикоснись — это было его заботой о ней. После осознания подобного, ей становилось тошно. Как он мог с ней так поступать, зная, что они никогда не могут быть вместе?!

В том, что он ее приручал, как ручную собачку, Ханна больше не сомневалась. Он всего лишь дал ей отсрочку, чтобы она почувствовала и оценила его заботу, которой в ее жизни было так мало.

Мистер Гриндл был хитер. Глядя, как он водит за нос супругу, Ханна вполне допускала, что он так же обманывает и ее. Со служанкой можно быть самим собой, можно быть грубым, можно быть не благородным, на нее можно давить, ей можно угрожать и использовать. Она для него удобная прихоть, которой он натешится и оставит, потеряв всякий интерес.

Ханна прослужила у них почти девять месяцев, но до сих пор так и не решилась. Не решилась уйти, гордо хлопнув дверью на прощание, показав, что служанки имеют гордость и порядочность, и не решилась стать любовницей, но она чувствовала, что скоро ей предстоит сделать выбор.

***

Айзек в эти дни был крайне осторожен, понимая, что Кэтрин все еще продолжает косо смотреть на свою компаньону. Он старался быть спокойным, внимательным, но в меру, чтобы у супруги не сложилось впечатление, что он заглаживает вину. В эти дни он старательно игнорировал Ханну, всем видом показывая, что она много о себе возомнила.

Он ожидал, что почувствовав его охлаждение, Ханна забеспокоится и кинется угождать ему, искать подтверждения прежней симпатии, однако вместо ожидаемого результата замел, как Ханна стала к нему относиться более холодно и равнодушно.

Этого Айзек не ожидал. Ему казалось, что дорогие подарки должны были развеять ее сомнения, однако к его удивлению Ханна оказалась не падкой на красивые подношения, точнее подарки она принимала с радостью, но в руки не давалась. В сердцах он ругался и злился, однако в глубине души был восхищен достойной соперницей. По его расчетам, Ханна уже должна была быть от него без ума и чуть ли не бросаться объятия.

Размышляя над следующим шагом, он пришел к выводу, что пряник пора сменить на кнут, иначе Ханна совсем избалуется. В конце концов, на то она и служанка, чтобы угождать ему, а не он ей. И пусть только окажется строптивой, об этом еще пожалеет!

Применить грубость Айзеку не решился, хотя соблазн был велик, поскольку это означало бы его полное поражение, как искусителя. Но его холодность и равнодушие должны привести ее в чувство, по крайней мере, так должно было быть по его расчетам.

Для Ханны все началось неожиданно и резко. Когда пришло время получать жалование,

к своему удивлению она получила только положенных двенадцать долларов и ни цента больше. Экономка с ядом в голосе объяснила, что мистер Гриндл не доволен ею.

— Допрыгалась, нахалка? Уж не знаю, чем ты рассердила хозяина, но отныне ты обычная служанка! — она расхохоталась противным смехом. Глаза Мэри сияли, а Ханна была настолько поражена, что не могла даже рта открыть. Она допускала такой поворот событий, но все произошло слишком неожиданно и без предупреждения. — Миссис Гриндл с супругом уезжают, так что отныне в твои обязанности входит следить за порядком на втором этаже и помогать Марджори на кухне, если понадобится.

Объявляя ее новые обязанности экономка, не сводила маленьких пронзительных глазок, надеясь увидеть слезы разжалованной компаньонки. Однако вопреки ее ожиданиям Ханна даже не расплакалась и не выразила большого сожаления, лишь удивление отразилось на ее лице, которое быстро сменилось согласием и чем-то еще, чего Мэри не смогла разобрать. Расстроившись, что не удалось довести разжалованную компаньонку до слез, она буркнула:

— За дело и не лентяйничай! А-то пожалеешь. Можешь начинать собирать вещи!

— Какие вещи? — удивилась Ханна.

Большой Мэри так и хотелось мстительно бросить: «Твои!», однако это было не в ее силах. Окинув придирчивым взглядом Ханну с ног до головы, процедила сквозь зубы:

— Хозяйские! Хорошо же ты служишь, если хозяева тебе даже не сказали, что они уезжают! — заметив, как ошарашенная противница растерянно хлопает глазами, она победно добавила: — И уезжают надолго! А уж я научу знать свое место и верно служить! — мстительная улыбка застыла на ее обрюзгшем лице.

Выйдя в коридор, Ханна прислонилась к стене, обессиленная неожиданным поворотом. Ее желание исполнилось, но не зря же говорят: стоит бояться своих желаний.

«А может все к лучшему?» — подумала она, но, услышав неподалеку шаги, выпрямилась. Это оказалась миссис Гриндл.

— Эмма, ты уже слышала, что мы Айзеком уезжаем?

— Да, миссис Гриндл. Когда вы отъезжаете?

— Уже на этой неделе, потому скорее приступай к сбору вещей. Не забудь положить зеленое муслиновое и синее с кружевами.

— Хорошо. Надолго вы уезжаете?

— На месяц, а может и больше. У Айзека дела, но думаю, раньше Рождества не вернемся, — неохотно ответила хозяйка и унеслась прочь.

«Ой-ей-ей... жду не дождусь, когда уедете... — съязвила Ханна. От осознания, что отныне дорогие подарки она получать не будет, стало грустно. — Пусть подавится!» — топнула ногой и, тяжело вздохнув, отправилась собирать хозяйские вещи.

Почти неделя сборов и подготовки к отъезду пролетела быстро. Бега по большому дому и собирая все вещи, о которых неожиданно вспоминала миссис Гриндл, Ханна сбила себе все ноги. Утешало лишь то, что скоро состоится отъезд, и нескончаемая кутерьма завершится.

В предвкушении встречи с семьей, Кэтрин стала просто невыносима и чрезмерно придирчива. Вечерние чтения миссис Гриндл были уже не столь интересны, как подготовка подарков и выбор платьев. Хоть хозяйка и не была красавицей, но красивые наряды обожала не меньше, чем Маргарет и Лидия Марвелы.

В последний день началась ужасная суета и неразбериха. Миссис Гриндл суетилась и отдавала столь противоречивые указания, что они с Мартой перестали их выполнять, лишь

изображая старание. Все утро перед отъездом хозяев на вокзал только и считали часы и минуты, оставшиеся перед их отъездом. Один лишь мистер Гриндл сохранял присутствие духа и никуда не спешил. Казалось, что ему нравится вся эта кутерьма. Он совершенно не обращал внимания на суету, и Ханна могла поклясться, что, глядя на нее запыхавшуюся и растрепанную из-за беготни, он был крайне удовлетворен.

«Вот сволочь! Это он в наказание за строптивость», — угадала она, но решила не подавать вида, что ее это как-то задевает. Вместо этого Ханна так же старательно делала вид, что не обращает на него совершенно никакого внимания.

Не попрощавшись, Айзек повернулся спиной и вышел из дома.

И все-таки Ханна была задета. Когда за ним захлопнулась дверь, она готова была расплакаться. Нет, она радовалась, что он перестал на нее обращать внимание, но все же мог бы просто попрощаться, как со всеми, а не делать вид, что ее тут нет.

Зато экономка, приободренная холодность хозяина к служанке, была в предвкушении. Ее оставили в Блумсберге присматривать за домом, оказав тем самым значительное доверие.

Не успела дверь закрыться, как Мэри, уткнув руки в бока, стала раздавать указания, выстроившимся перед ней служанкам:

— Марджори, — начала она, — если хозяева уехали, это не значит, что готовить не надо. Но запомни, мой желудок болит от кислого и сладкого, потому постарайся приготовить что-нибудь подходящее для меня. В помощнице нужды у тебя пока нет, и ее отпустили. Помогать тебе будет белоручка и зазнайка Эмма или как ее там? Не важно.

Потом она обратилась к Ханне.

— А ты и Марта отдрайте весь дом так, чтобы он сиял. Просушите матрасы, перестираете занавески и покрывала, проведете ревизию в кладовой, а там я и еще что-нибудь придумаю.

Не дожидаясь ее недовольства, прислуга разошлись. Ханна направилась в комнату хозяйки, наводить порядок и разбирать в спешке разбросанные вещи.

Едва она приступила к разбору вещей, как в комнату без стука ворвалась Большая Мэри.

— Бездельничаешь? Решила отсидеться? Надеешься, что все будет как раньше? Зазналась, дрянь ленивая? Думала, что и дальше будешь белоручкой? Ха-ха! Ну, нет уж. А я присмотрю, что бы ты не ленилась, будь уверена!

Ханна не стала спорить. Молча вышла из комнаты, не дожидаясь окончания угроз, выразив, таким образом, пренебрежение.

— Ты куда дрянь? Я еще не закончила! — завизжала экономка.

— Драить дом до блеска, — бросила на ходу. Мэри попыталась догнать ее, но большой вес и больные колени не позволили ей этого сделать.

«Придется выдраить дочиста весь дом, зато потом пусть только пристанет!» — злилась Ханна. Проверив и вымыв все ночные горшки в доме, она направилась на кухню.

— Марджори, тебе помочь? — спросила, радуясь, что есть с кем поболтать.

Кухарка обернулась, проверить: есть ли кто в кухне, кроме них, а потом тихо ответила:

— Да я могу и сама справиться, но, глядя на тебя, мне кажется, что это тебе нужна помощь. Присядь, помоги почистить овощи. Вдвоем будет веселее, — она заговорщицки подмигнула.

Только сев на стул, Ханна поняла, как у нее гудят ноги.

— Ну, что ж, придется снова привыкать, — заметила она, улыбнувшись Марджори, и вытянула ноги под столом.

— Ты мне лучше скажи, чего случилось? — не удержавшись от любопытства, шепотом спросила кухарка.

— Вот бы мне знать! — Ханна взяла нож и грязную крупную картофелину в руки. — Прибежала эта карга и радостно сообщила, что теперь я просто служанка. Видела бы ты ее тогда. Она светилась от счастья.

— Могу представить, — усмехнулась кухарка, недолголюбивавшая Мэри. Та всегда тщательно проверяла содержимое сумки, когда Марджори уходила домой. — Что теперь делать будешь?

— Пока работать, а потом видно будет.

— Расстроилась?

— Как сказать. Не уволили — уже хорошо, а с другой стороны, зная его вспыльчивый и придирчивый характер, следовало ожидать подобного.

— Ну, да. Но мне кажется, что ты его чем-то задела.

— Да кто его знает? — коротко ответила Ханна, не желая продолжать разговор на эту тему. — Чего готовить будешь?

— Мясной пирог.

— Было бы не плохо, если бы и нам что-нибудь досталось, но я сильно в этом сомневаюсь.

Если только крошки с ее тарелки.

— Сдается мне, что пока хозяева вернутся, мы все здесь похудеем, — грустно заметила кухарка.

— Угу, — грустно согласилась Ханна. Она была сейчас так голодна, что обрадовалась бы черствой корочке позавчерашнего пирога.

— Не переживай, я оставлю тебе кусок вчерашнего в шкафу, — шепотом утешила Марджори, — только заberi его уже поздно вечером, чтобы не попасться.

— У-у! Спасибо! Марджори, я говорила, что люблю тебя?!

— Нет, но я догадывалась, а через месяц я буду для тебя почти богиней!

Они хихикали, как дети и не заметили, что дверь открылась.

— Смеетесь, вам работы мало?

— Нет, Мэри, что ты, скоро будет пирог. Смотри, тесто уже подошло, только начинка еще не готова. Тебе положить больше масла? — попыталась схитрить Марджори.

— Клади чего хочешь, лишь бы вкусно было! — пробурчала экономка. В этом доме все любили поесть, и она не была исключением. А особенно вкусным будет пирог, если его пекут по-твоему желанию и для тебя, а не для хозяев. Пусть ненадолго, но некоторое время в этом доме теперь она — Мэри полноправная хозяйка, и уж она постарается использовать свалившуюся на нее привилегию себе во благо.

Через две недели дом сиял чистотой, не осталось ни одной комнаты, где бы ни прибрались Ханна и Марта.

— Еще немного, — шутила прислуга, — и Мэри будет, как в сказке про Золушку, смешивать чечевицу и горох, только бы мы не сидели без работы.

К вечеру они были совершенно без сил, но не могли ни шутить. Еще Ханну спасало, что ей не запретили петь в хоре, потому она хотя бы изредка могла вырваться из дома. Когда шла в церковь, становилось плохо экономке, потому как видеть Ханну в нарядном платье из дорогой ткани, перепавшей от хозяйки, с изящной прической Мэри спокойно не могла. У них так и продолжалось: сначала экономка изводила Ханну работой и придирками, а потом

Ханна изводила ее платьями и праздничным видом. Причем, чем больше придиралась Мэри, тем лучше старалась выглядеть Ханна. За их негласным противоборством с любопытством наблюдали Марта и Марджори.

Глава 15

Чета Гриндлов вернулась в Блумберг лишь через два месяца, в начале февраля. Их приезд стал неожиданностью почти для всех в доме.

Марджори так обрадовалась их возвращению, что прослезилась. Марта тоже вздохнула с облегчением. Даже ее, непритязательную и немного молчаливую женщину, Большая Мэри достала до чертиков. Каждый раз, когда заходила речь об экономке, Марта злилась и чертыхалась, хотя обычно была спокойной и уравновешенной.

Зато сама экономка погрузилась в печаль и была крайне расстроена, что время ее полновластия подошло к концу. Она только освоилась, почувствовала себя хозяйкой большого дома, как сладкая жизнь резко закончилась. От охватившего ее расстройствa, она будто бы стала меньше ростом и из грозной домоуправительницы с зычным голосом почти тотчас превратилась в немолодую, напуганную, толстую женщину с больными ногами и слабым сердцем.

Ханна же своих чувств и эмоций не выказывала и старалась держаться сдержанно.

«В конце концов, — решила она, — если после жалоб Мэри получу расчет, буду держаться с достоинством и не доставлю им радости увидеть мои слезы!»

Судя по мстительному взгляду экономки и по поджатым губам, той не терпелось пожаловаться хозяевам на ее нерадивое поведение.

— Эмма! Разнеси вещи по комнатам и наполни ванну! — прокаркала Мэри, не отходя от миссис Гриндл ни на шаг.

Сверкнув глазами, Ханна направилась в холл за вещами. Дорожные сумки, чемоданы, саквояжи... — вещей было много. Взяв большой чемодан за ручку, она потащила его наверх.

Решив, что он, скорее всего, принадлежит мистеру Гриндлу, поравнявшись с его спальней, толкнула дверь спиной и втощила тяжелую ношу. Из-за раздражения или по нелепой случайности, но, затаскивая кладь, Ханна не допускала мысли, что в комнате может кто-то быть. Выдохнув, резко отпустила ручку, и чемодан с грохотом упал на пол. Еще она собиралась хорошенько пнуть по нему, но после услышанного за спиной покашливания, ее занесенная нога так и осталась без движения.

— Вижу: проведенное время не пошло вам на пользу, — раздался насмешливый голос. Обернувшись, Ханна увидела мистера Гриндла в турецком халате, накинутом поверх рубашки и брюк. — Как погляжу, так вы все больше отбиваетесь от рук и ведете себя совершенно отвратительно.

— Послушаете, что расскажет Мэри, вконец разочаруетесь! — огрызнулась она, не опуская глаз. Это было вызывающе, но отступить Ханна не собиралась.

— И что такого она должна поведать?

— Что пожелаете. Думаю, вы будете довольны.

— Вам не кажется, что вы забываетесь? — заметил он строгим тоном, указывая служанке место.

— Возможно, мистер Гриндл.

— Вы будете уволены! — пригрозил Айзек, не дождавшись ни раскаяний, ни

извинений.

— Как вам будет угодно, — она продолжала спокойно стоять, не выказывая ни малейшего расстройств. — Полагаю, мне можно уже собирать вещи?

Он внимательно разглядывал Ханну. Если раньше мог легко довести ее до слез, то теперь попытка указать место и надавить не удалась. За его отсутствие она похудела и теперь казалась повзрослевшей. Айзек не мог пока осознать в чем дело, но интуитивно почувствовал: она изменилась.

«Возможно, — подумал, — эта проныра уже нашла другое место. И я буду не я, если позволю ей упорхнуть от меня!»

— Вам нужны рекомендации? — небрежно спросил, показывая полное равнодушие к ее персоне.

— А вы их дадите? — недоверчивые нотки послышались в голосе служанки.

— Отчего же не дать, если вы отработаете еще некоторое время, пока мы найдем замену? Недели две — три, быть может, и быстрее, — Айзек старался говорить, как можно равнодушнее, но только он знал, какая внутри него клокотала ярость.

— Хорошо, мистер Гриндл, — согласилась Ханна, не веря, что все так здорово сложилось. Еще две недели, и свободна!

Она покинула комнату, оставив хозяина в размышлениях.

***

Вечером у мистера Гриндла состоялся разговор экономкой, в котором та отчиталась обо всем, что произошло в доме в их отсутствие, но особенно красочно она поведала о недостойном поведении Ханна. С ее слов выходило, что служанка не только ленилась и не выказывала должного старания, но и часто без разрешения отлучалась, разодетая в лучшие платья.

— Вы не поверите, мистер Гриндл, — продолжала жаловаться экономка, возмущаясь страшным голосом и выкатывая глаза. — Каждый день она отлучалась из дома и каждый раз в новом платье, чтобы не повторялось! Откуда у простой служанки такие вещи? Вот клянусь вам, мистер Гриндл, нечестным трудом она их заработала! Боюсь, если она снова станет компаньонкой вашей супруги, это будет возмутительно! С распутной служанкой невозможно будет появиться в приличном месте, все начнут тыкать пальцем и шептаться. Прошу вас, мистер Гриндл, умоляю ради безупречной репутации вашей супруги: не позволяйте этой дряни опорочить ваше доброе имя!

Мэри хотела очернить Ханну в глазах хозяина, но, не смотря на все старания, добилась обратного результата. Айзек хорошо помнил об обоюдной симпатии экономки и компаньонки и делил, сказанное Мэри, пополам, но поворот ему не нравился.

«Черт побери, я тебя баловал не для того, чтобы кокетничала с кем-то! — и, поморщившись, пригрозил: — Еще пожалеешь, неблагодарная дрянь!»

Айзека снедала ревность, но еще масла в огонь, сама того не ведая, подлила миссис Гриндл. На второй день после приезда ее с визитом посетила миссис Маккарти. Пожилая леди, как и многие другие горожанки, любила посплетничать. Зная о душевной ранимости и впечатлительности подруги, она старалась делиться только хорошими новостями, тем более что Кэтрин была расстроена зубной болью супруга, из-за которой его непростой характер стал несносным.

— Ты не представляешь, что я сейчас расскажу, — улыбалась гостя. — Знаешь вдову Дэвис? Мы недавно совершенно случайно с ней встретились и разговорились, и она

принялась расспрашивать о твоей компаньонке!

— Правда? — насторожилась миссис Гриндл.

— Да, дорогая, но ты не волнуйся! Миссис Дэвис хотела узнать, какая по характеру мисс Норт. Дело в том, что ее сын — Джон... Ты ведь знаешь Джона? Нет? Не может быть ты видела его в церковном хоре. Да-да, тот высокий юноша! Он равнодушен к Эмме и хотел бы ей сделать предложение!

— Правда?! — хозяйка недовольно сжала губы. — Я позволила мерзавке петь, чтобы она могла творить богоугодное дело, а вместо этого она строит глазки и кокетничает!

Заметив, что у подруги испортилось настроение, миссис Маккарти попыталась исправить ситуацию:

— Ну, право, дорогая Кэтрин, не стоит думать о плохом! Вы ведь с Айзеком тоже в церкви познакомились. Нам не дано знать, куда нас приведут пути Господни. Если уж суждено было им там встретиться, то, возможно, — это судьба, а не плохие намерения!

— Между мной и прислугой лежит огромная пропасть, и что допустимо для леди, совершенно невозможно для служанки, которая служит в моем доме! — отрезала возмущенная хозяйка дома.

Пожилая леди, почувствовав, что подняла запретную тему, расстроилась. После стольких прожитых лет она не научилась радоваться чужому счастью и совершенно не желала портить настроение подруге и жизнь мисс Норт. Теперь же, осознав, что эту тему не следовало поднимать, расстроилась и, поболтав немного о всяких мелочах, вежливо простилась, и уехала.

После ее ухода, миссис Гриндл, поспешила поделиться новостью с супругом.

Кэтрин знала, что Айзек не в настроении, но держать раздражение в себе не могла: ей нужно было срочно поделиться новостью и получить от мужа поддержку.

— Дорогой, тебе следует тщательнее подбирать прислугу! Мне нанесла визит миссис Маккарти и рассказала новость, с которой я хотела поделиться с тобой.

Айзек особым чутьем догадывался, о ком именно пойдет речь.

— Позволяя Эмме петь в хоре, я надеялась, что она еще больше раскроется для веры, а она вместо этого... — Кэтрин сделала лицо излишне чопорным, — ...кокетничала и вела себя неприлично! И Джон Дэвис намерен сделать ей предложение! Я чувствую себя обманутой! Я плачу жалование, и служанка должна мне и моему дому посвятить все свое время!

— Я тоже, милая, — Айзек сосредоточенно потирал пальцы.

— Снизь ей жалование.

— Обязательно, — улыбнулся натянуто. — Обещаю, впредь ей не захочется нас обманывать...

От новости Айзек пришел в бешенство: не для того он так долго обихаживал голодранку, баловал подарками и терпел ревностные выходки Кэтрин, чтобы мерзавка оперилась и упорхнула прямо из-под его носа замуж или к другому нанимателю. Нет, пусть даже не надеется.

***

Ханна крепко спала, когда сквозь сон почувствовала чужое дыхание на щеке. Сонливость мгновенно рассеялась. Она попыталась вскочить, закричать, но ее удерживала ладонь, плотно закрывавшая рот.

— Тш-ш... — прошептал знакомый вкрадчивый голос у самого уха. — Не бойся.

Она немного повернула голову и в темном силуэте, склоненном над ней, смогла разглядеть лицо, руки и обнаженную мужскую грудь. Почувствовав неладное, дернулась, пытаясь вырваться, но мистер Гриндл держал ее крепко. Не желая сдаваться без боя, Ханна, что есть силы, принялась царапать его, за что получила оглушительную оплеуху.

— Я слишком долго с тобой нянчился, надеялся убедить по-хорошему, но, как видно, по-хорошему ты не понимаешь! — прошипел он, стягивая с нее одеяло.

Айзек давил всей тяжестью своего тела, не давая Ханне ни единого шанса высвободиться. В этот раз он решил быть грубым и настойчивым, не желая, чтобы фиаско прошлого раза повторилось.

На Ханне была только тонкая хлопковая сорочка, которая и без помощи легко задиралась, обнажая ноги. Она до боли в мышцах сжимала бедра, но не могла остановить мужскую руку, медленно, но настойчиво продвигающуюся к ее лону. Почувствовала пальцы Айзека в себе, Ханна зарычала от отчаяния. Вцепилась в его волосы и резко дернула, за что получила еще удар, от которого перед глазами потемнело, а мистеру Гриндлу хватило ее малейшего замешательства, чтобы развести бедра и грубо, с яростью проникнуть в нее.

От сильной боли, разрывающей изнутри, Ханна вскрикнула и приглушенно зарыдала.

— Больно лишь первый раз. Потерпи... — шептал Айзек мягко, не в силах остановиться, но теперь двигался менее остервенело. Лишь перед пиком удовольствия ускорил темп и, выкрикнув похабное слово, обмяк.

Ханна лежала и слушала мерное мужское дыхание.

«Теперь я не смогу выйти за Джона!» — она снова расплакалась от осознания тщетности всех надежд на счастливую жизнь.

Айзек надеялся, что до грубости дело не дойдет, но Ханна сопротивлялась, едва не исцарапала ему лицо... Теперь он сожалел, что не сдержался, но извинять не собирался. Вместо этого безмолвно вытирал слезы, стекавшие по ее щекам.

«В конце концов, что бы я сейчас не сказал, все будет не то и не к месту. Утром поговорим», — решил он, поднимаясь.

с узкой кровати с пятнами крови, свидетельствующими о его победе. Уже хотел покинуть комнату, но тревога, что Ханна не в себе, и все может закончиться трагично, подтолкнула его начать объяснение сразу, не откладывая на завтра.

— Если понесешь, я дам хорошее приданое, чтобы ты не бедствовала и удачно вышла замуж. Если нет, хочу, чтобы ты осталась и продолжила работу. Я буду хорошо платить. Обо всем подробнее поговорим завтра.

Ханна лежала на кровати, закрывшись одеялом, и не слушала его. Опасаясь оставить ее одну, сел на кровати и, взяв за руку, произнес:

— Я не сожалею о том, что сейчас произошло. Этого я хотел с того момента, когда нанял тебя. Сейчас ты расстроена и потеряна, думаешь, что потеряла самое ценное, что может быть у женщины, но это не так. Посмотри на меня, — она не шелохнулась. — Посмотри на меня! — резко потребовал Айзек и, не дожидаясь, повернул ее лицо к себе.

Ханна хоть и выглядела потерянной, но по ее глазам понял: о самоубийстве она и не помышляет, и с облегчением выдохнул.

— У меня есть небольшой подарок, — он вложил в ее руку коробочку. Заметив, как она вздрогнула и захлопала ресницами, Айзек не смог удержать улыбку.

На небольшой, красиво обшитой синим бархатом коробочке было что-то выгравировано, но в темноте Ханна не могла разглядеть. Борьба с собой была не долгой,

потому как не успела она еще принять решение, рука уже подняла крышечку.

Открыв, Ханна увидела набор шпилек, украшенных крупными жемчужинами. От неожиданности она просто переводила взгляд с них на мистера Гриндла и обратно.

— Видишь, как я ценю тебя, а ты все хочешь от меня сбежать, — пошутил Айзек.

Теперь Ханна выглядела не такой потерянной.

Айзек усмехнулся и, сказав:

— Поторгуюсь завтра, — покинул комнату, оставив Ханну наедине с мыслями.

Такой практичной она нравилась ему больше.

***

Утром Ханна проснулась раньше, чем обычно. Села на кровати и заметила, что мистер Гриндл ночью отставил три доллара. Золотая монета сиротливо лежала на потертом столе и словно просила, чтобы ее взяли в руки. Положив кругляш на ладонь, она обвела пальцем профиль свободы, венки из пшеницы и хлопка, задумчиво постучала аккуратным ногтем по металлу. Слезы больше не лились, и жалости к себе не было, только пустота и злость.

Глядя то на коробку с набором шпилек, то на золотую монетку, злость Ханны росла.

— Сволочь! — с ненавистью выкрикнула она и со всей силы швырнула золотой кусочек в стену. Да, подарки были хороши, но все же ее девственность стоила гораздо больше.

— Поторговаться?! — зло вспомнила она. — А я поторгуюсь! Ты еще сильно пожалеешь!

Внезапно проснувшись рачительность одолела гордость и, встав на четвереньки, Ханна принялась выуживать из-под кровати закатившуюся монетку. Пообещав себе больше не разбрасываться деньгами, сложила новые сокровища в тайничок под матрасом. Не самое лучшее место, но больше прятать было некуда.

Подойдя к зеркалу, увидела на скуле припухлость, грозившую вскоре превратиться в синяк. Спрятать ссадину было невозможно. Оставалось лишь придумать отговорку.

«Сказать, что лампа потухла, и в темноте ударилась о косяк? Или подвернула ногу и упала со ступенек? Подумают гримзы, что пьяная была. Тоже плохо. А как еще можно получить фиштал под глазом, не выходя из дома? Сам поставил, пусть сам и выкручивается!» — разозлилась Ханна.

Спустилась по черной лестнице и осторожно подкралась к рабочему кабинету. Хозяева еще спали.

В другое время она бы в таком случае направилась на кухню к Марджори, но сейчас ей необходимо было увидеть мистера Гриндла. До сегодняшней ночи Ханна ни за что не зашла бы в его спальню, опасаясь скомпрометировать себя, теперь же ей было нечего терять. Вздохнув, она тихонько постучалась. Никто не ответил.

Опасаясь стучать громче, чтобы не разбудить миссис Гриндл, Ханна решила войти без разрешения. Осторожно толкнула дверь, и та без скрипа открылась.

На цыпочках вошла, закрыла дверь и стала красться к кровати, на которой, повернувшись к стене, спал мистер Гриндл.

Пользуясь возможностью, она принялась внимательно разглядывать спящего мужчину. Что у него широкие плечи и белая кожа на спине, Ханна отметила сразу. Голые мужские ноги, видневшиеся из-под сбившегося одеяла, ее развеселили, потому что ступни были слишком велики, а голени очень волосатыми.

«С такой порослью и одеяла не надо!» — улыбнулась она.

Разглядывать мистера Гриндла было интересно и познавательно. Как мужчина он был

хорош, а вспоминая жар его тела и сбивчивое дыхание, Ханна покраснела. Ей захотелось рассмотреть его наготу полностью, а не урывками, но такое нахальство было непозволительным.

Налюбовавшись мужской спиной, сделала еще шаг, чтобы потрясти мистера Гриндла за плечо, но стоило ей протянуть руку, он внезапно перекатился на спину, перехватил ее руку и, потянув на себя, уронил на кровать.

— Убить решила?! — спросил он, разглядывая ее.

— Нет! — выдавила опешившая Ханна.

— Правда? А чего пришла?

— А я... Я... — оказавшись в постели, Ханна поняла, что она не только глупая и самонадеянная, но и окончательно падшая женщина, которая пришла в спальню к чужому супругу, своему хозяину. И любое ее действие или слово будет выглядеть неуместным. Все, что она хотела сделать, снова оборачивалось против нее же.

Мистер Гриндл продолжал молчать, ожидая от нее слов оправдания.

— Синяк, — наконец, выдавила она и повернулась к нему опухшей скулой.

— М-м, видный синяк будет, сама напросилась! Но я тебя прощаю!

— Что!? — от подобной наглости Ханна разозлилась и удивилась одновременно. — Наглец! — прорычала она.

— Я? Нет! Скорее ты развратная, сластолюбивая кокетка, которая без приглашения пришла в мою спальню. Это очень нахально!

— Дурак! У меня синяк на скуле, и я не знаю, что делать!

— Милая, я не забываешься ли вы, называя хозяина — дураком?

— А не дурак ли хозяин, который ночью, пока его супруга мирно почиет, силой берет служанку, не боясь, что все раскроется?

— Дурак или не дурак, не твоего ума дела! — рявкнул он и вlepил ей пощечину. Легкую, но обидную. — Это за дурака!

— Дурак! Дурак! — Ханну словно прорвало, и она назло, выводя Айзека из себя, продолжала осыпать его оскорблениями. Обида, помноженная за злость и боль, даже умную женщину делает мегерой.

Чувствуя, что Ханна себя не сдерживает, еще немного —, и она перейдет на крик, который разбудит Кэтрин, Айзек накрыл ее рот губами. Она брыкалась, но недолго. В этот раз он был нежным, и она откликнулась на его поцелуй.

Покидая хозяйскую спальню, Ханна чувствовала себя глупым ребенком, которого снова обманули.

— Если просят про синяк, отвечай, что вывела меня из себя, и я ударил.

— Что!?

— Как сказал, так и делай. Этой новости будут рады и Кэтрин, и Мэри, так что не разочаруй их. Скажи, что вчера вечером, я проводил с тобой беседу. Да, забыл! — спохватился Айзек и, отбросив одеяло, совершенно не смущаясь наготы, подошел к брюкам, достал что-то из кармана, и вложил ей в руку. Это оказалась еще одна трехдолларовая монета.

— Я же обещал тебе хорошо платить! — напомнил он, накидывая полосатый турецкий халат.

— Но, платя мне каждый раз после, — растерянно произнесла Ханна, — вы имеете в виду, что относитесь ко мне как к шлюхе?!

— А ты настаиваешь, чтобы я не платил и ничего не дарил? — Айзек цинично улыбнулся

Не найдя, что ответить, Ханна развернулась и направилась к двери.

— Платье поменяй! — услышала вдогонку.

Мистер Гриндл веселился от души.

Глава 16

«Мистер Гриндл избил Ханну!»

Марджори и Марта были поражены новостью. Хотя подобное отношение к служанкам не являлось большой редкостью, они не могли поверить, что это сделал их хозяин.

Зато экономка торжествовала: ее жалобы не остались без внимания. А миссис Гриндл мстительно радовалась, считая, что подобным отношением супруг выразил раздражение и недовольство Эммой, и это несколько приглушило ее ревность.

Сама же провинившаяся молчала, как ни пытались ее разговорить подруги. Оставшись без разъяснений, они сплетничали на кухне, но держали свои обсуждения в большом секрете.

— Дерзила! — предположила Марта и покачала головой, показывая, что для нее это предположение является самым правдоподобным.

— А, может, Мэри постаралась? — Марджори отвернулась от плиты, на которой помещивала ароматное рагу, и наклонилась ближе к уху собеседницы. — Каргу аж трясло от злости, что ей позволяли петь. И платьям она завидовала...

— Тоже верно.

— Не думала, что он на такое способен. Знаешь... — кухарка зашептала совсем тихо. — Мне кажется, что между ней и хозяином не все так просто, а иначе с чего бы ей вдруг стать компаньонкой? В объявлении искали служанку, а тут на тебе! Причем приходили многие, да все не те, а ее выбрал!

— Она хорошенькая... — прищурилась Марта.

— И я о чем! — они обе притихли, потому что показалось, что за дверью кто-то есть.

Убедившись, что никто их не подслушивает, сплетницы продолжили:

- Тогда получается: она либо отказала, либо дерзила...

— Либо Мэри постаралась! — подвела итог кухарка.

— Как не поверни — темное дело.

— Лучше в это не лезть. Он злопамятный, боком выйдет, если узнает о сплетнях!

Утром мистер Гриндл собрал в кабинете прислугу, в том числе и эконому, и настоятельно рекомендовал всем держать рот на замке.

— Я не потерплю, чтобы кто-то из вас разносил сплетни, — остановившись напротив Мэри, окинул ее тяжелым взглядом. — Я в курсе, что между вами установились особо теплые отношения, поэтому предостерегаю вас, Мэри, особенно.

Намекнув экономке, что она первая под подозрением, продолжил:

— Некоторые работают у меня не первый год и видят, я стараюсь избегать подобных инцидентов. Если же я поступил так, как поступил, в том была причина, но, надеюсь, впредь удастся и дальше избежать подобных случаев.

Он не оправдывался и не старался сгладить впечатление, скорее наоборот, его речь больше походила на наставление.

— Я могу дать хорошую рекомендацию, сомнительную или оставить без нее. Если вижу

прилежное исполнение обязанностей и старание, как у Марджори, — посмотрел на кухарку, любившую посплетничать. — Марджори может рассчитывать на блестящую рекомендацию.

Увидев, как та раскраснелась от гордости и счастья, он мог надеяться, что благоразумия у нее будет больше, чем желания разносить слухи.

Мистер Гриндл был требовательным нанимателем, вспыльчивым, но отходчивым и хорошо платил, поэтому служанки на него не держали обид и не стремились найти другое место работы. Еще несколько дней посудачив, они успокоилась.

Мрачность Ханны подруги объясняли плохим настроением из-за страха быть уволенной и подбадривали, как могли, но ее тревожило иное.

«Отныне на брак с Джоном я рассчитывать не могу. Если рискну рассказать ему, он отвернется, пойдут слухи. А если и согласиться жениться, всю жизнь будет попрекать...»

Теперь Ханне было безразлично, будет ее домогаться мистер Гриндл или нет, это уже не имело никакого значения, если только он сдержит обещание и поможет накопить на приданое. Однако надеяться, что от своих слов он позже не откажется, было наивно. Это она хорошо понимала.

Убирая посуду после обеда, поймала его взгляд. Мистер Гриндл смотрел оценивающе, тщательно разглядывая, но несколько холодно, словно она была разонравившейся игрушкой. Это задело ее самолюбие. После всего произошедшего, он не предложил ей вновь стать компаньонкой, даже наоборот, Ханне показалось, что он старался, чтобы она как можно реже сталкивалась с хозяйкой.

Разливая чай, она невольно слушала их разговор.

- Я так понимаю: теперь женский христианский союз трезвости добрался и до наших краев? — спросил мистер Гриндл с легким сарказмом.

- Это же замечательно, Айзек! Только посмотри, сколько мужчин собирается «У Джеймса», и представь, сколько несчастных жен и детей ожидают их возвращения домой. В этих дьявольских салунах несчастные пропивают не только последние гроши, но и душу! — миссис Гриндл вдохновили расспросы супруга. — Недавно произошел дикий, совершенно страшный случай! Один несчастный, некий Рэндал Брайли дошел до такого падения, что забрал у жены единственную обувь и обручальное кольцо. Он заложил вещи, напился до беспамятства и по дороге домой упал, и заснул. Нашли его только через два дня: в сугробе и то случайно. А ведь у него осталось шестеро детей! Мы не можем равнодушно смотреть на это. Губы, касающиеся спиртного, никогда не должны коснуться нас! — торжественно произнесла она, размахивая указательным пальцем перед носом Айзека.

— Ты думаешь: это действенный способ из пьяницы сделать трезвенника? — скептически спросил он.

— Конечно! Вот ты, Айзек, разве не страдал бы, если бы я перестала нежно касаться тебя?

Ханна чуть не поперхнулась от детской наивности хозяйки. Однако мистер Гриндл невозмутимо ответил:

— Ты, любимая, как всегда права, мне было бы очень и очень грустно, если бы я не мог прикасаться к твоим нежным губам. И чем дольше это продолжалось бы, тем сильнее я печалился.

— О, дорогой, — зашебетала соловьем Кэтрин, нежно коснувшись рукой щеки мужа. — Не волнуйся, я так никогда не поступлю!

— Я верю в это всем сердцем, потому что иначе я буду страдать, — заверил он

серьезным голосом.

«Видела, как ты тоскуешь по ее губам!» — зло огрызнулась Ханна, понимавшая, что слова мистера Гриндла — откровенная ложь, но миссис Гриндл засияла, как рождественская Вифлеемская звезда на темном небосводе.

— Вот поэтому мы решили развернуть плакат с этими словами «У Джейсма» и помолиться у дверей этого ужасного заведения.

— Ты намерена собой преградить вход в салон, я правильно понял? — Айзек наградил супругу скептическим взглядом.

— Зато это спасет несколько заблудших душ! — уже менее запальчиво возразила Кэтрин.

— Боюсь даже представить картину, как ты стоишь на коленях в снегу, а сомнительные, нетрезвые типы пробиваются к дверям заведения.

Хозяйка молчала. Слова мужа охладили ее пыл.

— Ты одна из дома выйти боишься, а тут такая отвага.

— Но это же для доброго дела!

— Милая, если тебе так хочется сделать доброе дело, не стоит отдавать последнее, что у тебя есть, достаточно купить безутешной вдове новую обувь и помочь деньгами.

— А причем тут последнее? — не поняла Кэтрин.

— Я имел в виду твое здоровье. Может, вам с подругами лучше собраться за чашкой чая и обсудить, как помочь вдове и ее шестерым детям?

— У нее уже есть сапоги, — с сомнением заметила миссис Гриндл.

— Я не сомневался, но был бы повод вам собраться, а доброе дело найдется. Деньги рано или поздно закончатся, и вдова снова окажется в нужде. Было бы очень великодушно, если бы вы помогли ее старшим детям получить профессию, чтобы позже они могли содержать себя и одинокую мать.

— Милый, я даже подумать не могла, какой ты у меня... — голос хозяйки дрогнул, и она расплакалась от умиления.

Ханна не знала: мистер Гриндл дал такой совет от великодушия и сострадания к сиротам или из-за желания показать себя с лучшей стороны. В любом случае, для нее поступок не остался незамеченным, но в то же время она не собиралась идеализировать хозяина дома.

Несмотря на произошедшее между ними, жизнь продолжалась, ей предстояло привести мысли в порядок и подумать, как жить дальше. Причин покинуть Гриндлов больше не было. Работать до изнеможения не заставляли, платили тоже неплохо. Оставалось только вернуть расположение хозяйки, и появится возможность вновь стать компаньонкой.

С возвращением супругов в город, Мэри притихла и перестала открыто придирается, зато по любому поводу жаловалась мистеру Гриндлу. Эта старая, злобная карга надоела Ханне до чертиков, но она молчала, понимая, что ее положение в доме пошатнулось. Один неверный шаг, и миссис Гриндл заставит супруга ее выставить.

«А что, получил же он, чего добивался? Откусил яблоко, теперь за следующее?»

Всю последнюю неделю мистер Гриндл равнодушно проходил мимо нее. Его безразличие сильно задевало, и она в ответ тоже старательно изображала холодность. Но только от одной мысли, что теперь он оставит ее простой служанкой, а компаньонкой супруги сделает какую-нибудь новенькую служанку, в ней просыпалась ревность. Засыпая, Ханна вспоминала об оказываемых им раньше знаках внимания, о его настойчивых

домогательствах, когда она не давалась ему в руки, о красивых подарках, которые дарил.

Лишив Ханну невинности, мистер Гриндл будто забрал частичку ее души и теперь, демонстрируя пренебрежение, причинял ей боль. Если раньше она хотела избавиться от назойливого хозяйского внимания, то теперь желала его. Речь не шла о любви. Ей очень хотелось поставить мужчину на место, оставить за собой последнее слово, чтобы он не возомнил, что она покорилась.

Из-за противоречивых чувств Ханна не знала, как себя вести. Но после нескольких бессонных ночей, проведенных за размышлениями, твердо решила: у нее есть гордость, и унижаться она ни в коем случае не будет, но постарается выглядеть привлекательно.

Возвращаясь домой из мясной лавки, она успела забежать к швее и забрать два платья. Простые, из дешевой ткани, зато они были новыми, чистыми и цвет обнов был ей весьма к лицу. Впервые она сама выбирала платья по-своему вкусу. Домой возвращалась счастливой.

Увлеченная мыслями об обновлениях, она не сразу услышала чей-то оклик.

— Мисс Норт!

Услышав свое имя, Ханна обернулась.

— Добрый день, мисс Норт, — поприветствовал Джон, потирая от смущения висок. По сравнению с мистером Гриндлом он был очень скромным.

— Добрый день, Джон. Как поживаешь?

— Спасибо, хорошо, — он помолчал. — Вы не приходите петь.

— Я была очень занята и не могла выбраться, но надеюсь: в скором времени смогу посетить репетицию.

— Было бы здорово! И я, и преподобный Поуп, и другие были бы рады вас видеть, — он замялся, заметив, что настроение у Ханны испортилось. — Простите, если сказал что-то не то.

— Почему ты так решил?

— Вы перестали улыбаться, и я подумал, что обидел вас.

— Нет, что ты! — ей стало неловко, что Джон ее печаль принял на свой счет.

— Я буду ждать. С нетерпением.

— До свидания, Джон.

— Всего хорошего, Ханна.

Она повернулась и направилась к черному входу, не сомневаясь, что об их встрече скоро донесут мистеру Гриндлу.

«Будь, что будет! — равнодушно подумала она. — Что может быть хуже его нынешнего равнодушия?»

Глава 17

Миссис Гриндл с супругом с утра нанесли визит миссис Сандерс и первыми поздравили именинницу.

Абегэйл в платье цвета фуксии порхала по комнате, раздумывая, куда поставить вазу с подаренными белыми розами. Ее открытые плечи и низкое, на грани приличия декольте должны были привлекать взоры, однако супруг Кэтрин вел себя безукоризненно, как истинный джентльмен.

Миссис Гриндл была счастлива. Ее милый Айзек, как всегда, был самым лучшим, выдержанным, надежным и благочестивым. Несмотря на явное кокетство подруги, он вел

себя вежливо, но сдержанно.

Чуть позже приехали и другие гости. Миссис Сандерс пришлось покинуть чету Гриндл, и, когда они остались одни, Кэтрин нежно взяла мужа за руку и, улыбнувшись, призналась:

— Айзек, я так люблю тебя!

— Я тоже люблю тебя! — Айзек крепко сжал ее руки и смотрел, не отрываясь, на заблестевшие от слез глаза жены.

Когда именинница вновь вернулась, она застала картину: супруги сидели близко друг к другу и нежно держались за руки.

У Абегэйл на мгновение улыбка сошла с лица, но, быстро взяв себя в руки, она восхищенно заметила:

— Кэтрин, вы с Айзеком чудесная пара!

— Спасибо, Абби! — обрадовалась похвале миссис Гриндл, любившая похвастаться перед подругами супругом.

Миссис Сандерс уже давно была за мужем, имела двоих детей, но, глядя на ее супруга, старше Абби почти на сорок лет, Кэтрин поражалась, откуда у нее дети. Мистер Сандер больше походил на занудного старика, чем на мужа.

«Возможно, именно потому Абби так жадно смотрит на моего Айзека», — решила она и снисходительно улыбнулась.

Абегэйл еле сдерживалась, чтобы не бросить этой выскочке гадость. Пусть ее имя и означало «радость для отца», но из-за мелочного, завистливого характера на счастье она походила мало. Если бы не положение мужа, миссис Сандерс вряд ли имела бы подруг.

Айзек с интересом наблюдал за общением женщин, однако склоки между ними он не хотел, потому примирительно спросил, меняя тему разговора:

— Гости уже все в сборе?

— Да, Айзек. Скоро будем рассаживаться за стол, — Абби кокетливо улыбнулась ему и, заметив недовольство Кэтрин, мило добавила. — Я расположила вас рядом со мной и Питером. Надеюсь: мы чудесно проведем время!

Мистер Гриндл умел быть приятным собеседником. За праздничным столом он остроумно шутил, произносил замечательные тосты, от которых именинница приходила в восторг, рассказывал разнообразные истории. А когда Кэтрин всем присутствующим поведала, как ее любимый супруг предложил помочь сиротам, гости были им окончательно покорены.

Миссис Гриндл довольно улыбалась и гордо восседала рядом с Айзеком. Но, заметив, что жеманные, пылкие взоры Абегэйл на ее супруга, после выпитого вина стали более откровенными и многообещающими, потемнела лицом и замкнулась.

Айзека же веселили томные взгляды именинницы. Худощавую, невзрачную женщину с мелкими чертами лица сложно было назвать обаятельной или милой, но ему нравилось наблюдать, как у супруги меняется настроение.

Миссис Гриндл держалась долго, но все же покинули супруги Гриндл гостеприимный дом тоже первыми. Сославшись на усталость от большого количества людей, раздраженная Кэтрин сухо попрощалась с именинницей и ее мужем и села в нанятый кабриолет. Ехали молча.

Войдя в дом и столкнувшись со встречающей их Эммой, окончательно потеряла самообладание и начала срываться на служанке.

— Ты можешь быть расторопнее?! — закричала она, когда Ханна дольше обычного

развязывала шнурки ее ботинок. Они запутались, а, дергающая в нетерпении ногой, миссис Гриндл только сильнее затягивала узел. Не вытерпев, пнула служанку по бедру и обутая убежала в свою комнату.

Понимая истинную причину подобного поведения супруги, Айзек был удовлетворен. Вспомнив, как Кэтрин, отказываясь исполнять супружеский долг, предлагала ему обратиться к падшим женщинам, едва сдержал мстительную улыбку.

— Дай ножницы, — бросил он Ханне и направился к супруге в спальню.

Когда Айзек опустился перед ней на колени, собственноручно разрезал шнурок и снял с нее обувь, Кэтрин даже улыбнулась. Нежно поцеловав супругу и клятвенно заверив несколько раз, что считает миссис Сандерс неприятной, вульгарной особой, протянул ей успокоительные капли и, пожелав добрых снов, удалился.

После дружеской встречи, хорошего вина и женского общества у Айзека было чудесное настроение, которое было бы еще лучше, если бы не настойчивой зов мужской плоти.

Воспоминания о неожиданном утреннем визите служанки в спальню возбуждали, но рукоблудство ему уже осточертело до печеночных коликов.

«Почему я — здоровый молодой мужчина, с приятной внешностью должен это делать сам с собой, если Кэтрин без уважительных причин оказывается от близости и сама отправляет к шлюхам?»

Борьба с искушением была недолгой и, дернув за шнурок, он стал ждать.

Когда Ханна вошла в комнату, мистер Гриндл невозмутимо курил и читал газету. Он небрежно махнул рукой, указывая на мокрое пятно на паркете.

Она вернулась с тряпкой и начала вытирать пол, спиной ощущая его взгляд.

Зная мистера Гриндла, Ханна уже догадалась, что ее ожидает. Сердце забилось чаще. Так хотелось сказать ему «нет», но желание получить хорошую сумму кричало «да», что от нервного перенапряжения затряслись руки.

Когда мистер Гриндл отложил газету и стал бесстыдно, не таясь, наблюдать за ней, Ханна разозлилась. Ее подмывало швырнуть в его наглое лицо тряпкой, унижить, сказать гадость. Потом он подошел к ней, и перед ее глазами возник чудесный цветок с пятью лепестками, сердцевину которого украшала жемчужина.

Увидев ее изумление, мистер Гриндл плотоядно улыбнулся.

— Хочешь? — цинично спросил, хриплым от желания голосом.

— Нет! — упрямо ответила она, собрав волю в кулак. На такую золотую роскошь ей нужно работать год, если не больше.

Видя ее внутреннюю борьбу, смену эмоций и блеск глаз, Айзек понял, что попал в цель.

— В полночь, в спальне, — сухо бросил, и кулон исчез в его ладони. После ее прищуренного полного ненависти взгляда, он был уверен: Ханна придет.

«А если не придет, что маловероятно, найду другой ключик!»

Когда полночь миновала, Айзека начали одолевать сомнения, однако вскоре слух уловил тихий стук.

«Пришла!» — обрадовался в предвкушении удовольствия.

Молча открыл дверь, и служанка вошла в комнату.

— В чулках?

— Что? — не поняла она.

— Чулки на тебе?

— Нет.

— Раздевайся.

Он внимательно, с усмешкой следил за ее неторопливым раздеванием.

Когда платье соскользнуло на пол, она принялась за корсет... и осталась в тонкой рубашке и панталонах. Оценивая ее ноги, полукружия груди, крутые бедра, Айзек распалялся.

— Полностью! — приказал он.

Раздеваться под пристальным взглядом хозяина было стыдно, но Ханна пыталась изобразить безразличие к происходящему. Сняв исподнее и стоя перед мистером Гриндлом в чем мать родила, она от стыда была готова провалиться сквозь землю, но, заметив его мутные, довольные глаза, ей стало легче.

— Повернись. Медленнее! — он рассматривал ее, как лошадь перед покупкой.

— Может еще зубы показать? — не удержалась Ханна.

— Позже. — Айзек оценил ее сарказм и оскалился в улыбке. — Теперь встань на колени и раздвинь ноги. Шире.

Рассматривая ее, стоящую в животной позе, Айзек с трудом сдерживался, чтобы не накинуться. Подойдя, встал у нее за спиной и опустился на колени.

Когда горячие мужские ладони легли на ее ягодицы, Ханна вздрогнула. Мистер Гриндл прижался к ней и начал бесстыдно тереться пахом. Ей казалось, что рядом животное, так громко он сопел над ухом, сжимая ее грудь. Но, вопреки насмешке, Ханна почувствовала возбуждение. Однако мистер Гриндл не спешил в нее входить, продолжая распушено трогать во всех постыдных местах. И только когда почувствовал, что ее тело выгибается и плотнее прижимается к его твердой плоти, грубо проник.

Услышав, как Ханна довольно охнула, ощутив его в себе, Айзек испытал дикое возбуждение. Его хотели! Он был желанным!

А Ханна с удивлением узнала, что легкая грубость может быть приятной. Ей хотелось, чтобы Айзек двигался еще, дольше, но он неожиданно резко вышел из нее и, помогая себе рукой, испачкал чем-то ее бедра и спину. Потом навалился всем телом и затих.

Если до этого Ханну прельщали дорогие украшения и подарки, то теперь, услышав его сокровенный стон, она осознала, что мистер Гриндл ей нравится.

Отдышавшись, хозяин молча протянул обещанный кулон и вещи, и выставил обнаженную Ханну за дверь. Провожая ее аппетитную фигуру взглядом, он заметил в ее глазах недоумение и обиду, но объясняться не стал. Рассказывать служанке, что сегодня Кэтрин взвинчена и могла чутко спать, он был не намерен.

Пробираясь в темноте до коморки обнаженной и босиком, Ханна ругала Айзека всеми грубыми словами, которые знала. Добравшись, швырнула вещи на пол и забралась под одеяло, сжимая кулон в ладони. Если бы не унижительное возвращение голой, она была бы довольной.

К Айзеку сон не шел. Одного раза ему было мало. Чувствуя, что желание просыпается вновь, накинул халат и, тихо ступая, направился на чердак.

«Вот так всегда: похвалит, потом обидит. А потом наградит и снова наругает...» — размышляла Ханна, поглаживая пальцем золотые лепестки кулона. Неожиданно раздался тихий стук, дверь открылась. Перед ней стоял мистер Гриндл в распахнутом любимом халате, не скрывавшем возбужденную плоть. Он вошел в ее комнату, не ожидая приглашения, и по-хозяйски опустился на узкую кровать.

Глава 18

Ханна не заметила, как ужасные, противные домогательства мистера Гриндла стали ей приятны и особенно желанны. Осознав это, она сначала испугалась, а потом поняла, что стала женщиной. Не из-за того что потеряла целомудрие, а потому как ощутила в себе, своем теле, в крови всю силу страсти, желания и похоти.

Она с любовью и восхищением созерцала его тело, наслаждалась мужским запахом с вкраплениями табака и терпкого одеколона, желала и ужасно ревновала. Айзек учил ее, направлял, подстраивая под свои пристрастия и уже не скрывая, что Кэтрин избегает выполнения супружеского долга. Видя, как у Ханны заблестели от счастья глаза, он понял, что еще немного, и она влюбится в него до беспамятства.

С каждым днем их запретная, порочная, полная чувственности связь крепла.

Айзеку нравилось наблюдать, как Ханна раскрывается, сбрасывает робкую стыдливость и преобразается в ненасытную развратницу. Он научил ее всему, что доставляло ему удовольствие, а она, отчаянно желая видеть восхищение любимого мужчины, с удовольствием исполняла его похотливые прихоти.

Айзек любовался ее обнаженным телом и, вспоминая, что стал первым мужчиной Ханны, чувствовал удовлетворение. Испытывать чувства к служанке считал мальчишеством и полнейшей глупостью, но ему — джентльмену, разница в положении не мешала самодовольно, цинично радоваться победе и тешить свое самолюбие. Наблюдая, как она смотрит на него, чувственно закусывает губы, ждет внимания, приходил в восторг и от одной мысли, что кто-то еще, кроме него, может прикоснуться к ней, доходил до бешенства.

Плавная, увлекающая походка мисс Норт привлекала внимание. Когда Ханна шла по улице, некоторые наглецы оборачивались вслед, провожая взглядами. Замечая, как его знакомые похотливо поглядывают на служанку, Айзек не сомневался, что сделал правильный выбор. Он гордился, что сотворил из скромной, верующей сироты красивую чувственную женщину, привлекавшую мужское внимание. Пусть и не любил Ханну, но ему нравился ее характер, ум, женские уловки. С ним она не пыталась изображать ту, кем не была, потому отпустить ее Айзек не желал.

Раздумывая о будущем, он уже решил, что беременности Ханны обрадуется, потому что ребенок, рожденный ею, наверняка будет красивым. Обладая почти всем, что нужно счастливому человеку для жизни, он все чаще стал задумываться о большой семье. Если с Кэтрин это было не возможным, то с Ханной вполне.

Если бы она родила, нашел бы сильно стесненного в средствах пожилого человека и, заплатив некоторую сумму, предложить бы жениться на любовнице. Потом бы переехал в другой город, где Ханну бы никто не знал, купил бы ей дом и часто навещал. А пока не забывал об осторожности и старался не выделять ее среди прислуги.

Айзек надеялся, что жена еще долго будет в неведении. Однако Ханна менялась на глазах, и Кэтрин тоже заметила появившуюся в служанке чувственность. Почти каждый вечер она жаловалась любимому Айзеку о том, что Эмма ей не нравится, что подозревает ее ужасном поведении, и что ее подруги говорят... Он успокаивал ее, как мог, и заверял, что ничего подобного в служанке не замечает, но как только что-то почувствует, сразу же уволит.

Он старательно оберегал размеренное течение жизни, но не мог предвидеть, что все пойдет прахом, когда Кэтрин соизволит выполнить супружеский долг.

— Милый, думаю: нам нужен маленький, хорошенький малыш! — счастливая супруга смотрела на Айзека, ожидая, что он обрадуется ее неожиданному решению, однако восторга в его глазах так и не увидела.

— Милый, в чем дело? — тревожно спросила она. — Ты не рад? Ты не хочешь ребенка?

— Ну, что ты, Кэтрин. Я просто удивлен, можно даже сказать сражен столь неожиданным твоим желанием.

— Но ведь брак для того и нужен, чтобы плодиться и размножаться. Ведь так сказано в Библии... — чем дольше Кэтрин смотрела на мужа, тем сильнее ее охватывала тревога. — Помнишь, как раньше настойчив ты был в желаниях. Даже с моими родителями разговаривал... — она покраснела. — Вот и я решила, что...

— Чудесно, что ты переменила свое мнение! Почти пять лет на размышления — это капля в море нашей жизни!

Кэтрин уловила насмешку в словах мужа.

— Но ты же победил свою похоть, и теперь я готова.

Помолчав, Айзек ответил:

— Теперь мне надо привыкнуть.

Кэтрин потеряла дар речи.

***

Разбирая вещи хозяйки, которые принесла прачка, Ханна наткнулась на странную женскую сорочку. От иных она отличалась тем, что на уровне бедер имела большую дыру, обшитую кружевом. От осознания, для чего миссис Гриндл понадобилась эта рубашка, ее зазнобило. Руки затряслись, из глаз брызнули слезы. Ханна забежала по комнате из одного угла в другой, не зная, что делать, потом швырнула сорочку на пол и принялась вытирать об нее ноги, но от этого легче не становилось. Брезгливо схватив потоптанную рубашку двумя пальцами, рванула к мистеру Гриндлу.

«Обманул! Предал! Ненавижу!»

Ревность, ярость, ненависть гнали ее, и она даже не пыталась изобразить спокойствие. Благо что никого не встретила на пути.

Ворвавшись в кабинет, захлопнула дверь, подлетела к Айзеку и бросила тряпку ему в лицо.

— Что это?! — разъяренная Ханна прерывисто дышала.

Удивленный ее поведением он брезгливо развернул пальцами рубашку и, усмехнувшись, небрежно бросил:

— Ах, это! Суший пустяк, не обращай внимания, — и продолжил работу с бумагами, показывая, что разговор завершен.

Несколько мгновений, Ханна стояла безмолвно, а потом подошла к столу, оперлась руками и с холодной мстительной улыбкой отчеканила:

— Я ухожу! — ее глаза зло сверкнули. Чувственно прикусив нижнюю губу, медленно развернулась и, покачивая бедрами, направилась к двери.

— Ты не уйдешь!

— Уверен? — она обернулась, и ее коварная, соблазнительная улыбка поразила Айзека. — Я уже не та наивная, глупая девочка, что пришла к тебе тогда!

Она обошла стол, поставила ногу на край его кресла и приподняла края юбок, обнажая ногу в красивом чулке. Другой рукой провела от приоткрытых губ к шее, а потом по груди.

— Посмотри, — Ханна наблюдала, как в Айзеке просыпается злость. — Думаешь, я

буду плакать без твоих рекомендаций?

— Шлюха! — прошипел Айзек от бессилия.

— Правда? Это ты сделал меня такой!

— Я куплю тебе дом! — прохрипел он, понимая, что она взяла над ним верх.

— Не хочу! Ты мне противен после нее! Фу...

Оглушительная пощечина обожгла щеку. Ханна покачнулась и чуть не упала.

— Ненавижу! — выплюнула она. Замахнулась и вернула ему громкую, увесистую оплеуху, звук которой гулко отразился в комнате.

— Дрянь! — Айзек вскочил и попытался хватить ее, но она ловко увернулась. — Потаскуха! — в бешенстве он не выбирал выражения. Ханна попыталась убежать из кабинета, но он оказался проворнее и схватил ее за волосы.

— Скотина! — рычала она в запале, сквозь слезы.

— Пришла нищая, такая же и уйдешь! — Айзек дернул за рукав, пытаясь сорвать платье, которое сам же подарил. Ханна упала, и он навалился на нее сверху, продолжая срывать одежду.

Она сейчас была такая гадкая, дикая, необузданная, непокорная... Айзек ощутил сильное желание и, грубо раздвинув ей ноги, попытался взять силой.

— Иди, жабу имей! — Ханна вцепилась в его волосы и плюнула в лицо, за что получила еще пощечину. Во рту появился привкус крови, но она все равно продолжала сыпать оскорбления. — Скотина!

— Ты еще пожалеешь, сучка! — зло шептал он в ухо, входя до предела. — Окажешься в тягости и никуда не денешься, потом будешь еще упрасиваться, чтобы не гнал тебя!

Грубо, жестко, причиняя боль, двигался Айзек, желая до отказа залить ее лоно семенем. Он так увлекся мстостью, что не заметил, как дверь приоткрылась, и в комнату вошла Кэтрин.

Она стояла и не в силах шелохнуться, безмолвно смотрела, как ее любимый, благочестивый супруг наотмашь хлестал служанку по лицу и в грязной похоти с животным оскалом на лице скакал на ней, стараясь раздавить. А потом его затрясло, и он, грязно ругаясь, застонал от удовольствия. Когда слез с распластанной на полу служанки, Кэтрин увидела его красный член... Все перед глазами закружилось, и она потеряла сознание.

***

Он был рядом, когда она очнулась.

— Убирайся!

— Может, стоит позвать Эмму? — с жестоким сарказмом поинтересовался Айзек.

— Убирайся!

— К падшим женщинам? — он засмеялся и, подойдя к окну, закурил.

— Ты мне противен, ты... ты — животное! — зарыдала женщина.

— Милая, нужно было раньше думать, когда соблюдая свою чистоту, отправляла меня в бордель, — заметив ее гнев, он тут же поправился: — Точно, тут не бордель! Зато нам не грозит французская болезнь.

Айзек продолжал курить, цинично поглядывая на супругу.

— Давно? — с трудом, преодолевая себя, спросила миссис Гриндл.

— Почти два года, — ответил он равнодушно. — Если тебя утешит, она сопротивлялась до последнего. Мне пришлось применить грубость, — помолчав, добавил: — С твоими знакомыми я никогда не спал, так что твое доброе имя безупречно. И нет, я не откажусь от нее. То, что умеет она, вряд ли сможешь ты.

Кэтрин рыдала почти беззвучно.

— Знал бы папа...

— Он знает! И твой брат знает, кроме того, это они советовали мне искать утешение в борделе, даже рекомендовали нескольких потаскух, у которых сами частенько бывают.

Кэтрин от ужаса горькой правды не могла вздохнуть.

— Не беспокойся, я брезгливый, — усмехнулся Айзек и протянул ей стакан с водой. — Твое любимое успокоительное. Мне не нужна сумасшедшая жена.

Не сопротивляясь, она выпила.

— Сейчас спи. Я позову доктора. Если тебе что-то потребуется, придет Эмма. Кроме нее никто не придет. Такие сплетни в доме не удержишь, — он покинул комнату, плотно притворив дверь.

***

Ханна лежала на кровати в рваных лохмотьях. Лицо саднило, сидеть было больно, но больше всего болело сердце, трепыхавшееся от страха и тревоги. Случилось то, чего она так опасалась.

Когда Айзек вошел, сел на постель, протянул руку, и заплаканная Ханна прильнула к нему.

— Прости меня! Прости...! — ее голос сорвался.

— Это все равно должно было случиться рано или поздно, — он вздохнул и провел ладонью по ее растрепанным волосам.

— Я не могла... не могла по-другому. Я... — она сильно всхлипывала, между словами. — Я... я люблю тебя!

— Знаю.

Они долго сидели в тишине, прижавшись друг к другу, пока Айзек не отправил ее на кухню за съестным.

— Покажись, чтобы слухи не пошли. Скажи, что Кэтрин нездоровится, и она будет обедать в спальне. Если спросят, почему так выглядишь, ответишь, что я был раздражен и довел тебя до слез, — объяснял он, помогая ей переодеться. — Я буду тут, если прозвучит звонок, скажу. Если будут допытываться, скажи, что у нее был приступ истерии, и она упала в обморок.

По дороге на кухню, Ханна пригладила волосы рукой.

Открыв дверь, ее оглушили громкие голоса Марджори и Мэри, которые как всегда, препирались, но стоило ей войти, экономка переключилась на нее.

— О, кто соизволил появиться! — раздраженно пробрюзжала она, оглядывая ее с ног до головы. — Все лентяйничаешь?

Ханна сцепила зубы и не отвечала.

— Чего молчишь-то, и сказать в оправдание нечего? А чего зареванная? Опять досталось?

— Досталось.

— И поделом! — зло рассмеялась Мэри. — Чего пришла? Не заработала ты кусок свой.

— Не мне, а миссис Гриндл. Ей нездоровится. Она будет обедать в своей комнате.

— Что-то серьезное?

— Приступ истерии, из-за него она потеряла сознание.

— Да ты что? — хором воскликнули удивленные женщины.

— Давно истерий-то у нее не было, — заметила Марта, сидящая за столом и чистящая

куски тыквы.

— Ты за языком-то следи. Хозяйку она тут обсуждает! — сурово отрезала экономка, как верная собака, бросившаяся на защиту хозяйки.

— Молчу, молчу! — устранилась Марта, покосившись на Марджори.

Получив большой кусок сладкого пирога и ароматного какао, Ханна отнесла его в коморку.

Обедая, они с Айзеком договаривались, что отвечать Кэтрин, если она будет задавать вопросы, и как с ней себя вести. Потом он отправил Ханну вниз, чтобы она была на виду, а сам отправился навестить супругу. Войдя в комнату, услышал равномерное дыхание. Убедившись, что она спит, оставил на столе кусок пирога, какао и тихо покинул спальню. Позже пришел доктор Сэмвел и, осмотрев миссис Гриндл, рекомендовал ей покой и успокоительные капли.

Вызова хозяйки Ханна так и не дождалась. Решив, что потрясенная Кэтрин крепко спит, Айзек решил не тревожить супругу до утра, пока она не придет более-менее в себя.

Когда следующим утром зашел навестить, ее тело было уже холодным.

Глава 19

С трагической кончиной миссис Гриндл привычное течение жизни нарушилось. Казалось, что произошло крушение столпа, дававшего чувство стабильности каждому, кто жил и работал в доме. Ветер перемен ощущался все настойчивее и не миновал никого.

Впервые недели мистеру Гриндл и Ханне было тяжело из-за ощущения страха и опасности. Казалось, что еще немного, одно лишнее слово, порочная связь раскроется, и их обвинят в преднамеренном убийстве. Детектив Инфрилд — толстый флегматичный мужчина, с аккуратными усами и цепким взглядом поначалу наведывался к мистеру Гриндлу каждый день, задавал много вопросов служанкам, расспрашивал знакомых об отношениях между супругами и во всем искал подвох. Однако не найдя ничего подозрительного, был вынужден отступить, хотя сомнения у него остались.

Айзеку повезло, что в тот вечер он вызвал доктора, потому что именно свидетельства мистера Сэмвела о том, что миссис Гриндл была в уме и невредима, но в сильной истерии, оказало самое решающее значение. Все решили, что она, мучаясь от бессонницы, по неосторожности выпила слишком много успокоительного.

Дом то и дело посещали сочувствующие. Их паломничество не прекратилось и после похорон. Как только жительницы Блумсберга узнали, что мистер Гриндл овдовел, словно сошли с ума. Равнодушно наблюдать за подобным лицемерием было просто невозможно. Бывшие подруги Кэтрин — скромные и чопорные дамы штурмовали дом, изнемогая от желания выразить соболезнования. Даже на день рождения миссис Гриндл не находилось столько желающих поздравить ее, сколько пришло поддержать одинокого, состоятельного и обходительного новоиспеченного вдовца.

Айзек старательно изображал скорбь, иногда даже промокал платком заслезившиеся глаза, вспоминая о почившей супруге, жаловался знакомым, как ему одиноко, но Ханна единственная знала, что внезапная смерть Кэтрин не заставила его отказаться от низменных притязаний. Свобода и отсутствие необходимости таиться, словно подстегнули его. Прошла лишь неделя, а мистер Гриндл так часто одаривал ее вниманием, что она не могла ровно сидеть.

Вскоре, ссылаясь на сильную душевную боль и жестокие терзания, связанные с воспоминаниями о супруге в осиротевшем без нее доме, Айзек решил перебраться в Алленвиль. Дав расчет всем служанкам и выплатив сумму свыше ими заработанной, они полюбовно расстались. В городе знали, что и Ханна получила расчет, но никто не догадывался, что она уехала не в Нешвил, а тоже в Алленвиль, где снова встретилась с мистером Гриндлом.

Он снял небольшой дом на окраине города, дабы не привлекать внимание общественности к своей персоне, нанял глухую экономку, которая не слышала бы перед свои носом даже взрыва хлопушки, молчаливую служанку и стал жить в свое удовольствие, предаваясь всевозможным радостям жизни. Ханна же стала его любовницей.

Однако ветер перемен не принес ей счастья. Мистер Гриндл — богатый вдовец пользовался огромным успехом, и ему часто поступали приглашения от дам местного общества. Каждый раз, когда взгляд падал на витиеватую визитку, надушенную духами, Ханну охватывала ревность и отчаяние. Она понимала, что рано или поздно, Айзек снова женится или потеряет к ней интерес.

Когда он задерживался и возвращался поздно, она мерзла в большой кровати и предавалась печали, потому что осознание сотворенного греха не давало покоя. Совесть изводила ее за двоих. Айзек был счастлив, что получил свободу, пусть и таким способом. А Ханна, если у нее выдавалась минутка, посещала приход и молилась о прощении. Наверно, единственными, кто искренне, кроме родных, молился о Кэтрин, оказались бывшая служанка — любовница ее мужа, и миссис Маккарти.

С каждый одиноким, тоскливым вечером, когда Айзека не было рядом, она все больше начинала осознавать свой грех и тяготиться им. От одиночества, Ханне становилось только хуже. Здесь у нее не было знакомых, потому что Айзек не позволял ей никуда отлучаться одной. Он ревновал и ругался, если она хотела куда-нибудь пойти одна.

— Хочешь уйти к другому? — кричал он, обвиняя ее в том, что она намеренно кокетничала в кофейне. Что бы Ханна не сделала, куда бы ни посмотрела, ему мерещилось, что она ищет мужского внимания. Однако когда сам пропадал ночами, ей не отчитывался.

Взамен Айзек баловал ее чудесными нарядами, украшениями, посещал вместе с ней кофейни или кондитерские. Если они были вне Аллентауна, посещали театр.

Они стали ругаться. Ханна злилась, наблюдая, как на Айзека смотрят женщины его круга. Айзек же замечал сальные, похотливые взгляды, которые бросали на его любовницу окружающие мужчины. Подобное положение льстило его самолюбию, но и раздражало, потому что надумай Ханна уйти к другому, он не смог бы остановить, поэтому от души радовался ее скромному пуританскому воспитанию, которое не позволяло ей думать о подобных вещах.

«Нужно стать сильной и покончить со всем этим. Нужно решиться и уйти...» — твердила она себе, но оставить Айзека у нее не хватало сил.

Сентябрьским солнечным днем, когда его не было в городе, Ханна неспешно прогуливалась по городской оранжерее. Вокруг порхали нарядные дамы, как самые изысканные бабочки, играли няни с детьми, бродили влюбленные пары, тайком крадя поцелуи, а она чувствовала себя старой, одинокой, несчастной. Возвращаться в пустынный дом не хотелось, потому что в тишине ей становилось ужасно тоскливо и хотелось плакать. Оставалось только совершать неспешный променад. Минуя белый розовый куст уже пятый раз, она устала и решила присесть на скамейку, чтобы отдохнуть и насладиться видом цветов

и ухоженных кустов. Любуясь солнечным светом, пригревавшим сквозь стеклянную крышу, задумалась и не сразу услышала, что кто-то ее окликнул. Возможно, она так бы и не заметила оклика, если бы зовущая ее не оказалась такой настойчивой. Когда сзади раздался звонкий топот каблуков, она ощутила, как ее руки кто-то коснулся.

— Ханна, ты ли это?! — удивленный голос был юным, звонким и таким беззаботным. И принадлежал Лидии Марвел. Ханна вздрогнула, но убежать было глупо, поэтому собравшись духом, бывшая служанка изобразила приветливую улыбку и обернулась. Перед ней стояла мисс Марвел...

***

Поездка в Филадельфию была удачной. Единственное, что ее немного омрачило, так это то, что Ханна осталась в Аллентауне. Что ни говори, но бродить по Мейн-стрит, где располагались известные магазины, галереи искусства и пивные, вместе было бы лучше.

«Посетили бы Филадельфийский театр или балет Пенсильвании, или Филадельфийскую оперу, отведали местных деликатесов... Наверняка ей пришлось бы по нраву сырные бифштексы, большие сэндвичи и горячие брецели с солью», — рассуждал Айзек, выбирая медальон в подарок. Так уж сложилось, что каждый раз, возвращаясь из поездки, он всегда дарил Ханне что-нибудь с морским совершенством — жемчугом, даже когда еще жил в Блумсберге.

«Ей понравится... — улыбнулся мужчина, представляя, как Ханна обрадуется его приезду и кинется на шею. — Кэтрин такой не была...»

Вспоминания о прошлом заставили хмуриться, и, чтобы перебороть раздражение, мистер Гриндл закурил. Кроме того, тяготило, что приходилось оставлять любовницу одну, без присмотра. Ревность не давала покоя и засыпая, ему представлялось, что кто-нибудь из знакомых, пользуясь его отсутствием, попытается подступиться к Ханне.

«В следующую поездку найму детектива!» — решил он и успокоился.

Айзек взлелеивал ее для себя, научил всему, что ему нравится, и отдавать Ханну никому не собирался. Особенно ему было по душе сочетание в ней скромности и чувственности, отсутствие вульгарности и пошлости. Ханна сама не знала, какой была соблазнительной и привлекательной, а он всячески старался утаить это от нее, намеренно скрывая любовницу ото всех.

С Ханной было хорошо, он по своему привязался к ней, однако никаких серьезных намерений по отношению к бывшей служанке быть не могло. Любые чувства к любовнице Айзек считал пошлостью и дурном тоном. Если она была хотя бы из обнищавшей приличной семьи, тогда он, возможно, еще подумал. Но, увы.

Кроме того, если бы собирался жениться снова, выбрал дочь одного из компаньонов, но пока Айзек не спешил вновь связать себя узами брака. Прошлых лет семейной жизни было вполне достаточно, чтобы перестать испытывать иллюзии по поводу возможной счастливой жизни.

Расплатившись, вышел из кабриолета и постучал. Удивительно, но глухая миссис Садингтон услышала стук сразу и незамедлительно открыла дверь.

— Добрый день, мистер Гриндл, — взволнованно произнесла она, и он сразу почувствовал неладное.

— Где Ханна? — спросил, не услышав привычных шагов. Экономка побледнела. — Где?! — занервничал он и, не раздеваясь, кинулся наверх.

— Мисс Норт нет! — дрожащим голосом отвечала женщина. — Вчера пришла, в спешке

собрала вещи и...

— Что? Какие вещи! — Айзек от ярости побагровел.

— Не знаю, мистер Гриндл! Мисс Норт ничего не говорила, но она заходила в ваш кабинет и долго там сидела, а когда вышла, была вся заплаканная, а потом... — экономка не успела договорить, потому что дверь громко захлопнулась перед ее носом.

Айзек взволновался, что, уходя, Ханна заглянула в его тайник. Там не было много денег, потому как он привык хранить сбережения в банке, но сам факт того, что она могла сделать это, доводил его до отчаяния. Он не мог поверить, что ошибся в ней.

Метнулся к тайнику, но тот оказался не тронут. Выдохнув с облегчением, он заметил, как его руки трясутся.

«Неужели ушла? К кому?!» — чернильница ударилась об стену, отскочила и с оглушающим грохотом упала на пол.

— Дрянь, неблагодарная дрянь!

Айзек чувствовал себя преданным, раненным в самое сердце. Он думал, что силен, выдержан, крепок, как монолит, всегда уравновешен, но оказалось, что это не так. Сердце билось, пытаясь выскочить из груди, в висках стучало. Стало невыносимо жарко. Желая выпить воды, протянул руку к графину и только сейчас заметил, лежащее на рабочем столе письмо.

Непослушные пальцы не могли подхватить листок, поэтому влажными руками он сдвинул его к краю и только потом смог поднести ближе. Буквы и слова растекались, а дрожь сбивала со строки.

Милый, Айзек.

Знаю, после некоторых событий ты это слово не переносишь, но все же.

Хотя нет, не просто милый, для меня ты любимый.

Не знаю, поймешь ли меня, потому что сейчас я не могу сама себя понять. Этот шаг дается мне тяжело. Не могу писать: слова расплываются, а руки дрожат.

Помнишь, ты читал письмо Лидии и смеялся над ее романтическими глупостями? Возможно, и над моим письмом ты тоже усмехнешься. Пусть так, но я пишу, как умею.

Мне страшно делать то, что задумала. Не знаю, как буду жить без тебя, но молчать и делать вид, что ничего не замечаю, больше не могу. Когда-то я ревновала тебя к Кэтрин, а сейчас ко всем. Смотрю на надушенные духами приглашения и визитки и понимаю, что в каком бы роскошном платье не была, для тебя навсегда останусь служанкой, любовницей, твоей прихотью.

А я не могу и не хочу быть твоей вещью. Люблю тебя и ненавижу, хочу остаться с тобой и не могу. Каждый раз, когда ты приходишь под утро, не нахожу себе места и слоняюсь по дому, с тоской ожидая твоего возвращения. Без тебя плохо, просто невыносимо, но делить тебя с кем-то не смогу. Ревность отравляет меня, мою жизнь, делая ее горькой и мучительной. Лучше сама причиню себе боль, чем буду дожидаться дня, когда ты потеряешь интерес ко мне.

Я буду молиться и каждую ночь, засыпая, думать о тебе. Прощай мой, Айзек. Люблю тебя.

Белый листок выпал из руки. Налив виски, посмотрел на мир сквозь золотистое дно и зло усмехнулся.

«Не хочешь быть моей вещью? Плевать! — Айзек залпом опустошил бокал. — Куда бы ты не пошла, я найду тебя, и ты горько пожалеешь о содеянном, дрянь!»

Больше книг на сайте - Knigolub.net